

Сартр Жан-Поль Дьявол и Господь Бог filosoff.org
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://filosoff.org/> Приятного чтения!

Жан-Поль Сартр

Дьявол и господь БОГ

Пьеса в трех актах одиннадцати картинах. Картина первая

Слева – словно повисший между землей и небом, один из залов архиепископского замка.

Справа – дом епископа и крепостные стены города.

Освещен лишь зал в архиепископском замке, остальная часть сцены затемнена.

Архиепископ (стоя у окна). Где же он? О господи! Пальцы моих подданных стерли мое изображение на золотых монетах, а твоя суровая, дань, о господи, стерла черты моего лица. Не архиепископ, а тень его! Если к вечеру придет весть о поражении, я, пожалуй, стану совсем бесплотным. А на что тебе, господи, тень служителя?

Входит слуга.

Полковник Линегарт?

Слуга. Нет, банкир Фукр. Он просит...

Архиепископ. Сейчас, сейчас. (Пауза.) Где же Линегарт, чего он медлит? Я жду вестей. (Пауза.) На кухне идут толки о сраженье?

Слуга. Только о том и толкуют, монсеньёр.

Архиепископ. И что говорят?

Слуга. Сражение началось отлично. Конрад зажат между рекой и горой...

Архиепископ. Знаю, знаю. Но в драке можно оказаться и побитым.

Слуга. Монсеньёр...

Архиепископ. Ступай!

Слуга уходит.

Как допустил ты это, господи? Враг вторгся в мои земли. Мой добрый город Вормс восстал против меня. Пока я сражался с Конрадом, город Вормс всадил мне нож в спину. Я и не знал, господи, что ты уготовил мне столь почетную судьбу. Неужто мне побираться слепцом вслед за поводырем-мальчишкой? Разумеется, я к твоим услугам, раз ты настаиваешь, чтобы воля твоя свершилась. Но молю тебя, господи, вспомни, что мне уже не двадцать и я вообще никогда не имел призвания к мученичеству.

Издалека раздаются возгласы: «Победа! Победа!» Голоса приближаются. Архиепископ прислушивается и кладет руку на сердце.

Слуга (входя). Победа! Победа! Мы победили, монсеньёр! Полковник Линегарт здесь!

Полковник (входя). Победа, монсеньёр! Полная победа! Все по уставу!

Сартр Жан-Поль Дьявол и Господь Бог filosoff.org
Образцовая битва! Исторический день: противник потерял шесть тысяч человек, их перерезали, утопили; уцелевшие бегут.

Архиепископ. Благодарю тебя, господи! А Конрад?

Полковник. Он среди павших.

Архиепископ. Благодарю тебя, господи! (Пауза.) Если он мертв – прощаю его. (Линегарту.) Дай благословлю тебя. Ступай! Распространяй повсюду эту весть!

Полковник (выпрямившись). Едва успело подняться солнце, как мы заметили тучи пыли...

Архиепископ (прерывает его). Нет, нет! Никаких подробностей. Победу, изложенную со всеми подробностями, трудно отличить от поражения. Ведь это победа, не так ли?

Полковник. Изумительная победа – само изящество, а не победа.

Архиепископ. Ступай, я буду молиться.

Полковник уходит, архиепископ пускается в пляс.

победа! Победил! (Кладет руку на сердце.) Ох! (Преклоняет колени на молитвенную подушечку.) Лучше помолимся!

Освещается часть сцены, справа – верхняя часть крепостной стены. Дозорные Гейнц и Шмидт прильнули к бойницам.

Гейнц. Не может быть... Не может быть! Господь не мог этого допустить.

Шмидт. Погоди, сейчас они опять начнут. Взгляни-ка! Раз, два, три... три... и еще – два, три, четыре, пять...

Насти (появляется среди укреплений). Ну, что тут у вас?

Шмидт. У нас дурные вести, Насти...

Насти. Для тех, кто избран богом, нет дурных вестей.

Гейнц. Вот уже час, как мы следим за сигнальными вспышками. Они повторяются. Погоди! Раз, два, три... пять. (Он показывает рукой на гору.) Архиепископ выиграл сражение.

Насти. Знаю.

Шмидт. Все погибло. Нас загнали в Вормс. Союзников нет, продовольствия нет. Ты говорил, что Гец устанет, что он в конце концов снимет осаду, что Конрад разгромит архиепископа. И вот Конрад убит, войска архиепископа у наших стен соединяются с войсками Геца. Наш удел – гибель!

Герлах (вбегает). Конрад разбит! Бургомистр и советники заседают в ратуше.

Шмидт. Черт возьми! Придумывают, как бы получше сдаться.

Насти. Есть у вас вера, братья?

Все. Да, Насти! Да!

Насти. Тогда не бойтесь ничего. Поражение Конрада – знак.

Шмидт. Знак?

Насти. Знак, поданный мне богом. Ты, Герлах, беги в ратушу разузнай, что решил совет.

Крепостные стены города исчезают во мраке ночи.

Архиепископ (вставая). Эй, кто там?

Входит слуга.

Пригласите банкира.

Входит банкир.

Садись, банкир. Ты весь забрызган грязью. Откуда ты?

Банкир. Я тридцать шесть часов провел в пути, чтобы помешать вам совершить безумный поступок.

Архиепископ. Безумный поступок?

Банкир. Вы хотите зарезать курицу, которая, что ни год, приносит вам золотое яичко.

Архиепископ. О чем ты говоришь?

Банкир. О вашем городе Вормсе. Мне сообщили, будто вы его осаждаете. Если его разграбят ваши войска, вы разоритесь сами и разорите меня. Неужто в ваши годы пристало играть в полководцы?

Архиепископ. Не я бросил конраду вызов.

Банкир. Может, и не вы, но кто мне докажет, что не вы заставили его бросить вызов вам?

Архиепископ. Он мой вассал и обязан мне повиноваться. Но дьявол внушил ему призвать рыцарей к мятежу и стать во главе их.

Банкир. Чего он желал прежде, чем восстать? В чем Вы ему отказали?

Архиепископ. Он желал всего.

Банкир. Ладно, оставим конрада. Конечно, раз его разбили, агрессор – он. Но ваш город Вормс...

Архиепископ. Вормс – мое сокровище! Вормс – любовь моя! Неблагодарный Вормс восстал против меня в тот самый день, когда Конрад пересек границу.

Банкир. Очень дурно с его стороны. Но из этого города поступает три четверти ваших доходов. Кто будет вам платить налоги, кто возместит мне то, что я роздал в долг, если вы, подобно Тиберию, на старости лет перебьете своих горожан?

Архиепископ. Они причинили урон священникам, заставили их укрыться в монастыри, оскорбили моего епископа и запретили ему покидать свой замок.

Банкир. Пустяки! Они не восстали бы, если бы вы их к тому не вынудили. Насилие хорошо для тех, кому нечего терять.

Архиепископ. Чего же ты хочешь?

Банкир. Чтоб вы их помиловали. Пусть заплатят изрядную дань – и позабудем об этом.

Архиепископ. Увы!

Банкир. О чем вы вздыхаете?

Архиепископ. Я люблю Вормс, банкир. Я великодушно простил бы город и без уплаты дани.

Банкир. За чем же дело стало?

Архиепископ. Не я начал осаду.

Банкир. А кто же?

Архиепископ. Гёц.

Банкир. Кто это Гёц? Брат Конрада?

Архиепископ. Да, лучший полководец Германии.

Банкир. Что ему нужно под стенами вашего города? Ведь он ваш враг?

Архиепископ. По правде говоря, я и сам не знаю. Поначалу – союзник Конрада и мой враг, затем – мой союзник и враг Конрада. А теперь... У него переменчивый нрав, мягче о нем не скажешь.

Банкир. Зачем же вам понадобился такой ненадежный союзник?

Архиепископ. Разве у меня был выбор? Он вместе с Конрадом вторгся в мои земли. К счастью, я узнал, что между ними возник раздор, и тайно обещал Гёцу земли его брата, если он возьмет мою сторону. Не оторви я его от Конрада, война давно была бы проиграна.

Банкир. Итак, он перешел на вашу сторону вместе со своими войсками. А потом?

Архиепископ. Я поручил ему охрану тыла. Должно быть, он соскучился. Как видно, он вообще не любит гарнизонной жизни. В один прекрасный день он привел свои войска под стены Вормса и начал осаду города, хоть я его и не просил.

Банкир. Прикажите ему...

Архиепископ печально улыбается, пожимает плечами.

Он вам не подчиняется?

Архиепископ. Разве полководец на поле боя когда-либо подчинялся главе государства?

Банкир. Словом, вы у него в руках.

Архиепископ. Да.

Снова освещены крепостные стены.

Герлах (входя). Совет решил послать парламентаров к Гёцу.

Гейнц. Вот как... (Пауза.) Труссы!

Герлах. У нас одна надежда – Гёц выставит неприемлемые условия. Если он таков, как говорят, то не захочет даже, чтоб мы сдались ему на милость.

Банкир. Может, он хоть имущество пощадит?

Архиепископ. Боюсь, он не пощадит и людей.

Шмидт (Герлаху). Но почему же? Отчего?

Архиепископ. Он рожден в блюде, он никогда не знал отца. Ему одна отрада – чинить зла.

Герлах. Свиное рыло! Ублюдок! Он любит зло! Раз он хочет разграбить Вормс, горожане должны сражаться до последнего.

Шмидт. Если он и решит стереть город с лица земли, то не станет об этом оповещать заранее. Просто потребует, чтобы его впустили, и пообещает ничего не тронуть.

Банкир (возмущенно). Вормс должен мне тридцать тысяч дукатов, нужно остановить все это тотчас же! Отправьте ваши войска против Гёца.

Архиепископ (подавленно). Боюсь, как бы он их не разбил.

Зал архиепископа погружается во мрак.

Гейнц (Насти). Значит, мы и впрямь разбиты?

Насти. Господь на нашей стороне, братья. Нас не могут разбить. Этой ночью я выйду за стены города и проберусь через вражеский лагерь до Вальдорфа, за неделю я там соберу десять тысяч вооруженных крестьян.

Шмидт. Как мы продержимся неделю? Они сегодня вечером могут открыть ворота врагу.

Насти. Наше дело не допустить этого.

Гейнц. Ты хочешь захватить власть?

Насти. Нет, еще не время.

Гейнц. Что же делать?

Насти. Нужно толкнуть богачей на такой шаг, чтобы они стали бояться за собственные головы.

Все. Как ты этого добьешься?

Насти. Только кровью.

Освещается площадка под крепостной стеной. У лестницы, ведущей к дозорным постам, сидит, уставившись в одну точку, женщина, ей 35 лет, она в лохмотьях. Мимо проходит священник, читая на ходу молитвенник.

Кто этот священник? Почему он не заточен, как все остальные?

Гейнц. Ты его не узнаешь?

Насти. Ах, это Генрих! Как он изменился!.. Все равно его должны были посадить под замок.

Гейнц. Бедняки любят его, он живет, как они. Мы побоялись вызвать их недовольство.

Насти. Он опаснее всех.

Женщина (заметив священника). Эй, поп!

Священник убегает, она кричит.

Куда ты бежишь?

Генрих. У меня больше ничего нет. Ничего! ничего! ничего! Я отдал все.

Женщина. Это не причина убегать, когда тебя зовут.

Генрих (устало возвращаясь к ней). Ты голодна?

Женщина. Нет.

Генрих. Чего же ты хочешь?

Женщина. Хочу, чтоб ты мне объяснил...

Генрих (быстро). Ничего я не могу объяснить.

Женщина. Ты даже не знаешь, о чем я говорю.

Генрих. Ну что? Только живо! Что тебе нужно объяснить?

Женщина. Почему умер ребенок?

Генрих. Какой ребенок?

Женщина (с усмешкой). Мой. Да. Ведь ты сам его вчера похоронил. Ему было три года, а умер он с голоду.

Генрих. Я устал, сестра, я никого не узнаю. Все вы на одно лицо, и глаза одни и те же.

Женщина. Почему он умер?

Генрих. Не знаю.

Женщина. Но ты же священник.

Генрих. Да, я священник.

Женщина. Так кто же еще объяснит, если не ты? (Пауза.) А хорошо ли будет, если я наложу на себя руки?

Генрих (с силой). Дурно. Очень дурно!

Женщина. Так я и знала. Но мне так хочется умереть. Вот почему нужно, чтобы ты все объяснил. (Пауза.)

Генрих (проводит рукой по лбу, делает над собой усилие). Ничто не совершается без дозволения божьего. Господь есть добро: все, что ни свершается, – к лучшему.

Женщина. Не понимаю.

Генрих. Бог знает больше тебя. То, что для тебя зло, в его глазах – добро, он взвешивает все последствия.

Женщина. Ты-то сам все можешь понять?

Генрих. Нет! Нет! Я не понимаю! Я ничего не донимаю! Не могу, не хочу ничего понимать! Нужно верить! Верить! Верить!

Женщина (усмехнувшись). Говоришь – нужно верить, а сам-то, видно, и собственным словам не веришь.

Генрих. Сестра, вот уже три месяца, как я повторяю все те же слова; не знаю, по убеждению или по привычке. В одном не заблуждайся – верую, всеми силами верую, всем сердцем! Господи, будь свидетелем, ни на миг сомнение не коснулось моей души. (Пауза.) Женщина, твоё дитя на небесах, ты его встретишь там. (Преклоняет колена.)

Женщина. Да, конечно. Но это – совсем другое дело. И устала я так, что уже сил не хватит радоваться. Даже там, на небесах...

Генрих. Сестра моя, прости!

Женщина. За что тебя прощать? Ты мне ничего не сделал.

Генрих. Прости меня. Прости меня и заодно со мной всех священников, богатых и бедных.

Женщина (удивленно). Прощаю тебя от души. Ты рад?

Генрих. Да. Теперь, сестра моя, помолимся. Будем молить господа, чтобы он вернул нам надежду.

На последней реплике Насти медленно спускается по ступенькам лестницы, ведущей к крепостной стене.

Женщина (видит Насти и радостно восклицает). Насти! Насти!

Насти. Что тебе нужно от меня?

Женщина. Булочник! Мой ребенок мертв. Ты знаешь все... Ты должен знать, почему он умер.

Насти. Да, я знаю.

Генрих. Насти, умоляю тебя, молчи. Горе тем, кто повинен в раздоре.

Насти. Твой ребенок умер оттого, что богачи нашего города восстали против епископа, своего богатейшего повелителя. Воют друг с другом богачи, а

Сартр Жан-Поль Дьявол и Господь Бог filosoff.org
подымают бедняки.

Женщина. И господь позволил им вести эту войну?

Насти. Нет, господь им запретил.

Женщина. А вот он говорит – ничто не свершается без дозволения господя.

Насти. Ничто, кроме зла, порожденного людской злобой.

Генрих. Ты лжешь, булочник! Мешаешь истину с ложью, вводишь души в заблуждение.

Насти. А ты смеешь утверждать, будто господу угодны эти жертвы, нужны напрасные страдания? Он тут ни при чем, слышишь?

Генрих молчит.

Женщина. Значит, мой ребенок умер не по божьей воле?

Насти. Разве он позволил бы ему родиться, если бы желал его смерти!

Женщина (с облегчением). Вот это мне по душе. (Священнику.) Видишь, я все понимаю, когда со мной так говорят. Значит, господь в печали, когда видит мои муки?

Насти. Его печали нет предела.

Женщина. И он ничем не может мне помочь?

Насти. Конечно может. Он вернет тебе ребенка.

Женщина (разочарованно). Да, знаю. Там, на небесах.

Насти. Нет, здесь, на земле.

Женщина (удивленно). На земле?

Насти. Только прежде нужно пройти сквозь игольное ушко, претерпеть семь лет горестей, лишь потом наступит царство божие на земле, и вернуться к нам мертвые наши, и все полюбят всех, и больше никто не будет голодать.

Женщина. К чему ждать семь лет?

Насти. Нужно семь лет драться, чтобы избавиться от злых людей.

Женщина. Крепко придется потрудиться.

Насти. Вот почему господу нужна твоя помощь.

Женщина. Неужто всемогущий нуждается в моей помощи?

Насти. Да, сестра моя. Еще семь лет продлится царствие лукавого на земле. Но если каждый из нас будет смело драться, мы все спасемся, и господь спасется вместе с нами. Веришь ли ты мне?

Женщина (встает). Да, Насти, я тебе верю!

Насти. Женщина, твой сын не вознесен на небо, он во чреве твоём, и будешь ты его носить семь лет, и настанет час – он зашагает рядом с тобой, вложит свою руку в твою, ты родишь его во второй раз.

Женщина. Я верю тебе, Насти. Я тебе верю! (Уходит.)

Генрих. Ты губишь ее душу.

Насти. Почему ты меня не прервал, раз ты в этом уверен?

Генрих. Потому что она стала счастливее...

Насти пожимает плечами и уходит.

Господи! Я не посмел остановить его речи. Я согрешил, господи. Но верую, господи, верую в твое всемогущество, в мать нашу святую церковь, святую плоть Иисусову. Верю, что все решится по воле твоей, даже смерть ребенка. Верю, что все на свете – добро. Верю, потому что это нелепо! Нелепо!

Вся сцена освещается. Горожане со своими женами толпятся вокруг епископского замка и ждут.

Голоса в толпе. Какие новости?..

- Никаких.
- Что здесь происходит?
- Ждут...
- Чего ждут?
- Ничего...
- Вы видели?..
- Справа.
- Да.
- Грязные рожи.
- Дерьмо в воде не тонет.
- Даже на улице опасно показаться.
- Пора кончать войну. Быстрее кончать, не то быть беде.
- Повидать бы епископа. Повидать бы его.
- Он не покажется. Он слишком разгневан...
- Кто?.. Кто?..
- Епископ...
- С тех пор, как его заточили, он иногда показывается в окне, приподнимает занавеску, глядит.
- Вид у него недобрый.
- Что вы хотите услышать от епископа?
- Может, у него есть новости.

Ропот.

- Епископ! Епископ! Покажись! Напутствуй нас!
- Что с нами будет?
- Конец света настал!

Из толпы выходит человек, прорывается к стене епископского замка и прислоняется к ней. Генрих отходит от него подальше и смешивается с толпой.

Пророк. Мир погиб! Погиб! Повсюду падаль! Падаль! Падаль! С нами бог!

Крики. Начинается паника.

Богатый горожанин. Эй! Эй! Спокойно! Это всего лишь пророк!

Голоса в толпе. Еще один пророк? Хватит!

– Замолчи!

– Отовсюду пророки полезли! Стоило наших попов запереть?

Пророк. От земли пошел смрад. Солнце взмолилось господу: «Боженька, не хочу светить! Хватит с меня гнили. Чем больше землю греешь, тем сильнее смрад. Земля грязнит мои лучи. Беда, – солнце говорит. – Золотые кудри мои в дерьме».

Богатый горожанин (бьет пророка). Заткни глотку!

Пророк падает. Окно епископского замка распахивается настезь. Епископ в парадных одеждах появляется на балконе.

Толпа. Епископ!

Епископ. Где войска Конрада? Где рыцари? Где сонмы ангелов, которые должны были обратить в бегство врага? Вы одни. Без друзей, без надежды. Вы прокляты. Горожане Вормса, отвечайте: вы хотели умилостивить господя, заточив его служителей, но почему же господь вас покинул?

Стоны в толпе.

Отвечайте!

Генрих. Не лишайте их мужества.

Епископ. Кто это сказал?

Генрих. Это я, Генрих, священник церкви святого Гильхау.

Епископ. Проглоти язык, богоотступник. Посмеешь ли ты взглянуть в глаза своему епископу?

Генрих. Простите их, если они оскорбили вас, монсеньёр, простите их, как я прощаю вам вашу брань.

Епископ. Иуда, Иуда Искаротский. Иди повесься!

Генрих. Нет, я не Иуда.

Епископ. Почему же ты среди них, отчего ты стал их опорой? Почему тебя не заточили вместе с нами?

Генрих. Я на свободе оттого, что они знают, как я люблю их. И я не пошел в заточение вместе с другими священниками, чтоб в этом пропащем городе хоть кто-нибудь мог служить мессу и провожать покойников. Без меня здесь не было бы церкви. Вормс был бы незащищен перед ересью, люди дошли бы, как псы, без причастия. Монсеньёр, не лишайте их мужества!

Епископ. Кто вскормил тебя? Кто тебя воспитал? Кто научил тебя читать? Кто дал тебе знание? Кто сделал тебя священнослужителем?

Генрих. Церковь, пресвятая мать моя.

Епископ. Ты всем обязан ей. Прежде всего ты принадлежишь церкви.

Генрих. Церковь прежде всего. Но я брат им...

Епископ (повышая голос). Прежде церковь!

Генрих. Да, прежде церковь, но...

Епископ. Я хочу обратиться к этим людям. Но если они будут упорствовать в заблуждениях и бунтовать, повелеваю тебе, вернись к церкви, к твоим подлинным братьям, в монастырь, куда их заточили. Готов ли ты подчиниться своему епископу?

Человек из народа. Не покидай нас, Генрих! Ты пастырь бедняков. Ты наш.

Сартр Жан-Поль Дьявол и Господь Бог filosoff.org
Генрих (с горечью, но твердо). Прежде церковь! Монсеньёр, я подчиняюсь.

Епископ. Жители Вормса! Взгляните на свой белокаменный, на свой богатый город. Взгляните на него в последний раз. Он станет средоточием чумы и голода, и под конец богачи и бедняки истребят друг друга. Солдаты Гёца найдут здесь только трупы и развалины. (Пауза.) Я мог бы спасти вас, но вы должны смягчить мое сердце.

Голоса в толпе. Спаси нас, монсеньёр!

– Спаси нас.

Епископ. Эй, обуянные гордыней! На колени! Просите прощения у господа!

Богатые горожане один за другим становятся на колени. Бедняки по-прежнему стоят.

Генрих, преклонишь ли ты колена?

Генрих становится на колени.

Господи, прости нам прегрешения наши и умерь гнев архиепископа. Повторяйте за мной!

Толпа. Господи, прости нам прегрешения наши и умерь гнев архиепископа!

Епископ. Аминь! Встаньте! (Пауза.) Сначала вы освободите монахов и священников, затем откроете ворота города, встанете на колени перед храмом и будете в великом раскаянии ждать. А мы все вместе выйдем навстречу Гёцу молить его, чтобы он пощадил нас.

Богатый горожанин. А если он будет глух к мольбам?

Епископ. Над Гёцем – архиепископ. Он наш отец и не оставит нас отчей милостью.

За минуту до этого у дозорных постов появился Насти. Он слушает молча и после этой реплики спускается по лестнице крепостной стены на две ступени вниз.

Насти. Гёц служит не архиепископу, Гёц служит дьяволу. Он присягал Конраду, своему родному брату, и затем предал его. Даже если он сегодня пообещает сохранить вам жизнь – неужто вы так глупы, что поверите ему?

Епископ. Эй ты, там, наверху! Кто бы ты ни был, я тебе повелеваю...

Насти. Кто дал тебе право приказывать мне? А вы? Зачем вы слушаете его? Кого вы сами избрали, тот вам и начальник, других нет.

Епископ. А кто избрал тебя, чучело?

Насти. Бедняки. (Обращаясь к толпе.) Солдаты на нашей стороне. Я выставил людей у ворот города. Смерть каждому, кто заговорит о том, чтобы открыть городские ворота!

Епископ. Ступай, нечестивый, веди их на погибель! Ты лишаешь их спасенья!

Насти. Не будь надежды на спасение, я первый сказал бы вам – сдавайтесь. Но кто посмеет сказать, будто господь нас покинул? Вас хотят заставить усомниться в ангелах. Братья мои, ангелы здесь. Нет, не подымайте ваших глаз. Небеса пусты. Ангелы здесь, на земле. Ангелы напали на вражеский лагерь!

Богатый горожанин. Какие ангелы?

Насти. Ангел холеры и ангел чумы, ангел голода и ангел раздора. Запомните, город неприступен. Господь на нашей стороне. Солдаты снимут осаду.

Епископ. Жители Вормса! Адские муки ждут тех, кто послушает этого еретика. Клянусь своим райским блаженством.

Сартр Жан-Поль Дьявол и Господь Бог filosoff.org
Насти. Господь давно швырнул псу под хвост твое райское блаженство.

Епископ. Ну, а твое райское блаженство господь, конечно, хранит в теплом местечке, ждет, пока ты сам явишься! То-то радуется сейчас господь, слыша, как ты оскорбляешь его служителя.

Насти. Кто посвятил тебя в сан?

Епископ. Святая церковь.

Насти. Твоя церковь – потаскуха, распродает свои милости богачам. И ты возьмешься меня исповедовать? Ты отпустишь мне грехи мои? Господь скрипит зубами, глядя на твою душонку. Братья, нам не нужны попы! Каждый может крестить, каждый может отпускать грехи, каждый может молиться – истинно вам говорю. Каждый человек – пророк, или бога нет!

Епископ. Тьфу! Тьфу! Тьфу! Анафема! (Швыряет ему в лицо свой кошель для раздачи милостыни.)

Насти (показывая на дверь замка). Эта дверь источена червями. Нажать плечом – и распахнется. (Пауза.) Сколь у вас терпенья, братья! (Пауза. Обращаясь к народу.) Все они заодно: епископ, городской совет, богачи. Они хотят сдать город врагу, потому что боятся вас. А кто после сдачи заплатит за все? Вы! Всегда платите вы. Вставайте же, братья! Вперед! Нужно убивать, если хотите, чтоб настало царствие небесное.

Шум в народе.

Богатый горожанин (своей жене). Уйдем отсюда!

Другой богатый горожанин (своему сыну). Скорей! Запрем лавку на замок, укроемся в своем доме.

Епископ. Господи, ты свидетель – я сделал все для спасения народа. Во имя славы твоей умру без колебаний, ибо знаю, гнев твой обрушится на Вормс и разнесет его в прах.

Насти. Этот старик готов сожрать вас живыми. Откуда столько. силы в его голосе? Ясно – он жрет вволю. Откройте его закрома, найдете там столько зерна, что целому полку хватит на полгода.

Епископ (кричит). Ты лжешь! Мои закрома пусты, ты это знаешь.

Насти. Взгляните сами, братья, взгляните! Неужто вы поверите ему на слово?

Богатые горожане поспешно спасаются бегством. Бедняки остаются с Насти. Генрих приближается к Насти.

Чего ты хочешь от меня?

Генрих. Ты же знаешь, что закрома пусты! Ты знаешь, что он живет впроголодь, отдавая последнее беднякам!

Насти. Ты за нас или против нас?

Генрих. За вас – когда вы страдаете, против – когда вы хотите пролить кровь церкви.

Насти. Ты за нас, когда нас убивают; против нас, когда мы начинаем защищаться.

Генрих. Я принадлежу церкви, Насти.

Насти. Ломайте двери!

Люди наваливаются на дверь. Епископ молча молится.

Генрих (кидается к двери). Пусть прежде убьют меня...

Человек из народа. Убить тебя? Зачем?

Сартр Жан-Поль Дьявол и Господь Бог filosoff.org
Генриха отталкивают и швыряют на землю.

Генрих. Вы ударили меня. Я любил вас больше собственной души, а вы меня бьете. (Он поднимается и идет к Насти.) Только не трогайте епископа, Насти. Только не трогайте епископа! Убей меня, если хочешь, только не епископа.

Насти. Почему? Он морит голодом народ.

Генрих. Ты знаешь, что это ложь. Ты это знаешь. Ты хочешь освободить своих братьев от гнета и лжи, почему же сам начинаешь с обмана?

Насти. Я никогда не лгу.

Генрих. Ты лжешь, нет в его закромах зерна.

Насти. Все равно! Есть золото, есть драгоценные камни в церквях. Всех, кто подох с голоду у подножия мраморных распятий и мадонн из слоновой кости, всех убил он.

Генрих. Это совсем другое дело. Может, это не ложь, но и правды тут нет.

Насти. Твоей в том правды нет, а наша есть. Господь любит бедняков, и наша правда станет его правдой в судный день.

Генрих. Предоставь ему судить епископа, только не проливай кровь церкви!

Насти. У меня одна лишь церковь – все люди на земле.

Генрих. Люди? Значит, христиане, соединенные любовью. Ты же хочешь освятить свой храм кровопролитием.

Насти. Еще рано любить. Право на любовь мы завоюем кровью.

Генрих. Бог запретил насилие, оно ненавистно ему.

Насти. Ну, а как же ад? По-твоему, грешников не насилуют?

Генрих. Господь сказал: взявший меч...

Насти. ...от меча и погибнет... Что ж, мы погибнем от меча. Все погибнем, но наши сыновья увидят царство божие на земле. Уйди! Ты не лучше других.

Генрих. Насти! Почему вы меня не любите? Что я вам сделал?

Насти. Ты поп, а поп останется попом, что бы ни делал.

Генрих. Я ваш. Бедняк и сын бедняка.

Насти. Что ж, значит, ты предатель, только и всего.

Генрих. Они взломали дверь!

Дверь подалась, и люди ворвались в замок.

(Бросился на колени.) Господи, если ты еще любишь людей, если ты еще не отвернулся от них, воспротивись этому убийству!

Епископ. Мне не нужны твои молитвы, Генрих. Прощаю всех вас, не ведающих, что творите. А тебя, богоотступник, проклинаю!

Генрих. О! (Падает ниц.)

Епископ. Аллилуйя! Аллилуйя! Аллилуйя!

На него кидаются с кулаками, он падает.

Насти (Шмидту). Что ж, пусть теперь попробуют сдать город.

Человек из народа (показываясь в дверях). В закромах не было зерна.

Насти. Значит, они спрятали его в монастыре.

Человек (кричит). В монастырь! В монастырь!

Голоса в толпе. В монастырь!

– В монастырь.

Насти (Шмидту). Этой ночью я попытаюсь пробраться сквозь осаду.

Они уходят. Генрих подымается на ноги, оглядывается по сторонам. Теперь он остался один с пророком. Он замечает лежащего на балконе епископа, который глядит на него широко открытыми глазами. Генрих хочет войти в замок, епископ подымает руку, чтобы оттолкнуть его.

Генрих. Я не войду в замок, опусти свою руку. Если ты еще жив, и можешь простить меня – ярости. Злоба – великий грех. Земную злобу оставь здесь, на земле. Умирать надо легко.

Епископ пытается говорить.

Что?

Епископ смеется.

Предатель? Ну да, конечно. Ты ведь слышал, они тоже зовут меня предателем. Скажи мне, как это я только ухитрился предать всех за раз?

Епископ продолжает смеяться.

Отчего ты смеешься, ну отчего? (Пауза.) Они избили меня. А я любил их. Господи! Как я любил их! (Пауза.) Я любил их, но лгал им. Я лгал им своим молчанием. Я молчал! Я молчал! Я замкнул уста, стиснул зубы. Они мерли как мухи, а я молчал. Когда им нужен был хлеб, я нес им распятие. Ты думаешь, распятие съедобно? Ну опусти же руку, мы – соучастники. Я хотел жить их бедностью, страдать вместе с ними от холода, мучиться их голодом, а они все равно умирали. Выходит, я предавал их на свой лад – убеждал их, будто церковь бедна. Теперь ими овладело бешенство, теперь они убивают. Они погибли. Им не видать ничего, кроме ада, и в этой, и в той жизни.

Епископ произносит несколько неразборчивых слов.

А что мне было делать? Как я мог помешать им? (Оборачивается и смотрит, что происходит в глубине.) Площадь полна народу. Они взламывают двери монастыря. Двери прочны, монастырь продержится до утра, а я ничем не могу помочь! Ничем, ничем! Сомкни уста, умри достойно.

Епископ роняет ключ.

Что это за ключ? От каких дверей? От дверей твоего замка? Нет. От дверей храма? Нет. От дверей ризницы? Нет. От дверей усыпальницы, что всегда заперты? И что?

Епископ. Подземный ход...

Генрих. Куда он ведет? Не говори! Если бы ты смог умереть прежде, чем скажешь...

Епископ. За город...

Генрих. Нет, я не возьму его. (Пауза.) Подземный ход из усыпальницы ведет за город. Ты хочешь, чтобы я отправился к Гёцу и впустил его тем же путем в Вормс? Не рассчитывай на меня.

Епископ. Двести священников, их жизни в твоих руках. (Пауза.)

Генрих. Вот отчего ты смеялся. Отличная шутка. Спасибо, епископ, спасибо! Бедняки убьют священников – или Гёц убьет бедняков. Двести священников или двадцать тысяч человек – вот какой выбор ты мне предоставил. Конечно, двадцать тысяч больше, чем двести. Нужно только выяснить, скольких стоит каждый священник, и решать должен я. В конце концов, я – это церковь. Нет, я не возьму твой ключ: попы отправятся прямо на небеса.

Епископ умирает.

Если только не умрут, как ты, со злобой в сердце. Что ж, ты свое сделал, прощай! Прости его, господи, как я прощаю. Ключ я не возьму. Нет! Нет! (Поднимает ключ.)

Пророк. Господи! Да свершится воля твоя! Мир погиб! Погиб! Да свершится воля твоя!

Генрих. Господи! Ты проклял Каина и детей Каиновых. Да свершится воля твоя! Ты допустил, чтобы боль пронзила сердца людей, прахом пошли их желанья, дела рук их смердели. Господи! Да свершится воля твоя! Ты пожелал, чтобы уделом моим на земле стало предательство. Да свершится воля твоя! Да свершится воля твоя! (Уходит.)

КАРТИНА ВТОРАЯ

На подступах к лагерю Геца. В глубине – город.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Офицеры, Герман.

Возникает фигура офицера, который рассматривает город. Тотчас же вслед за ним появляется еще один офицер.

2-й офицер. Что ты здесь делаешь?

1-й офицер. Гляжу на город. Порой мне кажется, что он в один прекрасный день куда-нибудь улетучится...

2-й офицер (первому). Никуда он не денется. Такой удачи нам не видать. (Внезапно поворачивается.) Что это?

Двое санитаров проходят с носилками, на которых лежит тело, покрытое простыней. Оба молчат. 1-й офицер подходит к носилкам, приподнимает простыню и тотчас опускает ее.

1-й офицер. Бросить в реку! Тотчас же!

2-й офицер. Значит...

1-й офицер. Уже весь почернел. (пауза.)

Санитары продолжают свой путь. Больной стонет.

2-й офицер. Подождите!

Они останавливаются.

1-й офицер. В чем дело?

2-й офицер. Он еще жив.

1-й офицер. И знать не хочу. В воду!

2-й офицер (санитарам). Какого полка?

Санитар. Полк «Синий крест».

2-й офицер. А, мой полк! Кругом!

1-й офицер. Ты с ума сошел! В реку!

2-й офицер. Я не позволю топить своих людей, словно котят.

Они глядят друг на друга, санитары обмениваются насмешливыми взглядами, кладут на землю носилки и ждут.

1-й офицер. Не знаю, жив он или нет, но, если мы его оставим, он заразит холерой всю армию.

3-й офицер (входя). Если не холерой, то паникой. Живо в воду!

Санитар. Он стонет. (Пауза.)

2-й офицер (со злобой оборачивается к санитару, в ярости выхватывает шпагу и наносит удар по лежащему на носилках телу). Теперь он не будет стонать. Ступайте!

Санитары уходят.

2-й офицер. Третий. Третий со вчерашнего дня.

Герман. Четвертый. Там еще один свалился, как раз посреди лагеря.

2-й офицер. Люди его видели?

Герман. Я же сказал: он свалился посреди лагеря.

3-й офицер. Будь я командующим, мы этой ночью сняли бы осаду.

Герман. Согласен. Но ведь командуешь не ты.

1-й офицер. Что ж, нужно с ним поговорить.

Герман. А кто же станет говорить? (Пауза. Глядя на них.) Вы сделаете все, что он захочет.

2-й офицер. Значит, мы пропали. Пощадит холера, так перережут свои же солдаты.

Герман. Если только сам он не подохнет.

1-й офицер. Он? От холеры?

Герман. От холеры или от чего иного. (Пауза.) Мне сказали, что архиепископ не был бы чрезмерно удручен его кончиной.

2-й офицер. Я бы не смог...

1-й офицер. И я не смог бы. Он мне внушает такое отвращение, что мне противно поднять на него руку.

Герман. От тебя ничего и не требуется. Только помалкивай и не мешай тем, чье отвращение не так сильно.

Пауза. Входят Гёц и Катерина.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Те же, Гёц, Катерина.

Гёц (входя). Вам нечего мне сообщить? Вы даже не хотите доложить, что солдатам не хватает хлеба? Что холера убивает каждого десятого? Вы ничего у меня не просите? Вы даже не просите, чтобы я снял осаду, избежал гибели? (Пауза.) Вы так меня боитесь?

Все молчат.

Катерина. Как они глядят на тебя, мое сокровище. Не очень-то они тебя жалуют. Не удивлюсь, если когда-нибудь они воткнут тебе в брюхо большой

нож.

Гёц. А ты Меня любишь?

Катерина. Черта с два!

Гёц. И все же ты меня не прикончила.

Катерина. Не потому, что не хотела.

Гёц. Знаю, о чем ты мечтаешь, но я спокоен. В час моей смерти на тебя накинута двадцать тысяч мужчин, это даже для тебя многовато.

Катерина. Лучше двадцать тысяч, чем один, если он тебе противен.

Гёц. То-то мне и нравится, что я тебе противен. (Офицерам.) Когда же я, по-вашему, должен снять осаду? В четверг? Во вторник? В воскресенье? Так вот, друзья: этому не бывать ни во вторник, ни в четверг. Я возьму этот город нынешней ночью.

2-й офицер. Этой ночью?

Гёц. Да, этой ночью. (Глядит в сторону города.) Видите там, вдали, синий огонек? Я каждый вечер на него гляжу. И каждый вечер он гаснет именно в эту минуту. Вон, видите, погас! Но сегодня он гаснет в сто первый и последний раз. Прощай! Приходится убивать то, что любишь. А вон еще... Гаснут другие огни. Черт возьми! Люди ложатся рано, потому что хотят завтра встать пораньше. Этого «завтра» у них не будет! Чудесная ночь! Не слишком светлая, зато как звезд много! Сейчас луна взойдет. В такие ночи ничего не ждешь. Всё-то они знают, ко всему готовы. Даже к гибели. Но только не этой ночью. Такое чистое небо, оно им внушает доверие. Эта ночь принадлежит им. (Внезапно.) Какая власть! Господи, этот город мой, и я дарю его тебе. Сейчас я подожгу его во славу твою. (Офицерам.) Из Вормса сбежал священник. Он готов ввести нас в город. Его допрашивает капитан Ульрих.

3-й офицер. Гм...

Гёц. В чем дело?

3-й офицер. Не доверяю предателям.

Гёц. Что ты? А я их обожаю.

Входит офицер, подталкивая священника, за ними – солдат.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Те же, Генрих, капитан.

Генрих (падает на колени перед Гёцем). Попробуйте меня! Вырвите мне ногти! Сдерите с меня заживо кожу!

Гёц (громко смеется. Падает на колени перед священником). Вырвите мне кишки! Колесуйте меня! Четвертуйте меня! (Встает.) Что ж, дед сломан. (Капитану.) Кто он?

Капитан. Это Генрих, священник из Вормса. Тот, кто должен выдать нам город.

Гёц. Ну и что же?

Капитан. Он отказывается говорить.

Гёц (подходит к Генриху). Почему?

Капитан. Говорит, что передумал.

3-й офицер. Передумал? Черт возьми! Выбейте ему зубы! Переломите ему позвоночник!

Генрих. Выбейте мне зубы! Переломите мне позвоночник!

Гёц. Вот бешеный! (Генриху.) Почему ты хотел выдать нам город?

Генрих. Чтобы спасти священников, которых чернь хочет растерзать.

Гёц. А почему ты передумал?

Генрих. Увидел рожи ваших наемников.

Гёц. Ну и что?

Генрих. По ним все видно.

Гёц. Что именно?

Генрих. Ради спасения немногих я буду повинен в истреблении всех.

Гёц. А разве ты раньше не видывал наемников? Ты знал, что они не слишком благообразны.

Генрих. Эти хуже всех.

Гёц. Ерунда! Все солдаты похожи друг на друга. Кого же ты думал встретить? Ангелов?

Генрих. Людей. И я хотел просить их пощадить других людей. Они вошли бы в город, только поклявшись, что оставят в живых всех жителей.

Гёц. Значит, ты готов был поверить моему слову?

Генрих. Твоему слову? (Глядит на него.) Ты Гёц?

Гёц. Да.

Генрих. Я... Я думал, что смогу на тебя положиться.

Гёц (удивленно). На мое слово? (Пауза.) Даю тебе слово

Генрих молчит.

Клянусь тебе, если ты введешь нас в город, я сохраню жизнь его жителям.

Генрих. И ты хочешь, чтобы я тебе поверил?

Гёц. Но ты сам говорил...

Генрих. Да, до того, как увидел тебя.

Гёц (хохочет). Понятно! Тот, кто меня видит, редко верит моему слову. Должно быть, я кажусь слишком умным, чтобы сдержать его. Так вот, послушай: лови меня на слове. Ради того, чтоб проверить! Только проверить... Ведь я христианин: хочешь, поклянусь на Библии? Поверь мне, как это ни глупо! Разве вы, попы, не обязаны искушать нечестивцев добром?

Генрих. Искушать добром тебя? Представляю, как бы ты был рад!

Гёц. Ты меня раскусил. (Глядит на него улыбаясь.) Убирайтесь все!

Офицеры и Катерина уходят.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Гёц, Генрих.

Гёц (почти с нежностью). Ты весь в поту. Как ты страдаешь!

Генрих. Моих страданий мало. Страдают другие, а не я. Господь пожелал, чтобы я мучился чужими, а не своими муками. Зачем ты глядишь на меня?

Гёц (по-прежнему нежно). У меня тоже бывала такая двуличная рожа. Гляжу на тебя, а самого себя жаль: мы с тобой одной породы.

Генрих. Ложь! Ты предал своего брата, я своих братьев не предаю.

Гёц. Ты их предашь этой ночью.

Генрих. Ни этой ночью, ни потом. (Пауза.)

Гёц (равнодушно). Что же бедняки сделают с попами? Повесят на мясных крючьях?

Генрих (кричит). Замолчи! (Овладевает собой.) Вот ужасы войны. Я только бедный священник, и я бессилён их предотвратить.

Гёц. Лицемер! Этой ночью в твоей власти жизнь или смерть двадцати тысяч людей.

Генрих. Я не желаю этой власти. Она от дьявола.

Гёц. Хочешь или нет, но ты обладаешь ею.

Генрих убегает.

Эй, что ты делаешь? Если бежишь – значит, ты решился.

Генрих (возвращается, глядит на него и начинает смеяться). Ты прав. Бежать или с собой покончить – все это ни к чему. Все только способ умолчания. Но я избранник божий.

Гёц. Лучше скажи, что ты похож на крысу.

Генрих. Все равно. Избранник – человек, припертый к стенке дланью господа. (Пауза.) Господи! Зачем твой выбор пал на меня?

Гёц (ласково). Последние муки... Как хотелось бы их сократить. Дай помогу тебе.

Генрих. Ты хочешь мне помочь, когда сам бог молчит? (Пауза.) Так вот, я лгал: я не его избранник. Да и какой из меня избранник? Кто заставил меня покинуть город? Кто поручал тебя найти? По правде говоря, я сам себя избрал. Пришел просить тебя о милосердии к братьям, зная, что ничего не добьюсь. Я передумал – и не оттого, что у вас злобные рожи, просто теперь я вижу их наяву. Я хотел чинить зло, увидев вас, понял, что и впрямь причиню его. Знаешь ли ты, что я ненавижу бедняков?

Гёц. Да, знаю.

Генрих. Почему они бегут от меня, когда я им протягиваю руки? Почему страдания их всегда неизмеримо больше моих? Господи, как мог ты допустить, чтобы на свете были бедняки! Почему не сделал ты меня монахом? Там, в монастыре, я был бы твой, но как быть нераздельно твоим, когда люди подымают с голоду? (Гёцу.) Я пришел, чтобы выдать их тебе, надеюсь, что ты их истребишь, и тогда я смогу позабыть, что они жили.

Гёц. Ну и что же?

Генрих. Я передумал: в город ты не войдешь.

Гёц. А что, если на то была господня воля, если господь хотел, чтобы ты впустил нас в город? Так послушай: ты промолчишь – и священники погибнут этой ночью, наверняка погибнут. А бедняки? Ты думаешь, выживут? Осаду я не сниму. Через месяц в Вормсе все передохнет с голоду. Ты не властен решать – жизнь или смерть. Ты можешь только выбрать, как им умирать. Так выбирай же скорую смерть, они только выгадают, погибнув этой ночью, прежде чем перебьют священников: умрут, не замавав руки, и все окажутся на небесах. Если ты оставишь им несколько недель, они запятнают себя кровью и отправятся в ад. Послушай, поп, а вдруг это дьявол велит тебе продлить их

Сартр Жан-Поль Дьявол и Господь Бог filosoff.org
земную жизнь, чтоб они успели заслужить вечное проклятье? (Пауза.) Скажи
мне, как проникнуть в город?

Генрих. Тебя нет.

Гёц. Что?

Генрих. Тебя нет. Твои слова умирают прежде, чем я их расслышу. Такие лица,
как твое, не повстречаешь ясным днем, Я знаю все, что ты мне собираешься
сказать, все твои поступки предвижу. Ты – мое создание, это я внушаю тебе
твои мысли. Мне все это снится. Все мертво, в воздухе разлиты сновидения.

Гёц. Значит, ты тоже снишься мне, я тебя насквозь вижу, настолько, что ты
мне уже надоел. Осталось только выяснить, кому из нас кто снится.

Генрих. Я не покидал город! Не выходил из него. Мы играем перед
намалеванными декорациями. Что ж, ты мастер говорить, играй комедию! Знаешь
ли ты роль? Я-то свою знаю: говорить «нет! нет! нет! нет! нет! нет!» Ты
молчишь. Это наваждение, обыкновенное наваждение, да к тому же еще нелепое.
Что бы я стал делать в лагере Гёца? (Указывает на город.) Если бы только
эти огни погасли! Почему этот город виден там, вдали, если я не выходил за
его пределы? (Пауза.) Да, это дьявольское искушение! Только не знаю какое.
(Гёцу.) Одно мне ясно: я вижу дьявола. Спектакль начнется фантазмагорией, а
потом пойдут рожи.

Гёц. Ты его уже видел?

Генрих. Чаще, чем ты свою мать.

Гёц. Я на него похож?

Генрих. Ты? Бедняга! Ты просто шут

Гёц. Шут?

Генрих. Без шута не обойтись! Его роль – мне перечить. (Пауза.) Я победил.

Гёц. Что?

Генрих. Я победил. Гаснет последний огонек. Исчезает дьявольское видение –
Вормс. Постой, сейчас и ты исчезнешь, страшному наваждению придет конец.
Ночь. Повсюду ночь... Какой покой!

Гёц. Продолжай, поп, продолжай! Я знаю все, что ты мне скажешь. Год
назад... О да, мой брат, я знаю, как хотелось бы вместить в себя всю эту
ночь! Как я хотел того же.

Генрих (бормочет). Где же я проснусь?

Гёц (внезапно смеется). Ты уже проснулся, штукарь! И знаешь это. Всё наяву
– взгляни же на меня, дотронься до меня! Здесь я, во плоти. Взгляни! Вот и
луна показалась, вот снова твой дьявольский город выступает из мрака.
Взгляни-ка, разве это призрак? Ведь это настоящая скала. И настоящие
укрепления. Это настоящий город, в нем настоящие жители, а ты настоящий
предатель.

Генрих. Предателем становишься, когда предаешь. Зря стараешься, я не
предам.

Гёц. Предашь, раз ты предатель. Послушай, поп, ведь ты уже предатель. Две
стороны дерутся, а ты хочешь в одно и то же время быть и за тех и за
других. Значит, ведешь двойную игру. Значит, говоришь на двух языках.
Страдания бедняков ты по-латыни называешь испытанием, а по-немецки –
неравенством. Что изменится для тебя, если ты впустишь меня в город?
Станешь предателем? Но ты уже предатель, только и всего. Предатель, который
совершает предательство, – это предатель, который приемлет себя.

Генрих. Откуда ты все это знаешь, если не я внушил тебе эти слова.

Гёц. Я тоже предатель. (Пауза.) Я уже прошел тот путь, который предстоит
пройти тебе. Ты только взгляни на меня, разве у меня не цветущий вид?

Генрих. Вид у тебя цветущий, потому что ты следуешь своей натуре. Все незаконнорожденные – предатели, уж это известно, а я не из ублюдков.

Гёц (хочет ударить его, но сдерживается). Помни: кто назвал меня ублюдком, больше не раскрывает рта.

Генрих. Ублюдок!

Гёц. Поп! Поп, ну образумься! Не то я отрублю тебе уши. Впрочем, это не поможет – язык-то у тебя останется! (Внезапно обнимает его.) Люблю тебя, мой брат. Мы оба появились на свет вне закона. Чтобы породить тебя, попам пришлось переспать с Ницетой. Зловещий акт. (Пауза.) Конечно, ублюдки предают. Что они, по-твоему, еще могут делать? Я с самого рождения раздвоился: мать отдалась босяку; я как бы из двух половинок, которые никогда не склеишь, одна другой противна. А разве ты лучше меня? Полупоп, полубедняк – из этого еще ни разу не получался цельный человек. Нас нет, и у нас ничего нет. Законнорожденные дети даром радуются жизни на земле. Но это ни тебе, ни мне не дано. С детства я гляжу на мир сквозь замочную скважину. В мире у каждого свое место. Но для нас места нет, мы изгои. Откажись от мира, который не хочет тебя знать. Твори Зло! Увидишь, как тебе станет легко.

Входит офицер.

Чего ты хочешь?

Офицер. Прибыл посланец архиепископа.

Гёц. Пусть войдет.

Офицер. Он принес вести. Противник оставил семь тысяч убитыми. Это отступление.

Гёц. А мой брат?

Офицер хочет что-то сказать ему на ухо.

Не подходи ко мне и говори громко.

Офицер. Конрад убит.

С этой минуты Генрих начинает пристально вглядываться в Гёца.

Гёц. Вот как. Нашли ли его тело?

Офицер. Да.

Гёц. В каком виде, отвечай!

Офицер. Оно обезображено.

Гёц. Удар шпаги?

Офицер. Волки.

Гёц. Какие волки? Здесь есть волки?

Офицер. Арнгеймский лес...

Гёц. Хорошо. Дайте мне закончить одно дело, и мы направим против них целую армию: я истреблю всех волков Арнгейма. Ступай!

Офицер уходит. Пауза.

Умер без причастия. Волки обгрызли его лицо. Но видишь, я улыбаюсь.

Генрих (мягко). Зачем ты его предал?

Гёц. Люблю завершенность... Поп, я сам стал тем, чем стал. Не моя заслуга, что я не знал отца, но званием братоубийцы я обязан лишь самому себе.

Сартр Жан-Поль Дьявол и Господь Бог filosoff.org
(Пауза.) Теперь он мой, только мой.

Генрих. Кто? Что?

Гёц. Дом Гейденштамов. Им теперь конец. Весь род теперь сведен ко мне, от Альбериха – основателя, до Конрада – последнего наследника. Взгляни-ка на меня. Я – фамильный склеп. Отчего ты смеешься?

Генрих. Я думал, этой ночью увижу дьявола. Теперь, пожалуй, мы вдвоем его увидим.

Гёц. Плевать мне на дьявола. Он только берет чужие души, но не он обрекает их на проклятье. Я хочу вести дело только с господом. Ведь от него пошли и чудовища и святые. Бог видит меня, знает, что я убил своего брата, и сердце его кровоточит. Да, господи, все верно, – я его убил. А что ты можешь против меня? Я совершил страшнейшее из преступлений, а бог справедливости меня не может покарать: уже больше пятнадцати лет, как он меня проклял. Что ж, хватит на сегодня: сегодня праздник. Я буду пить.

Генрих (приближаясь к нему). Держи! (Достает из карманов ключ и протягивает его Гёцу.)

Гёц. Что это?

Генрих. Ключ.

Гёц. Какой ключ?

Генрих. Ключ от Вормса.

Гёц. Я же сказал, что хватит на сегодня. Черт побери! Ведь он мой брат. Не каждый день хоронишь брата, я могу себе позволить отпуск до завтра.

Генрих (приближается к нему). Трус!

Гёц (останавливаясь). Взяв ключ, я все сожгу.

Генрих. В самой глубине ложбины большая белая скала. У подножия прикрытая кустарником дыра. Войдешь в подземный ход и обнаружишь дверь – отворишь ее этим ключом.

Гёц. Как тебя любят твои бедняки! Как они тебя благословят!

Генрих. Мне теперь все равно, теперь я погиб... Но тебе, ублюдок, я доверяю своих бедняков. Выбирай!

Гёц. Ты сказал, что стоит лишь взглянуть на мою рожу...

Генрих. Я ее плохо разглядел.

Гёц. А что ты видишь теперь?

Генрих. Вижу, что ты противен самому себе.

Гёц. Это верно. Но только ты не слишком обольщайся. Я уже пятнадцать лет себе противен. Разве ты не понял, что Зло – единственное, ради чего я живу? Дай мне этот ключ! (Берет ключ.) Что ж, поп, ты врал себе до самого конца. Решил, будто тебе удастся скрыть от себя собственное предательство, и под конец ты все же предал: ты выдал Конрада.

Генрих. Конрада?

Гёц. Не беспокойся. Ты такходишь на меня, что я тебя принял за самого себя. (Уходит.)

КАРТИНА ТРЕТЬЯ

Палатка Гёца. Сквозь щель в свете лупы виден раскинувшийся вдали город.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Третий офицер, Герман, Катерина.

Герман входит и пытается спрятаться за походной кроватью. Его голова и тело исчезают, виден лишь толстый зад. Катерина входит и, подойдя к нему, дает ему пинок. Герман в растерянности вскакивает. Катерина хохочет и отступает.

3-й офицер. Если ты закричишь...

Катерина. Если я закричу, тебя схватят и Гёц велит тебя повесить. Лучше поговорим. Что ты хочешь с ним сделать?

Офицер. Будь у тебя в жилах кровь, ты, распутница, давно бы уже все сделала сама. Хватит! Убирайся и благодари бога, что за тебя все сделают другие.

Катерина. А что будет со мной, когда он умрет? Весь лагерь набросится на меня.

Офицер. Мы дадим тебе бежать.

Катерина. А денег дадите?

Офицер. Немножко дадим.

Катерина. Дайте денег, и я пойду в монастырь.

Офицер (смеясь). Ты? В монастырь? Если тебе по нраву женское общество, лучше поступай в бордель. У тебя такие бедра... сможешь кучу золота заработать... Решай! От тебя я требую лишь молчания.

Катерина. Можешь не беспокоиться. Я тебя не выдам. Но вот позволю ли его зарезать?... Неизвестно.

Офицер. Почему?

Катерина. У нас с тобой разные интересы, капитан. Честь мужчины на острие шпаги, ее всегда защитишь. А меня он превратил в потаскуху, это труднее исправить. (Пауза.) Ночью город будет взят. С войной покончено. Все разбредутся. Он придет сюда, и я спрошу его, как он намерен со мной поступить. Если он оставит меня при себе...

Офицер. Гёц оставит тебя при себе?! Да ты с ума сошла! Что он станет с тобой делать?

Катерина. Если он оставит меня, ты к нему не прикоснешься.

Офицер. А если он тебя прогонит?

Катерина. Что ж, тогда он твой. Если я крикну: «Ну, пеняй на себя!» – выходи из укрытия, он в твоих руках.

Офицер. Не нравится мне это: не люблю, когда дело зависит от юбки.

Катерина (все это время посматривавшая наружу). Ну что ж, тогда тебе придется встать на колени и просить его о пощаде. Вот он.

Герман быстро прячется. Катерина смеется.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Гёц, Катерина, Герман в укрытии, позже Франц.

Гёц (входя). Чему ты смеешься?

Катерина. Своим сном. Видела тебя мертвым, с кинжалом в спине. (Пауза.) Ну, он заговорил?

Гёц. Кто?

Катерина. Поп.

Гёц. Какой поп? Ах, да, конечно.

Катерина. Значит, сегодня ночью?

Гёц. Тебя это не касается! Сними с меня сапоги!

Катерина снимает с него сапоги.

Конрад убит.

Катерина. Знаю. Весь лагерь об этом знает.

Гёц. Дай мне вина! Это нужно отпраздновать.

Катерина подает ему вино.

И ты тоже пей.

Катерина. Не хочу.

Гёц. Пей! Черт возьми, сегодня праздник.

Катерина. Чудесный праздник: начался убийством, кончится побоищем.

Гёц. Самый лучший праздник за всю мою жизнь. Завтра я отправлюсь в свои поместья.

Катерина (взволнованно). Так скоро?

Гёц. Так скоро! Вот уже тридцать лет, как я мечтаю об этом Больше и дня не стану ждать.

Катерина кажется встревоженной.

Тебе нехорошо.

Катерина (овладевая собой). Ты заговорил о своих землях, а тело Конрада еще не остыло.

Гёц. Вот уже тридцать лет, как я владею ими тайно. (Подымает свой бокал). Пью за свои земли, за свой замок. Чокнись со мной.

Она молча поднимает бокал.

Говори: пью за твои земли!

Катерина. Нет.

Гёц. Отчего же, девка?

Катерина. Они не твои. Разве, убив брата, ты перестал быть незаконнорожденным?

Гёц смеется и хочет ударить ее. Она уклоняется от пощечины и хохочет, откинувшись назад.

Земли передаются по наследству.

Гёц. Да меня хоть озолоти, я не принял бы наследства. Своим я считаю лишь то, что беру сам. Ну, будешь ты пить, не то рассержусь.

Катерина. За твои земли! За твой замок!

Сартр Жан-Поль Дьявол и Господь Бог filosoff.org
Гёц. Пусть по замку ночами бродят разгневанные призраки.

Катерина. Конечно, комедиант. Что бы ты стал делать без публики? Пью за призраков! (Пауза.) Итак, мой милый, твое лишь то, что ты сам взял.

Гёц. Только это.

Катерина. Но кроме замка и поместий ты владеешь еще сокровищем, которому нет цены, ты как будто совсем о нем позабыл.

Гёц. Что за сокровище?

Катерина. Это я, мой дорогой. Разве ты не взял меня силой? (Пауза.) Что же ты намерен делать со мной?

Гёц (глядя на нее, думает). Заберу с собой.

Катерина. Заберешь с собой? (Шагает в нерешительности.) Зачем ты берешь меня с собой? Чтобы поселить потаскуху в историческом замке?

Гёц. Да, и положить тебя в постель моей матери. (Пауза.)

Катерина. А если я откажусь, если не пойду за тобой?

Гёц. Надеюсь, ты не станешь отказываться.

Катерина. Ага, значит, увозишь меня силой? Это мне нравится. По своей воле мне идти за тобой стыдно. (Пауза.) Почему ты всегда стремишься силой взять то, что тебе, быть может, отдали бы даром?

Гёц. Чтоб знать, что я получу свое, хоть и не добром. (Подходит к ней.) Взгляни на меня, Катерина! Что ты скрываешь от меня?

Катерина (быстро). Я? ничего!

Гёц. Ты с некоторых пор переменилась. Ведь ты меня все так же ненавидишь?

Катерина. Будь спокоен. Все так же.

Гёц. И все еще во сне мечтаешь меня убить?

Катерина. Не раз за ночь.

Гёц. И ты всегда помнишь, что я осквернил и унизил тебя?

Катерина. Всегда.

Гёц. Ты с отвращением переносишь мои ласки?

Катерина. Они меня приводят в дрожь.

Гёц. Великолепно! Если бы ты сказала, что испытываешь блаженство в моих объятиях, я тотчас же прогнал бы тебя.

Катерина. Но...

Гёц. Я ничего не хочу принимать, даже любви женщины.

Катерина. Почему?

Гёц. Я слишком многое брал от других. Вот уже двадцать лет, как все милостиво дают мне подачки. Жалуют даже воздух, которым дышу. Незаконнорожденный должен целовать кормящую его руку. О! Теперь я буду давать сам! Как я буду щедр!

Франц (входя). Посланец его преосвященства здесь.

Гёц. Пусть войдет.

Франц уходит.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Те же и банкир.

Банкир. Я – Фукр.

Гёц. Я – Гёц, а ее зовут Катериной.

Банкир. Счастлив приветствовать столь великого полководца.

Гёц. Рад приветствовать столь богатого банкира.

Банкир. Я принес вам три превосходные вести.

Гёц. Архиепископ победил, мой брат мертв, его имение стало моим. Не так ли?

Банкир. Совершенно верно. Что ж, я...

Гёц. Отпразднуем это. Вы выпьете с нами?

Банкир. Мой желудок больше не переносит вина. Я...

Гёц. Не хотите ли эту красивую девушку? Она принадлежит вам.

Банкир. На что она мне – я слишком стар.

Гёц. Бедная Катерина! Он тебя не хочет. (Банкиру.) Может, вы предпочитаете мальчиков? Я пришлю вам вечером к вашей палатке.

Банкир. Нет, нет! Никаких мальчиков! Никаких мальчиков. Я...

Гёц. А что вы скажете о ландскнехте? Есть у меня один – рост шесть футов, лицо заросло волосами – ни дать, ни взять Полифем.

Банкир. О! О! Только не...

Гёц. В таком случае мы одарим вас славой. (Зовет.) Франц!

Франц появляется

Ты проведешь банкира через лагерь. Пусть солдаты кричат. «Да здравствует банкир!» Пусть кидают вверх шапки.

Франц уходит.

Банкир. Я вам весьма обязан, но мне хотелось бы сначала побеседовать с вами наедине.

Гёц (удивленно). Но разве мы с самого начала не наедине? (Показывая на Катерину.) Ах, она? Ну, она вроде комнатной собачонки, говорите без стеснения.

Банкир. Его преосвященство архиепископ всегда отличался миролюбием, вы знаете, что ваш покойный брат повинен в этой войне...

Гёц. Мой брат! (С яростью.) Если бы эта старая кляча не довела его до крайности...

Банкир. Господин...

Гёц. Позабудьте о том, что я вам сейчас сказал. Я был бы вам признателен, если бы вы не касались имени моего брата. В конце концов я ношу по нему траур.

Банкир. Итак, его преосвященство решил отметить воцарение мира исключительными мерами милосердия.

Гёц. Браво! Он решил открыть тюрьмы?

Банкир. Нет.

Гёц. Желает ли его преосвященство, чтобы я освободил от наказания тех солдат, которых решил покарать?

Банкир. Несомненно, его преосвященство этого желает. Но задуманная его преосвященством амнистия носит более широкий характер: его преосвященство желает распространить ее на жителей Вормса.

Гёц. Ах, вот как!

Банкир. Его преосвященство решил не карать их столь строго за временные заблуждения.

Гёц. Что ж, превосходная мысль.

Банкир. Неужели мы договорились? Так быстро?

Гёц. Да, договорились окончательно.

Банкир (потирает руки). Значит, все обстоит отлично; вы – разумный человек. Когда вы намереваетесь снять осаду?

Гёц. Завтра все будет кончено.

Банкир. Завтра? Это все-таки немного рано. Его преосвященство желает вступить в переговоры с осажденными. Если ваша армия пробудет под стенами города еще несколько дней, это облегчит переговоры.

Гёц. Понятно. А кто же будет вести переговоры?

Банкир. Я.

Гёц. Когда?

Банкир. Завтра.

Гёц. Невозможно.

Банкир. Почему?

Гёц. Катерина, сказать ему?

Катерина. Конечно, мое сокровище!

Гёц. Ты ему и скажи. Я просто не смею, это его слишком огорчит.

Катерина. Завтра, банкир, все горожане будут мертвы

Банкир. Мертвы?

Гёц. Все.

Банкир. Все мертвы?

Гёц. Умрут все. Этой ночью. Видите ключ: это ключ от города. Через часок мы начнем их убивать.

Банкир. Всех? Даже богачей?

Гёц. Даже богачей.

Банкир. Но вы одобряли милосердие архиепископа...

Гёц. Я его и сейчас одобряю. Он оскорблен и он священнослужитель – вот две причины для прощения. Ну а зачем должен прощать я? Жители Вормса меня не оскорбляли. Нет, нет, я солдат, значит, должен убивать. И буду убивать, как велит мне мой долг. А архиепископ пускай прощает, как велит ему его долг. (Пауза.)

Сартр Жан-Поль Дьявол и Господь Бог filosoff.org
Банкир начинает смеяться. Катерина и Гёц тоже смеются.

Банкир (смеясь). Вы любите посмеяться.

Гёц (смеясь). Только это я и люблю.

Катерина. Не правда ли, он очень остроумен?

Банкир. Весьма. Он очень хорошо ведет свое дело.

Гёц. какое дело?

Банкир. Вот уже тридцать лет, как я руководствуюсь одним принципом: корысть правит миром. Люди оправдывали передо мной свое поведение самыми благородными побуждениями, я слушал их одним ухом и говорил себе: ищи корысть!

Гёц. Ну, а когда вы ее находили?..

Банкир. Тогда мы принимались толковать.

Гёц. В чем же моя корысть?

Банкир. Ну, знаете ли...

Гёц. В чем же все-таки?

Банкир. Не торопитесь. Вы принадлежите к очень трудной категории людей. С вами нужно вести дело осторожно.

Гёц. Что за категория?

Банкир. Вы идеалист.

Гёц. что это такое?

Банкир. Видите ли, я разделяю людей на три категории: те, у кого много денег; те, у кого совсем нет денег, и те, у кого денег немного. Первые хотят сохранить то, что у них есть, – их корысть в том, чтоб поддерживать порядок. Вторые хотят взять то, чего у них нет, – их корысть в том, чтоб уничтожить нынешний порядок и установить другой, который им будет выгоден. И те и другие – реалисты, это люди, с которыми можно договориться. Третьи хотят уничтожить общественный порядок, чтобы взять то, чего у них нет, и в то же время сохранить его, чтобы у них не отобрали то, что у них есть. Это значит, что они на деле сохраняют то, что уничтожают в идее. Это и есть идеалисты.

Гёц. Бедняги! Как их спасти?

Банкир. Перевести в другую социальную категорию. Если вы сделаете их богаче, они будут защищать установленный порядок.

Гёц. В таком случае сделайте богатым меня. Что вы мне предлагаете?

Банкир. Земли Конрада.

Гёц. Вы мне их уже дали.

Банкир. Это верно. Помните ли вы, что обязаны ими доброте его преосвященства?

Гёц. Неужели вы считаете, что я об этом забыл?

Банкир. У вашего брата были долги.

Гёц. Бедняга! (Крестится, нервно всхлипывает.)

Банкир. что с вами?

Гёц. Пустяки: привязанность к семье. Значит, у него были долги?

Банкир. Мы могли бы их оплатить.

Гёц. Мне в этом нет никакой корысти, поскольку я не намеревался их признавать. Это нужно его кредиторам.

Банкир. Рента в тысячу дукатов?

Гёц. Ну а мои солдаты? Что, если они откажутся уйти с пустыми руками?

Банкир. Еще тысяча дукатов для раздачи войскам. Этого хватит?

Гёц. Это слишком много.

Банкир. Значит, мы договорились?

Гёц. Нет.

Банкир. Две тысячи дукатов ренты. Три тысячи. Больше я не дам.

Гёц. Кто от вас этого требует?

Банкир. Чего же вы хотите?

Гёц. Захватить город и уничтожить его.

Банкир. Ну я еще могу понять желание захватить город. Но, черт возьми, зачем вы его хотите уничтожить?

Гёц. Потому что все только и хотят, чтобы я его пощадил.

Банкир (подавленный). Должно быть, я ошибся...

Гёц. Верно... Ты не сумел найти, в чем моя корысть... Посмотрим, в чем она. Ищи, ищи же! Но только торопись: ты должен обнаружить ее быстрее, чем за час. Если ты за это время не отыщешь ниточки, чтоб дернуть за нее марионетку, я заставлю тебя самого пройтись по городу – ты увидишь, как вспыхнут пожарища.

Банкир. Вы обманываете доверие архиепископа.

Гёц. Обманываю? Доверие? Вы, реалисты, все на один лад. Когда вам больше нечего сказать, вы начинаете говорить языком, взятым напрокат у идеалистов.

Банкир. Если вы снесете с лица земли город, вам не достанутся земли Конрада.

Гёц. Держите их при себе! Моя корысть, банкир, в том и была – получить эти земли, пожить на них. Но я не так уж уверен, что человек действует ради корысти. Берите их себе. Пусть его преосвященство усядется на них задницей... Я принес в жертву архиепископу своего брата, теперь от меня еще хотят, чтобы я сохранил жизнь двадцати тысяч смердов? Я жертвую жителей Вормса загробной тени Конрада. Пусть жарятся в пекле в его честь. Ну а в поместье Гейденштамов пусть селится архиепископ, если захочет. Там он сможет посвятить себя сельскому хозяйству. Это ему пригодится. Сегодня ночью я намерен его разорить. (Пауза.) Франц!

Появляется Франц.

Возьми этого старого реалиста. Позаботься о том, чтобы ему были отданы все почести. Когда он вернется в палатку, скрути ему покрепче руки и ноги!

Банкир. Нет! Нет! Нет!

Гёц. Что?

Банкир. Поверьте, жестокий ревматизм. Ваши веревки меня убьют. Хотите, дам вам слово не покидать палатку?

Гёц. Твое слово? Сейчас твоя корысть диктует тебе это слово, а вскоре твоя корысть велит тебе нарушить его. Ступай, Франц, и не забудь затянуть узлы покрепче!

Франц и банкир уходят. Тотчас же раздаются крики: «Да здравствует банкир!» Сначала крики слышны вблизи, затем они звучат все дальше и постепенно стихают.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Гёц, Катерина, Герман в укрытии.

Гёц (хохочет). Да здравствует банкир! Прощайте, земли! Прощайте, реки и поля! Прощай, замок!

Катерина (смеется). Прощайте, земли! Прощай, замок! Прощайте, портреты предков!

Гёц. Не жалею ни о чем. Мы бы там смертельно соскучились. (Пауза.) Старый дурак! (Пауза.) Зря он бросил мне вызов.

Катерина. Ты злишься?

Гёц. Не твое дело. (Пауза.) Зло на то и зло, чтобы портить всем жизнь, и прежде всего тому, кто его делает.

Катерина (робко). А если ты не возьмешь город?

Гёц. Если я не захвачу его, ты станешь хозяйкой замка.

Катерина. Я об этом не подумала.

Гёц. Конечно, нет. Можешь радоваться: я захвачу город.

Катерина. Зачем?

Гёц. Ради зла!

Катерина. Зачем делать зло?

Гёц. Добро уже сделано.

Катерина. Кем?

Гёц. Господом. А я люблю выдумку. (Зовет.) Капитана Шена ко мне! (Стоит у выхода из палатки, выглядывая наружу.)

Катерина. Что ты разглядываешь?

Гёц. Город. (Пауза.) Хочу вспомнить, была ли луна.

Катерина. Когда? Где?

Гёц. Такая же ночь была в прошлом году, когда я брал Галле. Я стоял у входа в свою палатку и разглядывал дозорную башню над крепостными стенами. Утром мы начали штурм. (Возвращается к ней.) В любом случае я уберусь отсюда прежде, чем подымется вонь. Сяду на коня – и прощай!

Катерина. Ты? Ты уедешь?

Гёц. Да. Завтра, до полудня, никого не известив.

Катерина. А что будет со мной?

Гёц. С тобой? Зажми нос и моли бога, чтоб ветер не дул в эту сторону.

Входит капитан.

Две тысячи под ружье! Полки Вольфмара и Ульриха! Пусть через два часа будут готовы следовать за мной. Всю армию поднять по тревоге! Выполнять, не зажигая огней, и без шума!

Капитан уходит.

До конца акта будут слышны приглушенные звуки подготовки к бою.

Итак, крошка, не быть тебе владелицей замка.

Катерина. Боюсь, что нет.

Гёц. Ты очень разочарована?

Катерина. А я и не верила.

Гёц. Почему?

Катерина. Потому что знаю тебя.

Гёц (в порыве). Ты? Знаешь меня? (Умолкает и смеется.) Выходит, я тоже должен быть предусмотрителен. Тебе, должно быть, пришли в голову разные мыслишки насчет того, какой ко мне нужен подход: ты за мной наблюдаешь, ты меня разглядываешь.

Катерина. Собака тоже глядит на епископа.

Гёц. Но собаке кажется, что у епископа песья голова. Какая голова у меня? Песья? Рыбья? Голова шлюхи? (Он глядит на нее.) Иди в постель!

Катерина. Нет.

Гёц. Да иди же, говорят тебе...

Катерина. Ты никогда не был так настойчив.

Он кладет ей руку на плечо.

И никогда так не торопился. Что с тобой?

Гёц. Тот Гёц с головой шлюхи подает мне знак. Я хочу уподобиться ему. К тому же тревога побуждает к любовным утехам.

Катерина. А у тебя тревога?

Гёц. Да. (Проходит в глубину палатки, садится на кровать, повернувшись спиной к спрятавшемуся офицеру.) Ну, иди сюда.

Катерина. Иду! (Подходит к нему и силой заставляет его встать. Садится на его место.) Я твоя! Но скажи мне сначала, что будет со мной?

Гёц. Когда?

Катерина. Завтра и потом.

Гёц. Почем мне знать? Станешь, кем захочешь.

Катерина. Потаскухой?

Гёц. Что ж, разве это не лучший выход?

Катерина. А если это мне не по душе?

Гёц. Найди дурака, который на тебе женится.

Катерина. А ты? Что будешь делать ты?

Гёц. Воевать. Говорят, гуситы зашевелились. Отправлюсь туда.

Катерина. Возьми меня с собой.

Гёц. Зачем?

Катерина. Тебе может понадобится женщина. Будут ночи, будут лунные ночи,

Сартр Жан-Поль Дьявол и Господь Бог filosoff.org
тебе придется брать город: ты будешь встревожен, почувствуешь себя влюбленным...

Гёц. Все женщины одинаковы. Стоит мне захотеть – и мои солдаты приведут мне целую дюжину.

Катерина (резко). Я не хочу!

Гёц. Не хочешь?

Катерина. Я могу стать двадцатью женщинами, сотней женщин. Хочешь – я стану для тебя всеми женщинами на свете. Усади меня с собой на коня, я легкая – конь не почувствует моей тяжести. Я буду твоим борделем. (Прижимается к Гёцу.)

Гёц. Что на тебя нашло? (Пауза. Глядя на нее, внезапно говорит.) Уходи! Уходи, мне стыдно за тебя!

Катерина (умоляюще). Гёц!

Гёц. Не смей глядеть на меня такими глазами. Ну и потаскуха же ты, если любишь меня после того, что я с тобой сделал!

Катерина (кричит). Но я не люблю тебя! Клянусь, не люблю! Люби я тебя, ты никогда не узнал бы об этом. А что тебе до любви, о которой тебе не говорят?

Гёц. К чему мне быть любимым? Ты любишь, и, стало быть, удовольствие достается тебе. Уходи, дрянь! Я не хочу, чтобы мною пользовались.

Катерина (кричит). Гёц! Гёц! Не прогоняй меня. У меня нет больше никого на свете.

Гёц пытается выбросить ее из палатки. Она вцепилась ему в руки.

Гёц. Ты уйдешь?

Катерина. Пеняй на себя! Пеняй на себя!

Герман выходит из укрытия и кидается на Гёца с поднятым кинжалом.

Берегись!

Гёц (поворачивается и хватает Германа за руку). Франц! Франц!

Входят солдаты.

(Смеется.) Все-таки мне удалось хоть одного довести до крайности.

Герман (Катерине). Гадина! Ты меня предала!

Гёц (Катерине). Значит, ты его сообщница? Это мне по нраву. (Треплет ее по подбородку.) Уведите его! Сейчас решу его судьбу.

Солдаты уводят Германа. Пауза.

Катерина. Что ты с ним сделаешь?

Гёц. Не могу сердиться на тех, кто хочет меня убить, я их слишком хорошо понимаю. Попросту велю его пробуравить, как толстую бочку, он так на нее похож.

Катерина. Ну а со мной?

Гёц. Да, верно. Я должен тебя покарать.

Катерина. Никто тебя не принуждает.

Гёц. Как знать. (Пауза.) У моих солдат слюнки текут, когда ты проходишь. Я подарю тебя им. А выживешь, подыщем тебе ландскнехта, косоглазого, сифилитика, пускай тогда поп из Вормса вас поженит.

Катерина. Не верю!

Гёц. Не веришь?

Катерина. Нет. Ты не такой... Ты этого не сделаешь. Знаю! Не сделаешь!

Гёц. Не сделаю? (Зовет.) Франц! Франц!

Входят Франц и два солдата.

Займись новобрачной, Франц.

Франц. Какой новобрачной?

Гёц. Катериной. Сначала торжественно переженишь ее со всеми. Ну, а потом...

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Те же и Насти.

Насти входит, приближается к Гёцу и бьет его по уху.

Гёц. Эй, мужлан, что ты делаешь?

Насти. Бью тебя по уху.

Гёц. Это я почувствовал. (Хватает его.) Кто ты?

Насти. Булочник Насти.

Гёц (солдатам). Это Насти?

Солдаты. Да, это он.

Гёц. Что ж, хороша добыча.

Насти. Я не твоя добыча – сам пришел.

Гёц. Называй как хочешь... Все едино. Сегодня бог одаряет меня щедро. (Глядит на него.) Значит, вот он, Насти, повелитель всей черни Германии. Таким я тебя и представлял себе: непригляден, как сама добродетель.

Насти. Я не добродетелен. Добродетель придет к нашим сыновьям, если мы прольем кровь, чтобы дать им на нее право.

Гёц. Вижу – ты пророк.

Насти. Как и каждый человек на свете.

Гёц. В самом деле? Значит, я тоже пророк?

Насти. Любое слово – свидетельство господне, в каждом слове сказано все обо всем.

Гёц. Черт возьми! Придется быть осмотрительным в речах.

Насти. Зачем? Все равно любое слово выдаст тебя.

Гёц. Ладно. Теперь отвечай на мой вопросы. Только постарайся не говорить все обо всем, иначе разговору конца не будет. Итак, ты – Насти, пророк и булочник.

Насти. Да, это я.

Гёц. Говорили, будто ты в Вормсе.

Насти. Я ушел оттуда.

Гёц. Этой ночью?

Насти. Да.

Гёц. Чтоб говорить со мной?

Насти. Нет, искать подкрепления, чтобы напасть на тебя с тыла.

Гёц. Отличная мысль! Почему же ты передумал?

Насти. Проходя по лагерю, я узнал, что нашелся предатель, который выдал вам город.

Гёц. Представляю, как тебе было скверно.

Насти. Очень скверно.

Гёц. И что же дальше?

Насти. Я сидел на камне за палаткой, видел, как зажегся свет, как заметались чьи-то тени. В эту минуту мне было велено войти к тебе, говорить с тобой.

Гёц. Кто же тебе велел?

Насти. Как ты думаешь?

Гёц. В самом деле, кто? Счастливый ты человек! Тебе велено, и ты знаешь кем. Представь себе, мне тоже было велено. Знаешь что? Сжечь Вормс. Но никак не узнать, кто мне повелел. (Пауза.) Это бог повелел тебе дать мне по уху?

Насти. Да.

Гёц. Зачем?

Насти. Не знаю. Может, чтоб пробить воск, который залепил тебе уши.

Гёц. За твою голову назначена высокая плата. Бог предупредил тебя об этом?

Насти. Богу незачем меня предупреждать. Я всегда знал, чем кончу.

Гёц. Выходит, ты и впрямь пророк.

Насти. Тут не нужно быть пророком. У таких, как я, только две возможности умереть: смиренные умирают с голоду, бунтарей вешают. С двенадцати лет каждому известно – смирится он или нет.

Гёц. Ну что же, бросайся предо мной на колени!

Насти. Зачем?

Гёц. Чтобы вымолить у меня пощаду, конечно! Разве бог не велел тебе этого?

Франц натягивает на Гёца сапоги.

Насти. Нет, у тебя нет милосердия. И у бога тоже. К чему молить тебя о милосердии? Когда придет мой черед, я и сам никого не пощажу. Никого!

Гёц. Тогда какого черта ты сюда пришел?

Насти. Открыть тебе глаза, брат мой.

Гёц. Какая чудесная ночь! Все ожило, все дышит. Сам господь шагает по земле, звезды падают с неба на мою палатку. Вот самая прекрасная из звезд – Насти, пророк и булочник. Пришел открыть мне глаза. Кто бы мог поверить, что небо и земля станут утруждать себя ради города, в котором всего двадцать пять тысяч жителей? В самом деле, булочник, а кто тебе докажет, что ты не стал жертвой дьявола?

Насти. Когда солнце светит в глаза, разве нужно доказывать, что на дворе день, а не ночь?

Гёц. Но если ночью предаешься мечтам о солнце, кто докажет тебе, что это на самом деле день, а не ночь? А что, если я тоже видел бога? Значит, солнце против солнца. (Пауза.) Все они у меня в руках, все! И та, кто хотела меня убить, и посланец архиепископа, и ты, король черни; перст господен предотвратил заговор, разоблачил виновных, больше того, один из служителей господа по его поручению принес мне ключи от города.

Насти (его голос зазвучал властно и отрывисто). Служитель господа? Кто он?

Гёц. Что тебе за дело, раз ты умрешь? Признай, господь на моей стороне.

Насти. На твоей? Нет. Ты не человек, избранный богом. Ты в лучшем случае трутень господен.

Гёц. Откуда тебе знать?

Насти. Люди, избранные господом, разрушают или строят, ты лишь сохраняешь все как было.

Гёц. Сохраняю?

Насти. Ты сеешь беспорядок, а беспорядок – лучший слуга установленного порядка. предав Конрада, ты лишил рыцарей прежней силы, я ты ослабишь горожан, разрушив Вормс: кому от этого выгода? Великим мира сего. Ты служишь им, Гёц, и всегда будешь служить. Бедные становятся беднее, богатые богаче, а могущественные еще более могущественными.

Гёц. Значит, я делаю все наперекор самому себе. (С иронией.) Каков счастье, что бог послал тебя просветить меня. Что ты мне предложишь?

Насти. Новый союз.

Гёц. Новое предательство. Вот спасибо! Я к нему привык. По крайней мере останусь самим собой. Но с кем мне заключить союз, раз я не должен идти на сговор ни с горожанами, ни с рыцарями, ни с князьями. Мне просто неясно, с кем я должен заключить союз.

Насти. Захвати город, перебей богачей и священников, отдай город беднякам, подыми армию крестьян и прогони архиепископа – завтра вся страна пойдет за тобой!

Гёц (поражен). Ты хочешь, чтобы я присоединился к беднякам?

Насти. Да к беднякам! К черни городов и деревень.

Гёц. Странное предложение!

Насти. Они твои естественные союзники. Если хочешь разрушать по-настоящему, если хочешь смести с лица земли воздвигнутые сатаной дворцы и церкви, разбить непристойные статуи язычников, бросить в огонь тысячи книг, распространяющих дьявольскую науку, если хочешь уничтожить золото и серебро, иди к нам! Без нас ты тратишь силы понапрасну, ты причиняешь зло лишь самому себе. С нами ты станешь бичом господним.

Гёц. Что вы сделаете с богатыми горожанами?

Насти. Мы отберем их имущество, чтобы одеть тех, кто наг, и прокормить тех, кто голоден.

Гёц. А с попами?

Насти. Мы отошлем их в Рим.

Гёц. А с аристократами?

Насти. Мы отрубим им головы.

Гёц. А когда мы прогоним архиепископа?

Насти. Придет время строить град господен.

Гёц. Что мы положим в основу?

Насти. То, что все люди равны, все люди братья, все люди в боге и бог в каждом. Святой дух говорит устами каждого. Все люди священники и пророки. Каждый может крестить, бракосочетать, благословлять и отпускать грехи. Каждый живет открыто на земле пред лицом всех, и каждый одинок в душе пред лицом бога.

Гёц. Боюсь, что в вашем городе люди разучатся смеяться.

Насти. Можно ли смеяться над тем, что любишь? Законом станет любовь.

Гёц. А кем стану я?

Насти. Ты будешь равен каждому.

Гёц. А если мне не по душе быть равным вам?

Насти. Выбирай – быть равным среди равных или лакеем князей.

Гёц. Это честное предложение, булочник. Только вот бедняки нагоняют на меня скуку. Им ненавистно все, что нравится мне.

Насти. А что же нравится тебе?

Гёц. Все, что вы хотите уничтожить: статуи, роскошь, война.

Насти. Ты просто одурачен. Луна ведь не твоя, а ты воюешь за то, чтобы аристократы могли ею наслаждаться.

Гёц (с глубоким и искренним убеждением). Но я люблю аристократов!

Насти. Ты? Ты их убиваешь.

Гёц. Да, я их понемногу убиваю, но у них плодовые жены – рожают десятерых за каждого убитого мной. Не хочу, чтобы вы их всех перевешали. Зачем я стану помогать вам гасить и солнце и земные огни – наступит холодная ночь.

Насти. Значит, ты хочешь по-прежнему шуметь без толку и без пользы?

Гёц. Да, без пользы. Без пользы для людей. Но что мне до людей? Бог слышит меня, и я терзаю его слух, этого с меня довольно. Бог единственный достойный противник. Есть бог, я и прочие тени. Этой ночью я распну бога, убив тебя и еще двадцать тысяч; страдание господя бесконечно, а стало быть, бесконечен тот, кто заставляет страдать. Этот город будет сожжен, господь об этом знает. Ему сейчас страшно, я это чувствую. Его взгляд прикован к моим рукам, его дыхание касается моих волос, его ангелы плачут. Он, словно простой смертный, говорит себе: может быть, Гёц не осмелится. Плачьте, ангелы, плачьте – я осмелюсь! Сейчас я выступлю вопреки его страху и гневу. Этот город вспыхнет пламенем; душа господня – галерея зеркал, и отсвет пламени повторится в них миллионы раз. Вот тогда я буду знать, что стал настоящим чудовищем. (Францу.) Мою шпагу!

Насти (изменившимся голосом). Пощади бедняков! Архиепископ богат, ты можешь ради развлечения разорить его. Но мучить бедняков – сомнительное развлечение.

Гёц. О нет, это не развлечение.

Насти. А что же?

Гёц. У меня тоже есть своя миссия.

Насти. Молю тебя на коленях!

Гёц. Я думал, тебе запрещено умолять.

Насти. Нет никаких запретов, когда речь идет о спасении людей.

Гёц. Мне кажется, пророк, что бог завлек тебя в ловушку.

Насти пожимает плечами.

Ты знаешь, что с тобой будет?

Насти. Знаю: пытка и виселица. Сказано тебе, я всегда знал это.

Гёц. Пытка и виселица... Пытка и виселица... Как это однообразно. Самое скучное в зле то, что к нему привыкаешь. Нужен талант, чтобы выдумать что-нибудь новое. Но сегодня ночью я лишен вдохновения.

Катерина. Дай ему исповедника!

Гёц. Кого?

Катерина. Ты не можешь послать его на смерть без отпущения грехов.

Гёц. Ты гений! (Насти.) Конечно, милый человек, я дам тебе исповедника! Исполню свой христианский долг. Я подготовил для тебя сюрприз. (Францу.) Пойди-ка отыщи того попа! (Насти.) Люблю, чтоб все было на самой грани... Хорошо ли, дурно ли? Не знаю... Теряешь рассудок...

Насти. О нет, поп меня не осквернит!

Гёц. Тебя будут пытать, покуда ты не исповедаешься ради твоего же блага.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Те же и Генрих.

Генрих. Ты не мог причинить мне больше зла, чем уже причинил. Отпусти меня.

Гёц. Что он делал?

Франц. Сидел в темноте, качал головой.

Генрих. Чего ты хочешь от меня?

Гёц. Есть для тебя работа по специальности. Женщину нужно тотчас же выдать замуж. А этому – отпустить грехи перед смертью.

Генрих. Ему? (Видит Насти.) А!

Гёц (притворно удивлен). Вы знаете друг друга?

Насти. Значит, этот служитель господа дал тебе ключ?

Генрих. Нет! Нет! Нет!

Гёц. Поп, тебе не стыдно лгать?

Генрих. Насти!

Насти даже не глядит на него.

Я не мог допустить убийства священников.

Насти не отвечает.

(Подходит к нему ближе.) Скажи, мог я допустить, чтобы их перебили? (Пауза. Поворачивается, идет к Гёцу.) Зачем ему исповедь?

Гёц. Его должны повесить.

Генрих. Тогда давайте быстрее! Только быстрее! Поищите ему другого исповедника.

Гёц. Ты или никто.

Генрих. Значит – никто. (Хочет выйти.)

Гёц. Эй!

Генрих останавливается.

Неужели ты дашь ему умереть без отпущения грехов?

Генрих (медленно возвращается). Нет, шут, нет. Ты прав. (Насти.) Стань на колени. (Пауза.) Брат, моя вина не падает на церковь. Ее именем отпущу я твои грехи. Может, ты хочешь, чтоб я покаялся при всех? (Ко всем.) Из лукавства и злобы я предал свой город, выдал жителей его на избиение, я заслужил всеобщее презрение. Плюньте мне в лицо. Только хватит болтать.

Насти не пошевелился.

Ты, солдат, плюнь мне в лицо!

Франц (веселым тоном, Гёцу). Плюнуть?

Гёц (добродушно). Развлекайся, сынок.

Франц плюет,

Генрих. Теперь – конец. Генрих умер со стыда, остался священник, первый повстречавшийся тебе священник. Перед ним ты должен преклонить колена. (После минуты ожидания с силой бьет его.) Убийца! Безумие унижаться перед тобой, когда во всем повинен ты один.

Насти. Я?

Генрих. Да, да! Все по твоей вине! Ты разыгрывал из себя пророка... Теперь ты побежден, в плену, ждешь виселицы, а все, кто тебе доверился, умрут. Все! Ха! Ха! Ха! Ты говорил, что умеешь любить бедняков, а я не умею. А теперь видишь, что вышло? Ты причинил им больше зла, чем я.

Насти. Больше, чем ты, мерзавец? (Кидается на Генриха.)

Их разнимают.

Кто предал, ты или я?

Генрих. Я! Я! Но я никогда не пошел бы на это, если бы ты не убил епископа.

Насти. Бог повелел мне убить его за то, что он заставлял бедняков голодать.

Генрих. Бог? Неужели? Как это просто! Значит, бог повелел мне предать бедняков за то, что они хотели истребить монахов.

Насти. Бог не мог тебе повелеть предать бедняков: он за них.

Генрих. Если он за них, почему же их мятежи никогда не удаются? Почему он допустил, что и твой бунт привел к отчаянию? Ну, отвечай! Отвечай же! Не можешь?

Гёц. Вот она! Вот эта минута!.. Вот оно, смятение и кровавый пот. Как прекрасно смятение! Как мне нравится твое лицо! Гляжу и вижу: двадцать тысяч умрут. Я люблю тебя. (Целует его в губы.) Слушай, брат мой! Еще не все сказано: да, я решил взять Вормс, но если бог на твоей стороне – что-нибудь еще случится, что может мне помешать.

Насти (глухо, с убеждением). Да, случится.

Генрих (кричит). Нет! Ничего не будет! Ничего не случится! Это было бы слишком несправедливо. Если бог должен был совершить чудо, почему он не совершил его прежде, чем я предал? Почему он должен был погубить меня и спасти тебя?

Сартр Жан-Поль Дьявол и Господь Бог filosoff.org
Входит офицер. Все вздрагивают.

Офицер. Все готово. Солдаты построены у рва, за повозками.

Гёц. Уже? (Пауза.) Скажи капитану Ульриху, что я сейчас буду.

Офицер выходит. Гёц устало садится.

Катерина. Вот твое чудо, мой миленький.

Гёц проводит рукой по лицу.

Иди же! Грабь и убивай! Счастливого пути!

Гёц (сначала устало, затем с напускной экзальтацией). Настала минута прощания. Я вернусь, забрызганный кровью, моя палатка будет пуста. Жаль, я уже привык к вам. (Насти и Генриху.) Вы проведете ночь вместе – как двое влюбленных. (Генриху.) Ты, исповедник, будешь нежно держать его за руку, когда начнется пытка калеными щипцами. (Францу, указывая на Насти.) Пытку прекратите, когда он согласится исповедаться. Повесьте его, как только ему отпустят грехи. (Как бы вспоминая о Катерине.) А, новобрачная! Франц, ты сходишь за конюхами и представишь их этой даме. Пусть делают с ней все, что хотят, лишь бы осталась жива.

Катерина (внезапно падает перед ним на колени). Гёц, пощади! Только не это, только не этот ужас! Пощади!

Гёц (отступает от нее в удивлении). Ты только что так мне дерзила! Ты не верила?

Катерина. Нет, Гёц, не верила.

Гёц. В глубине души я и сам не верил. В Зло всегда веришь потом.

Катерина обнимает его колени.

Франц, освободи меня от нее!

Франц хватает ее и швыряет на кровать.

Вот так, вот так... Я ничего не забываю. Ну, теперь все! (Пауза.) А чуда нет и нет: начинаешь верить, что бог предоставил мне свободу действий. Спасибо, господи, я так тебе признателен. Спасибо за изнасилованных женщин! Спасибо за посаженных на кол детей! Спасибо за обезглавленных мужчин! Если бы я только захотел сказать все, что знаю. Мне все известно, грязный лицемер! Послушай, Насти. Тебе я скажу без обиняков. Бог пользуется мной. Сам видишь, и этой ночью тоже! Он снова послал мне на помощь своих ангелов.

Генрих. Кто же эти ангелы?

Гёц. Все вы. Катерина, конечно, ангел. Ты – тоже. Ну и банкир. (Снова обращаясь к Насти.) А ключ?... Разве я просил у него ключ? Я даже не подозревал об его существовании! Но ведь он сам поручил одному из своих священников вложить его мне в руки. Ты, конечно, знаешь, бог хочет, чтобы я спас его попов и монахов. Значит, он искушает меня, но на свой лад, тонко, ничем себя не запятив. Если я попадусь, он вправе от меня отречься: в конце концов я мог бы выбросить ключ в овраг.

Насти. Да, конечно, мог. Ты еще и сейчас можешь.

Гёц. Подумай-ка лучше, мой ангел. Ты-то хорошо знаешь, что не могу.

Насти. Почему?

Гёц. Не могу стать иным, чем есть. Ладно же! Пусть будет кровавая баня во славу господню. А когда придет конец, он зажмет нос, чтобы не слышать смрада, и закричит: я не хотел этого. Ты и впрямь этого не хочешь, господи? Тогда еще не поздно вмешаться. Я не настаиваю на том, чтоб небо обрушилось мне на голову: хватит и просто плевка. Поскользнусь, сломаю ногу – и на сегодня все! Нет? Ладно, я не настаиваю. Вот, Насти, взгляни на этот ключ! Как хорошо иметь ключ, как это полезно! А вот и руки! Какая отличная

Сартр Жан-Поль Дьявол и Господь Бог filosoff.org
работа! Воздадим господе хвалу за то, что он дал нам руки. Ключ в руке – совсем не плохо. Воздадим господе хвалу за все руки, которые в это мгновение держат ключи во всех краях света! Но господь снимает с себя всякую ответственность за то, что делает с ключом рука, его, бедняжки, это не касается. О господи, ты ведь сама невинность! Ты, ставший мерой полноты всего, как можешь ты понять, как можешь осознать Ничто? Твой взгляд есть свет, и он все превращает в свет. Как можешь ты познать потемки моей души? Как может твой всеведущий разум проникнуть в мои мысли, не нарушив их хода? Ненависть и слабость, насилие, смерть, отвращение – все это лишь от человека, все это лишь мое царство, в нем я один. За все, что в нем произойдет, в ответе только я. Хорошо, хорошо, я все беру на себя и промолчу. Даже в день последнего суда – молчок! Буду молчать как рыба. Я слишком горд – дам себя осудить, не проронив ни слова. Но неужели тебя самого нисколько не смущает, что ты осудил на вечное проклятье своего подручного? Иду, иду! Солдаты ждут, и этот добрый ключ зовет меня, он хочет вернуться в замочную скважину. (Уходя, оборачивается.) Кто равен мне? Я – человек, который смущает самого всемогущего господа. Из-за меня господь противен самому себе. Есть двадцать тысяч аристократов, есть тридцать архиепископов, есть пятнадцать королей. Люди видели трех императоров, был папа, был антипапа. Но назовите мне другого Гёца! Иногда мне кажется, что ад – пустыня, которая ждет лишь меня одного. Прощайте!

Хочет уйти. Генрих смеется.

Что такое?

Генрих. Дурак! Ад – это ярмарка.

Гёц останавливается и глядит на него.

(Остальным.) Вот чудак, вот фантазер: верит, что лишь он один творит Зло. Каждую ночь на землях Германии пылают живые факелы, десятки городов в пожарищах, и полководцы грабят их запросто, не задумываясь. Убивают по будним дням, по воскресеньям скромно исповедаются. А этот принял себя за дьявола во плоти лишь оттого, что выполняет свой долг солдата. (Гецу.) Ну, шут, отвечай! Если ты дьявол, то кто же я – человек, притворявшийся, что любит бедняков, и предавший их тебе?

Гёц (на протяжении всей этой реплики глядит на него, словно зачарованный. Под конец выпрямляется). Чего ты требуешь? Права на вечную погибель? Даю тебе его. Ад достаточно велик, чтобы мы с тобой разминулись.

Генрих. Ну а с другими?

Гёц. С кем?

Генрих. Со всеми. Не всем дано убивать, но все к тому стремятся.

Гёц. Я злобен по-иному, чем они. Они творят Зло из сластолюбия или корысти. Я творю Зло ради Зла.

Генрих. Причины не в счет, раз заведено, что можно творить лишь Зло.

Гёц. Так заведено?

Генрих. Да, шут. Так заведено.

Гёц. Кем?

Генрих. Самим богом. Бог пожелал, чтобы добро стало невозможно на земле.

Гёц. Невозможно?

Генрих. Совсем невозможно. Любовь невозможна. Невозможна справедливость! Попробуй возлюби-ка своего ближнего – сам увидишь, легко ли это.

Гёц. А почему бы мне не полюбить ближнего, если такова моя прихоть?

Генрих. Потому что достаточно одному человеку возненавидеть другого, чтобы ненависть охватила все человечество.

Сартр Жан-Поль Дьявол и Господь Бог filosoff.org
Гёц (продолжая свое). А вот он любил бедняков.

Генрих. Ловко врал им. Возбуждал в них самые низменные страсти. Принудил их убить старца. А что я мог поделаться? Ну что я мог поделаться? Я был невинен, преступление набросилось на меня, как хищник. Где было тогда Добро, подлец? Где оно было? Где было меньшее Зло? (Пауза.) Ты хвастаешь своими пороками, усердствуешь ради пустяков. Если хочешь заслужить ад, достаточно не вылезать из своей кровати. Мир несправедлив; раз ты его приемлешь – значит, становишься сообщником, а захочешь изменить – станешь палачом. Ха! Земля смердит до самых звезд!

Гёц. Значит, все прокляты?

Генрих. О нет! Не все! (Пауза.) Верую, господи! Верую! Не впаду во грех отчаяния! Я заражен до мозга костей, но знаю, что ты спасешь меня, если на то будет воля твоя! (Гёцу.) Мы все в равной мере виновны, ублюдок, все в равной мере заслужили ад, но бог прощает, когда ему угодно прощать.

Гёц. Наперекор мне он меня не простит.

Генрих. Ничтожная соломинка! Не тебе восставать против его милосердия, не тебе истощить его бесконечное терпение. Он возьмет тебя в руки свои и подымет к себе в рай, если на то воля его. Одним взмахом мизинца он разобьет вдребезги твои дурные помыслы, он разомкнет твои уста, он силой вольет в тебя свою благодать, и ты почувствуешь, как станешь добрым, вопреки собственному желанию. Иди жги Вормс, иди грабь и режь! Только время и труд даром потеряешь. Как и все люди, ты окажешься в чистилище.

Гёц. Значит, все люди творят Зло?

Генрих. Все.

Гёц. И никто никогда не творил Добро?

Генрих. Никто.

Гёц. Превосходно. (Возвращается в палатку.) Готов поспорить с тобой: я буду делать Добро.

Генрих. Что?

Гёц. Буду делать Добро. Идешь на пари?

Генрих (пожимая плечами). Нет, ублюдок, никаких пари.

Гёц. Зря. Ты учишь меня, что Добро невозможно, а я готов поспорить, что стану делать Добро. Пожалуй, это лучший способ остаться в одиночестве. Я был преступником, теперь я изменюсь. Перелициую свои одежды, готов поспорить, что стану святым.

Генрих. Кто сможет об этом судить?

Гёц. Ты. Через год и один день. Тебе остается только принять пари.

Генрих. Ты уже проиграл, дурак. Добро ты станешь делать, лишь бы выиграть.

Гёц. Верно. Что ж, давай кинем кости. Если выиграю я – значит, Зло торжествует, если проиграю... Если проиграю, тогда мне ясно, что делать. Ну, кто станет играть против меня? Насти?

Насти. Нет.

Гёц. Почему?

Насти. Это дурно.

Гёц. Конечно, это дурно. А ты что вообразил? Послушай, булочник, я еще зол.

Насти. Если хочешь делать Добро, решайся и делай его попросту.

Гёц. Хочу прижать бога к стенке. На этот раз – да или нет. Если он даст мне

Сартр Жан-Поль Дьявол и Господь Бог filosoff.org
выиграть, город будет сожжен, а его ответственность точно установлена.
Итак, играем. Если бог на твоей стороне, тебе нечего бояться. Ты не
осмеливаешься, трус? Предпочитаешь виселицу. Кто осмелится?

Катерина. Я!

Гёц. Ты, Катерина? Почему бы и нет? (Дает ей игральные кости.) Играй!

Катерина (играет). Два и один. (Вздрагивает.) Тебе трудно будет проиграть.

Гёц. А кто вам сказал, что я хочу проиграть? (Берет кости.) Боже, я зажал
тебя в угол. Теперь ты должен на что-то решиться. (Играет.)

Катерина. Один и один... Ты проиграл!

Гёц. Значит, подчиняюсь воле господа. Прощай, Катерина!

Катерина. Обними меня! Прощай!

Он обнимает ее.

Гёц. Возьми этот кошелек и направляйся куда хочешь. (Францу.) Франц, скажи
капитану Ульриху, чтоб он отправил солдат спать. Ты, Насти, возвращайся в
город. Еще не поздно остановить мятеж. Если вы с рассветом откроете ворота
и священники покинут Вормс невредимыми, чтобы отдаться под мою защиту, я в
полдень сниму осаду. Согласен?

Насти. Согласен.

Гёц. Ты вновь обрел свою веру, пророк?

Насти. Я никогда не терял ее.

Гёц. Счастливец!

Генрих. Ты возвращаешь им свободу, ты возвращаешь им жизнь и надежду. А
мне, собака, мне, которого ты вынудил предать, вернешь ли ты мою
невинность?

Гёц. Твое дело самому обрести ее вновь. В конце концов ничего еще не
случилось.

Генрих. Разве важно то, что случилось? Важно мое намерение. Я буду идти за
тобой по пятам, день и ночь. Знай, я сам буду судить твои дела. Будь
спокоен, ровно через год и один день я найду тебя, куда бы ты ни скрылся.

Гёц. Уже заря. Какая холодная! Заря вместе с Добром вошла в мою палатку. Но
мы не стали веселей: эта женщина плачет, поп меня ненавидит. Будто мы на
краю гибели. Может, Добро вызывает отчаяние?.. Впрочем, не важно, не мне
судить о Добре – я должен его творить. Прощайте! (Уходит.)

Катерина (начинает хохотать, смеется до слез). Он смошенничал! Я видела! Он
смошенничал, он хотел проиграть!

Занавес

АКТ ВТОРОЙ

КАРТИНА ЧЕТВЕРТАЯ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Крестьяне, Карл.

Сартр Жан-Поль Дьявол и Господь Бог filosoff.org
1-й крестьянин. Нелегкий орешек.

Карл. Это все бароны: знаешь как они взбесились!

1-й крестьянин. А вдруг он с перепугу откажется?

Карл. Не бойтесь. Он упрям как осел. Прячьтесь! Вот он.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Крестьяне в укрытии, Гёц, Карл.

Гёц. Брат мой, будь так добр, принеси нам графин вина. Хватит и трех бокалов. Я не пью. Сделай это из любви ко мне.

Карл. Брат мой, из любви к тебе я это сделаю.

Гёц уходит. Крестьяне выходят из укрытия, смеясь, хлопают себя по бедрам.

Голоса крестьян. Брат мой! Братик! Братишка! Слышал? Вот тебе! Только из любви! (Шутя и смеясь, похлопывают друг друга по спине.)

Карл. Все слуги – его братья. Говорит, что любит нас, подлизывается, только что не целует. Вчера изволил мыть мне ноги. Любезный господин наш, добрый брат! Тьфу! (Плюет.) С души воротит от этих словечек. Скажешь – и отплевываешься каждый раз. Нет, когда-нибудь его вздернут за то, что он назвал меня братом. Когда веревка обовьет его шею, я поцелую его в губы и скажу: «Прощай, братик! Умри из любви ко мне!» (Уходит, унося бокалы на подносе.)

1-й крестьянин. Вот человек! Такому не соврешь.

2-й крестьянин. Мне сказали, что он умеет читать.

1-й крестьянин. Черта с два!

Карл (возвращаясь). Приказ! Обойдите земли Носсака и Шульгейма, донесите эту весть до каждой хижины: «Гёц отдает крестьянам земли Гейденштама». И, не дав им опомниться, добавляйте: «Если он, незаконнорожденный распутник, отдал свои земли, то почему же владетельный сеньор Шульгейма не отдает вам своих?» Обработайте их. Заставьте их взбеситься от ярости. Повсюду сейте смуту. Ступайте!

Крестьяне уходят.

О Гёц, дорогой мой брат! Ты увидишь, как я подпорчу твои добрые дела. Раздавай же свои земли, раздавай! Придет день – и ты пожалеешь, что не отдал концы прежде, чем роздал их. (Смеется.) Любовь! Ты хочешь любви. Я каждый день одеваю и раздеваю тебя, вижу твой пуп, мозоли на ногах, твою задницу, а ты хочешь, чтоб я тебя любил. Плевать мне на твою любовь! Конрад был груб и жесток, но его оскорбления меня унижали куда меньше твоей доброты.

Входит Насти.

Что тебе нужно?

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Карл, Насти.

Насти. Гёц послал за мной.

Карл. Ты Насти?

Сартр Жан-Поль Дьявол и Господь Бог filosoff.org
Насти (узнавая его). Это ты?

Карл. Ты знаешь Гёца? Хорошее знакомство.

Насти. Не твое дело. (Пауза.) Знаю, что ты задумал, Карл. Ты поступил бы разумнее, если бы сидел тихо и ждал моих приказов.

Карл. Деревне приказы из города ни к чему.

Насти. Только попробуй взяться за это грязное дело, и я велю тебя повесить.

Карл. Как бы тебе самому на виселицу не попасть. Зачем ты здесь? Тут дело нечисто. Поговорил с Гёцом, а теперь советуешь нам отказаться от мятежа. Кто убедит меня в том, что тебя не подкупили?

Насти. Кто убедит меня в том, что не подкупили тебя, чтоб преждевременно поднять мятеж, который смогут подавить сеньоры?

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Гёц, Насти, бароны.

Гёц появляется пятясь. Бароны Шульгейм, Носсак, Ритшел окружают его и кричат.

Носсак. Тебе наплевать на крестьян. Тебе нужны наши головы!

Шульгейм. Ты хочешь смыть нашей кровью распутство своей матери!

Носсак. И стать могильщиком немецкой аристократии!

Гёц. Братья, мои дорогие братья! Я даже не знаю, о чем вы говорите.

Ритшел. Ты даже не знаешь, что своим поступком взорвешь пороховую бочку? Что наши крестьяне обезумеют от ярости, если мы не отдадим им тотчас же земли, золото – все, до последней рубашки и нашего благословения в придачу?

Шульгейм. Ты не знаешь, что они начнут осаду наших замков?

Ритшел. Что нас разорят, если мы согласимся, и убьют, если откажемся?

Носсак. Ты этого не знаешь?

Гёц. Мои дорогие братья...

Шульгейм. Не болтай! Отвечай – да или нет?

Гёц. Мои дорогие братья! Простите меня, но я скажу вам – нет.

Шульгейм. Ты убийца.

Гёц. Да. брат мой. Как и все на свете.

Шульгейм. Ублюдок! Не знал отца!

Гёц. Да. Как Иисус Христос.

Шульгейм. Мешок с дерьмом! Грязь! (Бьет его кулаком по лицу.)

Гёц (пошатнулся, затем выпрямился и стал наступать на него. Внезапно кидается плашмя на землю). На помощь, ангелы! Помогите мне овладеть собой! (Дрожит всем телом.) Я больше не ударю. Я отрублю себе правую руку, если она захочет нанести удар. (Извивается на земле.)

Шульгейм пинает его ногой.

Розы! Дождь из роз! ласки! Как любит меня бог! Все принимаю. (Встает.) Да, я незаконнорожденный, я мешок с дерьмом, предатель! Молитесь за меня!

Шульгейм (бьет его). Ты отказываешься?

Гёц. Не бей меня. Запачкаешь руки.

Ритшел (с угрозой в голосе). Ты отказываешься?

Гёц. Господи, не дай мне расхохотаться прямо ему в лицо!

Шульгейм. О боже!

Ритшел. Пошли. Только зря время теряем.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Насти, Гёц, Карл.

Гёц (подходит к Насти, радостно). Здравствуй, Насти! Здравствуй, брат мой! Счастлив вновь видеть тебя. Два месяца назад под стенами Вормса ты предложил мне союз с бедняками. Что ж, я принимаю его. Постой, теперь мой черед говорить. У меня для тебя хорошие вести. Прежде чем делать Добро, я хотел познать его и долго думал. Что ж, Насти, я его познал. Добро есть любовь. Пусть так. Но дело в том, что люди друг друга не любят. Что им мешает любить друг друга? Неравенство, рабство и нищета. Значит, это нужно уничтожить. Тут мы с тобой согласны, не так ли? ничего удивительного: твои уроки пошли мне на пользу. Да, Насти, в последнее время я много думал о тебе. Но только ты хочешь отложить царствие божие на более позднее время, а я похитрей тебя – придумал, как построить его тотчас же. По крайней мере здесь, вот в этом уголке земли. Во-первых, я отдаю свои земли крестьянам. Во-вторых, я тут устрою первую христианскую общину, здесь все будут равны! Да, Насти, я полководец, я веду сражение во имя Добра и намерен выиграть его тотчас же и без кровопролития. Хочешь помочь мне? Ты умеешь разговаривать с бедняками. Вдвоем построим им рай. ибо господь избрал меня, чтобы искупить наш первородный грех. Знаешь, я нашел название для моего фаланстера – назову его Городом Солнца. Что с тобой? Ах ты, ослиная голова! Ты хочешь убить мою радость. В чем еще ты хочешь упрекнуть меня?

Насти. Оставь свои земли себе.

Гёц. Оставить себе земли? И ты, Насти, требуешь этого? Черт возьми, я ждал всего, но только не такого!

Насти. Оставь их себе! Если ты нам желаешь добра, сиди спокойно и, главное, не затевай перемен.

Гёц. Ты думаешь, что крестьяне подымут мятеж?

Насти. Не думаю – знаю.

Гёц. Надо мне было догадаться. Надо было предвидеть, что это возмутит твою упрямую, косную душу. Только что – эти свиньи, теперь ты. До чего же я прав, если все вы так громко вопите. Нет, теперь я совсем осмелел: я раздаю земли. Еще бы! Добро нужно делать вопреки всем.

Насти. Кто просил тебя отдавать земли?

Гёц. Я знаю, нужно отдать.

Насти. Но кто просил тебя?

Гёц. Я знаю – слышишь? Я вижу свой путь так же ясно, как вижу тебя. Бог просветил меня.

Насти. Когда бог молчит, в его уста можно вложить все что угодно.

Гёц. О великий пророк! Тридцать тысяч крестьян подымают с голоду, я разоряюсь, чтобы облегчить их нищету, а ты спокойно говоришь мне, что бог запрещает их спасать!

Насти. Ты хочешь спасти бедняков? Ты можешь их только развратить.

Гёц. А кто спасет их?

Насти. Не тревожься о них, они спасутся сами.

Гёц. А что будет со мной, если меня лишат возможности делать Добро?

Насти. У тебя свое дело – управляй собственным богатством, приумножай его. Так можно заполнить целую жизнь.

Гёц. Значит, чтобы угодить тебе, я должен стать плохим богачом?

Насти. Плохих богачей не бывает. Есть богачи – и только.

Гёц. Насти, я ваш.

Насти. Нет.

Гёц. Разве я не был беден всю жизнь?

Насти. Есть два рода бедняков: те, кто бедствует со всеми вместе, и те, кто бедствует в одиночку. Лишь первые – подлинные бедняки. Вторые – богачи, которым не повезло.

Гёц. А богачи, раздавшие свое богатство, это, должно быть, тоже не бедняки?

Насти. Нет, это бывшие богачи.

Гёц. Значит, все мои замыслы заранее обречены. Стыдись, Насти, ты закрываешь христианину путь к спасению. (Ходит в волнении.) Велика гордыня владельцев замков. Они ненавидят меня, но ваша гордость еще больше. Мне легче было бы войти в их касту, чем в вашу. Терпение! Благодарю тебя, господи! Значит, я буду любить бедняков без ответа. Моя любовь пробьет брешь твоей несговорчивости, обезоружит злобу. Я люблю вас, Насти, я люблю всех вас!

Насти (мягче). Если ты любишь нас, откажись от своего замысла.

Гёц. Нет.

Насти (иным, более настойчивым тоном). Послушай, мне нужно семь лет.

Гёц. Зачем?

Насти. Мы будем готовы к священной войне через семь лет, не раньше. Если ты теперь вовлечешь крестьян в бунт, то их уничтожат в неделю – я это знаю. Понадобится более полувека, чтобы восстановить то, что ты разрушишь за неделю.

Карл (входя). Крестьяне пришли, сеньор.

Насти. отошли их обратно, Гёц.

Гёц не отвечает.

Послушай, ты можешь помочь нам, если захочешь.

Гёц (Карлу). Попроси их подождать, брат мой.

Карл уходит.

Что ты предлагаешь?

Насти. Ты сохранишь свои земли.

Гёц. Это зависит от того, что ты мне предложишь.

Насти. Если ты сохранишь их, они послужат нам убежищем и местом сбора. Я поселюсь в одной из твоих деревень и буду рассылать приказы по всей

Сартр Жан-Поль Дьявол и Господь Бог filosoff.org
Германии. Отсюда через семь лет прозвучит сигнал войны. Ты можешь оказать нам услугу, которой нет цены. Согласен?

Гёц. Нет.

Насти. Ты отказываешься?

Гёц. Я не стану откладывать Добро в долгий ящик. Значит, ты не понял меня, Насти. Благодаря мне еще до конца года счастье, любовь и добродетель воцарятся на десяти тысячах акров земли. Я хочу построить Город Солнца в своих владениях, ты же хочешь, чтобы я превратил их в убежище для убийц.

Насти. Гёц, Добру нужно служить, как солдат. Какой же солдат выигрывает войну один? Сначала стань скромнее.

Гёц. Скромным не стану. Униженным – пускай, но скромным – нет. Скромность – добродетель слабых. Зачем я буду помогать тебе готовить войну? Бог запретил проливать кровь, а ты хочешь залить кровью всю Германию. Я не стану твоим сообщником.

Насти. Ты не станешь проливать кровь? Что ж, раздай свои земли, отдай свой замок и увидишь, как захлебнется в крови германская земля.

Гёц. Нет, не захлебнется. Добро не может породить Зло.

Насти. Добро не порождает Зла, пусть так, но раз твое безумное великодушие приведет к побоищу, значит, в нем нет Добра.

Гёц. По-твоему, Добро в том, чтобы увековечить страдания бедняков?

Насти. Мне надобно семь лет...

Гёц. А те, кто умрет за эти годы, кто, прожив всю жизнь в ненависти и страхе, умрет в отчаянии?

Насти. Об их душах позаботится господь.

Гёц. Семь лет! А через семь лет наступят семь лет войны, а потом семь лет покаяния, придется восстанавливать разрушенное, и кто знает, что наступит затем. Быть может, новая война, новое покаяние и новые пророки снова потребуют семи лет терпения. Неужели ты заставишь терпеть до самого страшного суда, ты, шарлатан? Я же говорю, что делать Добро можно повседневно, повсечасно, даже сию минуту. Я стану тем, кто сотворит Добро тотчас же. Генрих говорил: «Достаточно одному человеку возненавидеть другого, чтобы ненависть охватила все человечество». Истинно говорю тебе: если один человек безраздельно полюбит всех людей, эта любовь, переходя от человека к человеку, распространится на все человечество.

Насти. И ты будешь этим человеком?

Гёц. Да, стану им с помощью господя. Я знаю, что Добро труднее Зла. Злом был только я, а Добро – это все и вся. Но мне не страшно. Землю нужно согреть, и я ее согрею. Господь повелел мне сиять, и я буду сиять, кровью сердца источать сияние. Я – пылающий уголь, а дыхание господя раздувает пламя. Я сгораю заживо, я болен Добром и хочу, чтобы эта болезнь стала заразной. Буду свидетелем, мучеником, искусителем!

Насти. Самозванец!

Гёц. Тебе не смутить меня. Вижу, знаю, занимается заря; я стану пророком.

Насти. Только лжепророк, приспешник дьявола скажет: совершу то, что считаю Добром, даже если принесу погибель миру.

Гёц. Только лжепророк и приспешник дьявола скажет: пусть мир вначале погибнет, а потом я увижу, возможно ли Добро.

Насти. Гёц, если ты встанешь на моем пути, я убью тебя!

Гёц. Неужели ты смог бы убить меня, Насти?

Сартр Жан-Поль Дьявол и Господь Бог filosoff.org
Насти. Да, если ты станешь мне мешать.

Гёц. А я не мог бы. Мой удел – любовь. Я отдам им свои земли.

КАРТИНА ПЯТАЯ.

Перед входом в деревенскую церковь. У входа стоят два стула. На одном из них – барабан, на другом – флейта.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Гёц, Насти, потом крестьяне.

Гёц (входит и зовет). Эй! Эй! Ни души на тридцать миль Вокруг: они уползли в нору. Моя доброта обрушилась на них, как бедствие. Глупцы! (Резко оборачивается к Насти.) Зачем ты следуешь за мной?

Насти. Чтобы быть при твоём провале.

Гёц. Провала не будет. Сегодня я закладываю первый камень моего города. А они, должно быть, забрались в погреба. Терпение! Если удастся вытащить оттуда хоть десяток, ты увидишь, как сумею их убедить.

Слышны крики и звуки флейты.

Что это?

Появляется процессия полупьяных крестьян. Они несут на носилках гипсовую статую святой.

Ишь, какие вы веселые! Решили отпраздновать милостивый дар своего бывшего сеньора?

Крестьянин. Нет, добрый монах. Храни нас бог!

Гёц. Я не монах. (Сбрасывает капюшон.)

Крестьянин. Гёц!

Крестьянин отступает в испуге. Кто-то крестится.

Гёц. Да, я Гёц! Пугало Гёц! Аттила Гёц, который роздал свои земли из христианского милосердия. Неужто я кажусь таким страшным? Подойдите ближе, я хочу говорить с вами. (Пауза.) Ну что же? Чего вы ждете? Подходите!

Упорное молчание крестьян. В голосе Гёца появляются повелительные нотки.

Кто здесь главный?

Старик (неохотно). Я.

Гёц. Подойди!

Старик отделяется от толпы и подходит к Гёцу. Крестьяне молча глядят на него.

Объясни мне. Я видел мешки с зерном в господских амбарах. Значит, вы меня не поняли. Больше не будет оброка с десятины, больше не будет повинностей.

Старик. Мы еще немного погодим Пока оставим все как есть.

Гёц. Зачем?

Старик. Чтобы поглядеть, что будет дальше.

Гёц. Отлично! Зерно сгниет. (Пауза.) А какие идут толки о новых порядках?

Старик. Мы об этом не толкуем, господин.

Гёц. Я больше не твой господин. Зови меня братом. Понимаешь?

Старик. Да, господин.

Гёц. Твой брат я, слышишь?

Старик. Нет. Вот уж нет!

Гёц. Я тебе прика... я прошу тебя.

Старик. Будьте моим братом, сколько вам угодно, но я-то вашим братом никогда не стану. У каждого свое место, господин мой.

Гёц. Глупости, привыкнешь. (Указывая на флейту и барабан.) Что это?

Старик. Флейта и барабан.

Гёц. Кто играет на этих инструментах?

Старик. Монахи.

Гёц. Здесь монахи?

Старик. Брат Тетцель прибыл из Вормса с двумя послушниками. Он тут будет торговать отпущением грехов.

Гёц (с горечью). Вот отчего вы так развеселились. (Резко.) К черту! Не допущу!

Старик молчит.

Индульгенциям грош цена. Неужели ты веришь, что господь станет торговать своим прощением, как барышник? (Пауза.) Будь я еще твоим господином и прикажи я прогнать этих трех жуликов, ты бы меня послушался?

Старик. Да, послушался.

Гёц. Хорошо же, в последний раз твой господин тебе велит...

Старик. Вы больше мне не господин.

Гёц. Ступай! Ты слишком стар. (Отталкивает его. Вскрикивает на ступеньку лестницы, ведущей в церковь, и обращается ко всем.) Да вы хоть раз спросили себя, зачем я отдал вам свои земли? (Указывает на одного из крестьян.) Отвечай, ты!

Крестьянин. Не знаю.

Гёц (обращаясь к женщине). А ты?

Женщина (колеблясь). Может быть... вы хотели нас осчастливить.

Гёц. Хорошо сказано! Да, я именно этого хотел. Но счастье всего лишь средство. Что вы с ним станете делать?

Женщина (испуганно). Со счастьем? Сначала надо, чтобы оно к нам пришло.

Гёц. Не бойтесь, вы будете счастливы. Но что вы сделаете со своим счастьем?

Женщина. Об этом мы не думали. Ведь мы не знаем, что это такое.

Гёц. Но я подумал за вас. (Пауза.) Вы знаете, господь велит нам любить. Только вот что: до сих пор это было невозможно. Еще вчера, братья мои, вы были слишком несчастны, чтобы можно было требовать от вас любви. Я хочу, чтобы у вас не было отговорок. Я сделаю вас богатыми, жирными, вы станете любить, черт возьми! Я потребую, чтобы вы любили всех людей. Я отказываюсь

Сартр Жан-Поль Дьявол и Господь Бог filosoff.org
повелевать вашими телами, но лишь затем, чтобы вести за собой ваши души, потому что бог просветил меня. Я – архитектор, вы – рабочие, все принадлежит всем. И земли общие, не будет больше бедняков и богачей, не будет никаких законов, кроме закона любви. Мы станем примером для всей Германии. Что ж, братцы, попробуем?

Молчание.

Не важно, что я вас поначалу пугаю: нет ничего лучше доброго черта, от ангелов, братцы, добра не ждут.

В толпе улыбки, вздохи, волнение.

Наконец! Наконец вы мне улыбаетесь.

Толпа. Вот они! Вот они!

Гёц, оборачиваясь, с неудовольствием замечает Тетцеля.

А, черт бы побрал этих монахов.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Те же, Тетцель, два послушника и священник. Послушники берут в руки барабан и флейту, приносят стол и ставят его на верхнюю ступеньку лестницы. Тетцель кладет на стол пергаментные свитки.

Тетцель. Отцы семейств! Подходите! Подходите! Подходите ближе. Я чеснока не ел.

В толпе смех.

Как здесь у вас дела? Земля у вас хорошая?

Крестьяне. Да, неплохая.

Тетцель. А женушки по-прежнему покою не дают?

Крестьяне. Черт возьми, как везде.

Тетцель. Не жалуйтесь, они вас защищают от дьявола, потому что сами хитрее дьявола.

В толпе смех.

Ну, ладно, братцы! Об этом довольно: сейчас пойдет разговор о делах посерьезнее. Музыка!

Вступают барабан и флейта.

Всю жизнь работать – это хорошо. Но порой обопрешься о заступ, взглянешь на небеса и скажешь самому себе: «Что со мной станет после смерти? Хорошая могилка в цветах – это еще не все: душа в ней не поселится. Куда же отправится душа? В ад?»

Барабан.

Или в рай?»

Флейта.

Люди добрые, само собой – господь уже подумал об этом. Боженька так ради вас хлопочет, ему и поспать не удастся. Вот ты, например, как тебя звать?

Крестьянин. Петер.

Тетцель. Отлично, так вот, Петер, скажи. Ты порой выпиваешь лишнюю чарку? Ну, только не врать!

Крестьянин. Бывает.

Тетцель. И жену свою колотишь?

Крестьянин. Когда пьян.

Тетцель. Ну а бога ты боишься?

Крестьянин. А как же, брат мой!

Тетцель. Святую деву Марию любишь?

Крестьянин. Больше родной матери.

Тетцель. Вот господь бог и придет в смущение. «Этот человек не так плох, как кажется, – скажет он себе. – Не хочу, чтобы ему худо пришлось. Но он согрешил, значит, я должен его покарать».

Крестьянин (удрученно). Ах ты беда!

Тетцель. погоди! На твое счастье, есть святые! Каждый из них заслужил право сто тысяч раз попасть на небеса, но это им ни к чему – войти-то можно всего разочек. «Что ж, – говорит господь. – Зачем пропадать неиспользованным билетам в рай? Лучше уж я их раздам тем, кто сам не заслужил... Если добрый Петер купит у брата Тетцеля индульгенцию, я впущу его в свой рай по одному из пригласительных билетов святого Мартина». А что? Недурно придумано?

Одобрительные возгласы.

Давай, Петер, вытаскивай кошелек! Братья, бог предлагает ему завидную сделку: рай за два гроша. Найдется ли такой скряга, найдется ли такой скопидом, который не отдал бы двух грошей за вечное блаженство? (Берет монету у Петера.) Спасибо. Теперь отправляйся к себе и больше не греши! Ну, кому еще? Смотрите, вот очень выгодный товар: если покажете этот свиток своему священнику, он по вашему выбору обязан будет отпустить вам один из смертных грехов. Не правда ли, священник?

Священник. Правда, отпущу смертный грех.

Тетцель. А это? (Разворачивает еще один свиток.) Просто любезность со стороны господа бога, не иначе. Это особые индульгенции – добрым людям, у кого родня в чистилище. Внесете денежки, и усопшие родственники на крыльях прямехонько унесутся к небесам. Всего два гроша за каждое перемещенное лицо – все попадают на небеса без промедления. Ну, кому, кому? Тебе? Тебе? Кто у тебя умер?

Крестьянин. Мать.

Тетцель. Только мать? В твои-то годы только мать и похоронил?

Крестьянин (колеблясь). Там у меня еще дядя.

Тетцель. Неужто твоему бедному дядюшке век торчать в чистилище? Давай! Давай! Выкладывай! Всего четыре гроша. (Берет монеты, поднимает их над своим кошельком.) Гляди, ребята. Монетка падает, душа летит прямехонько в рай! (Опускает эку в кошелек.)

Вступает флейта.

Вот первая!

Снова флейта.

А вот и вторая! Вот они! Вот они! Вот они! Над вами летят, словно бабочки.

Флейта.

До скорой встречи! До скорой встречи! Молитесь там за нас! Привет всем святым! Ну, братцы, пошлем привет...

Сартр Жан-Поль Дьявол и Господь Бог filosoff.org
Аплодисменты.

Ну-ка, подходи живей!

Многие крестьяне подходят ближе.

За жену и бабушку? За сестру?

Снова и снова вступает флейта.

Раскошеливайтесь!

Гёц. Назад!

Шум в толпе.

Тетцель (священнику). Это еще кто?

Священник. Их бывший господин. Опасаться нечего.

Гёц. Безумцы! Вы думаете отделаться лептой? Неужели вы считаете, что мученики дали себя сжечь заживо, чтобы вы могли попасть в рай так же просто, как зайти на мельницу? Спасетесь вы лишь тогда, когда обретете добродетели святых. Вам не купить их заслуг.

Крестьянин. Тогда лучше сразу повеситься – и тотчас в ад. Станешь тут святым, когда работаешь в день по шестнадцать часов!

Тетцель (крестьянину). Помолчи-ка, дурак: от тебя так много и не требуют. Покупай время от времени парочку индульгенций, и бог смилостивится над тобой.

Гёц. Вот-вот, покупай у него гнилой товар. Он заставит тебя заплатить два гроша за право вернуться к твоим грехам. Но бог этой сделки не одобрит, и ты отправишься в ад.

Тетцель. Лишай их надежды, лишай их веры! Смелей! Что ты предложишь им взамен?

Гёц. Любовь!

Тетцель. Что ты о ней знаешь, о любви?

Гёц. А что о ней знаешь ты? Как может любить тот, кто их так презирает, что торгует доступом на небеса?

Тетцель (крестьянам). Милые мои ягнята, разве я вас презираю?

Все. О! Не-ет!

Тетцель. Милые мои цыплятки, разве я вас не люблю?

Крестьянин. Любишь, любишь!

Тетцель. Я – это церковь, братья мои, вне церкви нет любви. Церковь – общая наша мать, монахи и священники заботятся о всех ее сыновьях, все равно, обездоленных или богатых. Ее материнская любовь не знает пределов.

Звон колокольчика и звуки трещотки. Появляется прокаженный. Крестьяне отбегают на край сцены. Возгласы страха.

Что это?

Священник и монахи бегом укрываются в церкви.

Крестьянин (показывая ему пальцем на прокаженного). Вот он!

Вот он! Берегитесь! Прокаженный!

Тетцель (в ужасе). Господи Иисусе Христе! (Пауза.)

Сартр Жан-Поль Дьявол и Господь Бог filosoff.org
Гёц подходит к прокаженному.

Гёц (показывая Тетцелю на прокаженного). Поцелуй его!

Тетцель. Фу!

Гёц. Если церковь, не ведая ни брезгливости, ни отвращения, любит даже самых обездоленных своих сыновей, то отчего же ты его не поцелуешь?

Тетцель отрицательно мотает головой.

Иисус заключил бы его в объятия! Я люблю его сильнее, чем ты. (Пауза. Подходит к прокаженному.)

Прокаженный (сквозь зубы). Еще один хочет разыграть номер с поцелуем прокаженного.

Гёц. Подойди ко мне, брат мой!

Прокаженный. Так я и знал. (Подходит к нему неохотно.) Не могу отказать, если речь идет о вашем спасении... Но только давайте быстрее... Все они на один лад. Можно подумать, что господь бог наградил меня проказой нарочно, чтобы предоставить им возможность попасть на небеса.

Гёц хочет расцеловать его.

Только не в губы.

Поцелуй.

ТЬфу! (вытирает лицо.)

Тетцель (начинает смеяться). Ну и что? Ты доволен? Смотри, как он вытирает рот. Может быть, с него сошла проказа? Ну! Прокаженный, как жизнь?

Прокаженный. Жилось бы лучше, если бы на свете было поменьше здоровых и побольше прокаженных.

Тетцель. Где ты живешь?

Прокаженный. С другими прокаженными в лесу.

Тетцель. А чем вы заполняете свой день?

Прокаженный. Рассказываем друг другу истории о прокаженных.

Тетцель. Зачем пришел в деревню?

Прокаженный. Поглядеть, нельзя ли и мне подцепить индальгенцию.

Тетцель. В добрый час!

Прокаженный. А они и вправду продаются?

Тетцель. За два гроша.

Прокаженный. У меня ни гроша.

Тетцель (торжествует, обращаясь к крестьянам). Смотрите! (Прокаженному.) Вот прекрасная, совсем новехонькая индальгенция. Что тебе больше по душе? Получить индальгенцию или поцелуй?

Прокаженный. Черт возьми...

Тетцель. Я поступлю, как ты захочешь. Выбирай!

Прокаженный. Черт возьми, лучше дай ее мне!

Тетцель. Вот она, получай ее даром, во имя господа. Это тебе подарок от святой матери церкви. Держи!

Сартр Жан-Поль Дьявол и Господь Бог filosofff.org
Прокаженный. Да здравствует церковь!

Тетцель кидает ему индульгенцию. Прокаженный хватает ее на лету.

Тетцель. А теперь убирайся!

Прокаженный уходит. Звуки колокольчика и трещотки.

Тетцель. Что? Чья любовь сильнее?

Все. Твоя! Твоя! Ура Тетцелю!

Тетцель. Ну, братья мои. Чья очередь? За сестру, умершую в дальних краях.
Флейта.

За теток, которые тебя воспитали! За отца и мать! За старшего сына!
Платите! Платите! Платите!

Гёц. Собаки! (Ударяет кулаком по столу с такой силой, что барабан скатывается по ступенькам.) Христос изгнал торгующих из храма... (Остановливается, глядит на молчаливых и враждебных крестьян, опускает капюшон на лицо, стоя перед церковной стеной, со стоном.) О! О! О! Позор мне! Не умею с ними говорить. Господи, укажи мне путь к их сердцам!

Крестьяне глядят на него. Тетцель ухмыляется. Крестьяне глядят на Тетцеля. Тетцель подмигивает одним глазом, прикладывает палец к губам, повелевая молчать, и кивком указывает им на вход в церковь. Сам он входит в церковь на цыпочках.

Крестьяне входят в церковь, вносят туда статую святой на носилках; все исчезают. Минута молчания, затем на пороге церкви появляется Генрих в светской одежде.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Генрих, Гёц, Насти.

Генрих (спускается к Гёцу, не замечая Насти). Ты душу принимаешь за овощи.

Гёц. Кто это говорит?

Генрих. Огородник может решать, что хорошо для моркови, но никто не может решать за другого, что есть благо.

Гёц. Кто это говорит? Генрих?

Генрих. Да.

Гёц (поднимается и откидывает капюшон). Я был уверен, что вновь увижу тебя после первого же своего ложного шага. (Пауза.) Зачем ты здесь? Ищешь пищу для ненависти?

Генрих. «Сеющий добро пожнет его». Ты это говорил, не так ли?

Гёц. Сказал и вновь повторяю. (Пауза.)

Генрих. Я пришел, чтоб собрать твой урожай.

Гёц. Слишком рано. (Пауза.)

Генрих. Вот твоя первая жатва – умирает Катерина.

Гёц. Умирает? Упокой, господи, душу ее. Чего же ты хочешь от меня?

Генрих смеется.

Не смейся. Ты отлично видишь, что не умеешь смеяться.

Генрих (как бы извиняясь). Он строит мне рожи.

Гёц (живо оборачиваясь к Генриху). Кто? (Понимает.) Значит, вы уже больше не расстаётесь?

Генрих. Ни на минуту.

Гёц. Хорошая компания.

Генрих (проводит рукой по лицу). Он бывает надоедлив.

Гёц (подходит к Генриху). Генрих... Если я причинил тебе зло, прости меня.

Генрих. Простить тебя? И ты повсюду станешь хвастать, что превратил ненависть в любовь, как Христос превратил воду в вино?

Гёц. Твоя ненависть принадлежит мне. Я освобожу тебя от нее и от дьявола.

Генрих (изменившимся голосом, словно кто-то другой говорит его устами). Во имя отца, сына и святого духа. Отец – это я, дьявол – сын мой, ненависть – святой дух. Тебе легче разбить небесную троицу, чем разорвать нашу тройственную связь.

Гёц. Тогда прощай! Отправляйся в Вормс читать свои проповеди. Давай встретимся через девять месяцев.

Генрих. Я больше никогда не вернусь в Вормс, я больше никогда не буду читать проповеди. Теперь, шут, я уже не принадлежу церкви. Меня лишили права служить мессу и отпускать грехи.

Гёц. В чем тебя обвиняют?

Генрих. Что я за деньги выдал город.

Гёц. Грязная ложь!

Генрих. Эту ложь распространил я сам. Я поднялся на амвон и признался во всем перед всеми, рассказал о своем корыстолюбии, о своей зависти, о непослушании и плотских желаниях.

Гёц. Ты лгал.

Генрих. Ну и что ж? Весь Вормс говорил, что церковь из ненависти к беднякам повелела мне выдать их врагу на растерзание. Надо было дать возможность церкви свалить все на меня.

Гёц. Раз так – ты искупил свою вину.

Генрих. Ты отлично знаешь – искупить ничего нельзя.

Гёц. Это верно. Ничего ничем не сотрешь. (Пауза. Внезапно подходит к Генриху.) Что с Катериной?

Генрих. Порча в крови, тело в язвах. Вот уже три недели, как она не спит и не ест.

Гёц. Почему ты не остался при ней?

Генрих. Я ей ни к чему, и она мне тоже.

Гёц. Ее надо лечить.

Генрих. Ей нет исцеленья. Она должна умереть.

Гёц. От чего она умирает?

Генрих. От стыда. Ей внушает ужас собственное тело, которого касались руки стольких мужчин. Еще больше отвращения внушает ей собственное сердце, потому что в нем остался твой образ. Ты – ее смертельная болезнь.

Гёц. Поп, теперь уже новый год, а я не признаю прошлогодних заблуждений. За этот грех я буду вечно расплачиваться на том свете, но здесь с ним покончено. Я не могу терять ни минуты.

Генрих. Значит, есть два Гёца.

Гёц. Да, два: живой, который творит Добро, и мертвый, который творил Зло.

Генрих. И ты похоронил свои грехи вместе с покойным?

Гёц. Да.

Генрих. Превосходно. Только сейчас Катерину убивает не покойник, а прекрасный, чистый Гёц, посвятивший себя любви.

Гёц. Ты лжешь! Преступен тот, другой Гёц.

Генрих. Тут не было преступления. Осквернив ее, ты дал ей намного больше того, чем сам обладал: ты дал ей любовь. Она любила тебя, не знаю за что. В один прекрасный день тебя коснулась благодать. Тогда ты дал Катерине кошелек и прогнал ее. Вот от чего она умирает.

Гёц. Мог ли я жить со шлюхой?

Генрих. Да, потому что ее сделал шлюхой ты!

Гёц. Я должен был отказаться от Добра или от нее.

Генрих. Но ты мог бы спасти ее, а вместе с ней и себя, если бы оставил при себе. Но что я говорю? Спасти одну душу, одну-единственную душу? Может ли до этого снизить такой человек, как Гёц? У него планы пограндиозней.

Гёц (внезапно). Где она?

Генрих. На твоих землях.

Гёц. Значит, она захотела вновь меня увидеть?

Генрих. Но в пути ее подкосила болезнь.

Гёц. Где она?

Генрих. Не скажу. Ты и так причинил ей слишком много зла.

Гёц (сжимая кулак в ярости). Я... (Успокаивается.) Хорошо я найду ее сам. Прощай, Генрих! (Кланяется в сторону дьявола.) Мое почтение. (Поворачивается к Насти.) Пойдем, Насти!

Генрих (пораженный). Насти!

Насти хочет последовать за Гёцем. Генрих преграждает ему путь.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Генрих, Насти.

Генрих (смущенно). Насти! (Громче.) Насти, я искал тебя! Остановись! Я должен с тобой поговорить. Презирай меня сколько хочешь, но только выслушай. Я прошел по владениям Шульгейма. Мятеж зреет.

Насти. Дай мне пройти, я все знаю.

Генрих. Ты хочешь мятежа? Скажи, хочешь?

Насти. Что тебе за дело? Дай пройти!

Генрих (раскинув руки). Ты не пройдешь, пока не ответишь.

Сартр Жан-Поль Дьявол и Господь Бог filosoff.org
Насти (глядит на него молча, затем решается). Хочу я или нет, никто уже не может помешать.

Генрих. Я могу! За два дня я могу воздвигнуть плотину, которая преградит путь морю. За это я хочу, чтоб ты, Насти, меня простил.

Насти. Опять игра в прощение? (Пауза.) надоела она мне. Я в ней не участвую. Я не уполномочен ни проклинать, ни отпустить грехи. Это дело Господа.

Генрих. Если бы Господь дал мне выбрать между твоим и его прощением, я выбрал бы твое.

Насти. Ты сделал бы дурной выбор – пожертвовал бы вечным блаженством ради пустого звука.

Генрих. Нет, Насти, я отказался бы от прощения на небесах ради того, чтобы быть прощенным на земле.

Насти. Земля не прощает.

Генрих. Ты мне надоел.

Насти. Что такое?

Генрих. Я не с тобой говорю. (Насти.) Ты не облегчаешь мне задачу. Меня толкают к ненависти, а ты мне не хочешь помочь. (Трижды крестится.) Ладно. Теперь он на минутку оставит меня в покое. Времени нет, слушай внимательно! Крестьяне готовятся, они хотят вести переговоры с баронами. Это дает нам несколько дней.

Насти. И что же ты станешь делать?

Генрих. Ты знаешь крестьян. Они дадут себя разрубить на куски ради церкви. В здешних деревнях больше веры, чем во всей остальной Германии.

Насти (качает головой). Твои попы бессильны. Их любят, это верно, но, если они осудят мятеж, их проповедь будет гласом вопиющего в пустыне.

Генрих. Не на их речи я рассчитываю, а на их молчание. Представь себе: вдруг, пробудившись утром, крестьяне увидят, что двери церкви распахнуты и храмы пусты: птичка улетела. Ни души перед алтарем, ни души в ризнице, ни души подле усыпальницы, ни души в доме священника.

Насти. А это возможно?

Генрих. Все готово. Есть у тебя здесь люди?

Насти. Есть кое-кто.

Генрих. Пусть ходят по стране и кричат громче всех. Главное, пусть богохульствуют. Нужно, чтобы они вызвали бунт, сеяли ужас. А в следующее воскресенье пусть захватят священника в Риги во время проповеди, пусть утащат его в лес и вернутся оттуда с мечами, запятнанными кровью. Священники всей округи ночью тайком покинут деревни и отправятся в замок Маркштейна, где их ждут. С понедельника бог вернется на небеса. Детей больше не станут крестить, грехи не будут отпускать, больные будут умирать без причастия. Страх удушит мятеж.

Насти (раздумывая). Может, так и будет...

Дверь церкви раскрывается. Доносятся звуки органа. Крестьяне выходят, неся на носилках статую святой.

Генрих. Насти, молю тебя, если дело удастся, скажи мне, что ты меня прощаешь!

Насти. Я бы и рад сказать. Но беда в том, что я знаю, кто ты.

Спустя две недели. Церковь; все жители деревни укрылись там и больше не выходят, там же они едят и спят; в эту минуту они молятся. Насти и Генрих глядят, как они молятся.

Мужчины и женщины на полу. В церковь перенесли больных и калек. Стоны и движение у подножия алтаря.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Молящиеся крестьяне, Насти и Генрих.

Насти (про себя). Не могу их больше слышать! Увы! У вас не было ничего, кроме гнева, и я сам погасил его.

Генрих. Ты что говоришь?

Насти. Ничего.

Генрих. Ты недоволен?

Насти. Да, недоволен.

Генрих. Повсюду люди толпятся в церквях. Страх сковал их. мятеж убит в зародыше. Чего ты еще хочешь?

Насти не отвечает.

Значит, я буду радоваться за нас двоих.

Насти бьет его.

Что на тебя нашло?

Насти. Если станешь радоваться, я переломаю тебе ребра.

Генрих. Ты не хочешь, чтобы я радовался нашей победе?

Насти. Не хочу, чтобы ты радовался, заставив ползать людей.

Генрих. Я сделал все ради тебя и с твоего согласия. Не усомнился ли ты в самом себе, пророк?

Насти пожимает плечами.

Ведь ты не в первый раз им лжешь.

Насти. Но я в первый раз бросил их на колени, помешал им защищаться. Впервые вступил в сговор с суеверием, впервые заключил союз с дьяволом.

Генрих. Тебе страшно?

Насти. Дьявол – творение господа. Если господь захочет, дьявол мне подчинится. Я задыхаюсь в этой церкви. Выйдем!

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Генрих, Насти, Гёц.

Генрих и Насти собираются выйти из церкви.

Гёц (входит и направляется к Генриху). Собака, для тебя все средства хороши, чтобы выиграть пари? Ты заставил меня потерять две недели. Я десять

Сартр Жан-Поль Дьявол и Господь Бог filosoff.org
раз обошел свои впадения, разыскивал ее повсюду, а теперь узнал, что она
была здесь. Больная, тут, на каменном полу. И в том моя вина!

Генрих высвобождается от него и выходит вместе с Насти.

(Повторяет про себя.) Моя вина... Пустые слова... Ты ждешь, что мне станет
стыдно, но я не стыжусь. Гордыня сочится из моих ран. Вот уже тридцать пять
лет, как я подыхаю от гордыни. Я умираю со стыда... Дальше так нельзя!
(Резко.) Лиши меня мысли! Отыми ее у меня! Сделай, чтобы я забыл о себе.
Преврати меня в насекомое! Да будет так!

То возрастает, то стихает бормотание молящихся крестьян.

Катерина! (Проходит сквозь толпу, вглядываясь в каждого, и зовет.)
Катерина! Катерина! (Подходит к распростертому на плитах телу, приподнимает
одеяло, тут же опускает его. исчезает за колонной. Слышно, как он
продолжает звать.)

Катерина!

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Крестьяне одни. Часы на башне бьют семь. Один из спящих на полу просыпается
и вскакивает.

1-й мужчина. Который час? Какой теперь день?

2-й мужчина. Сегодня воскресенье. Теперь семь часов. Нет, сегодня не
воскресенье.

Голоса. Пришел конец воскресеньям, конец пришел. Больше их никогда не
будет. Наш священник унес их с собой. – Он оставил нам только будни,
проклятые дни труда и голода.

1-й мужчина. Ну, к дьяволу все это! Лучше снова усну. Разбудите меня, когда
настанет Страшный суд.

Женщина. Давайте помолимся.

Хильда входит, неся в руках охапку соломы. За ней следуют две крестьянки,
которые также несут солому.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Те же, Хильда, потом Гёц.

1-я женщина. Хильда! Это Хильда.

2-я женщина. Как хорошо, что ты пришла! Что слышно в деревне, расскажи нам.

Хильда. Рассказывать нечего. Всюду тишина. Только скотина мычит от страха.

Чей-то голос. А погода хорошая?

Хильда. Не знаю.

Голос. Ты не взглянула на небо?

Хильда. Нет. (Пауза.) Я собрала солому, чтобы сделать постели для больных.
(Двум крестьянкам.) Помогите мне!

Они укладывают больного на соломенную подстилку.

Вот. Теперь этого.

Сартр Жан-Поль Дьявол и Господь Бог filosofff.org
Делают то же.

И эту.

Они поднимают старую женщину, которая начинает всхлипывать.

Не плачь, прошу тебя. Не расстраивай их. Перестань, бабушка, не то они все заплачут вместе с тобой.

Старуха (всхлипывая). Там мои четки... (Показывает на пол, где она лежала.)

Хильда (рассердившись, берет четки и кидает ей на колени). Держи! (Успокаивается и говорит более мягким тоном.) Молись же, молись! Лучше молитва, чем слезы, – шуму меньше. Нет, погоди, нельзя и молиться и плакать! (Вытирает старухе глаза своим платком.) Вот, утри слезы. Хватит. Не плачь, говорю тебе. Мы не виновны, и бог не вправе нас карать.

Старуха (по-прежнему всхлипывая). Ох, дочка... Ты знаешь, у него на все есть право.

Хильда (резко). Будь он вправе карать невинных, я тотчас же предалась бы дьяволу.

Все вздрагивают, смотрят на нее. (Пожимает плечами и прислоняется к колонне. Минуту стоит, уставившись в пустоту, словно замороженная каким-то воспоминанием. Затем внезапно произносит с отвращением.) Тьфу!

1-я женщина. Хильда, что с тобой?

Хильда. Ничего.

Женщина. Ты так умела возвращать нам надежду!..

Хильда. Надежду? На кого? На что?

Женщина. Если ты отчаешься, и нас всех охватит отчаяние.

Хильда. Хорошо. Но слушайте меня. (Она вздрагивает.) Здесь холодно. Вы – единственное тепло на свете. Вы должны прижаться друг к другу и ждать.

Голос. Ждать чего?

Хильда. Пока не станет теплее. Мы терпим голод и жажду. Нам страшно, нам плохо, но самое важное – согреться.

Женщина. Хорошо. Прижмись ко мне. Подойди ко мне ближе!

Хильда не трогается к месту. Женщина подымается и идет к ней.

Она мертва?

Хильда. Да.

Женщина. Упокой, господи, душу ее.

Хильда. Упокой, господи? (Короткий смех.) Господу она не нужна.

Женщина. Хильда, как смеешь ты так говорить?

Шум в толпе.

Хильда. Перед смертью она увидела ад. Вдруг приподнялась, рассказала о своем видении и тут же умерла.

Женщина. Никто не сидит возле покойницы?

Хильда. Нет. Может, ты пойдешь?

Женщина. Ни за какие блага на свете.

Хильда. Хорошо. Я сейчас к ней вернусь. Дай мне только немного согреться.

Женщина (обращаясь к толпе). Помолимся, братья мои. Вымолим прощение бедной покойнице, увидевшей ад. Может, ее ждут вечные муки. (Становится на колени поодаль.)

Монотонный шум молитвы. Появляется Гёц и глядит на Хильду, которая по-прежнему стоит, прижавшись к колонне.

Хильда (вполголоса). Молить о прощения! А что ты должен нам прощать? Это ты должен просить прощения у нас! Не ведаю, какую ты уготовил мне судьбу, а покойницу я совсем не знала. Но если ты ее осудишь, мне не нужны твои небеса. Неужто думаешь, за тысячу лет в раю я позабуду застывший в ее глазах ужас? Презираю твоих дурацких избранников, которые смеют радоваться, пока в аду страдают обреченные на муки, а бедняки мыкают горе на земле. Я с людьми, с ними и останусь. Ты можешь заставить меня умереть без священника, ты можешь внезапно призвать меня к своему суду; мы еще поглядим, кто кого будет судить. (Пауза.) Она любила его. Всю ночь она стонала, звала его к себе. Но чем он ее приворожил, этот ублюдок? (Внезапно обращается к присутствующим.) Если хотите молиться, молитесь о том, чтобы пролитая в Риги кровь пала на голову Гёца.

Голос. Гёца?

Хильда. Он один виноват.

Голос. Пусть господь покарает Гёца, незаконнорожденного!

Гёц (с коротким смешком). Что ни делаю, Добро или Зло, всегда вызываю ненависть. (К одному из крестьян.) Кто она?

Крестьянин. Но это же Хильда!

Гёц. Какая Хильда?

Крестьянин. Хильда Лемм. Ее отец – самый богатый мельник в деревне.

Гёц (с горечью). Вы слушаетесь ее, как пророка. Она сказала, чтобы вы молились о каре для Гёца, и вы тотчас же стали на колени.

Крестьянин. Просто мы ее очень любим.

Гёц. Она богачка, а вы ее любите!

Крестьянин. Она больше не богата. В прошлом году должна была принять постриг, но был голод, она отказалась от своего обета и стала жить среди нас.

Гёц. А чем она завоевала вашу любовь?

Крестьянин. Живет как монахиня, лишает себя всего, помогает всем...

Гёц. Да, да. Все это и я могу. Должно же быть что-нибудь еще?

Крестьянин. Я ни о чем другом не знаю.

Гёц. Ни о чем другом? Странно!

Крестьянин. Она... она добра.

Гёц (начинает хохотать). Добра? Спасибо, приятель, ты меня просветил. (Удаляется.) Если верно, что она делает Добро, я возрадуюсь этому, господи, возрадуюсь, как должно. Да придет царствие твое, не важно где, не важно – благодаря ей или мне. (Глядит на нее враждебно.) Живет как монахиня? А я? Разве я не живу, как монах? Что сделала она такого, чего не сделал я? (Подходит к Хильде.) Здравствуй! Знаешь ли ты Катерину?

Хильда (вскакивая). Зачем ты меня спрашиваешь? Кто ты?

Гёц. Ответь мне, ты ее знаешь?

Хильда. Да, да, знаю. (Она резким движением отбрасывает капюшон Гёца,

Сартр Жан-Поль Дьявол и Господь Бог filosoff.org
открывая его лицо.) А, это ты? Тебя я тоже знаю, хотя ни разу не видела. Ты
Гёц.

Гёц. Да, это я.

Хильда. Наконец-то!

Гёц. Где она?

Хильда (глядит на него не отвечая; на губах ее застыла гневная улыбка). Ты
ее увидишь, торопиться незачем.

Гёц. Неужели ты думаешь, что она захочет страдать лишние пять минут?

Хильда. Неужели ты веришь, что она перестанет страдать, увидев тебя! (Она
глядит на него. Пауза.) Вы оба подождете.

Гёц. Чего же нам ждать?

Хильда. Покуда я не нагляжусь на тебя вдоволь.

Гёц. Безумная, я тебя не знаю и знать не хочу.

Хильда. А я тебя знаю.

Гёц. Нет.

Хильда. Нет? На груди у тебя волосы, как черный бархат. На животе у тебя
синяя вена, она вздувается, когда ты ласкаешь женщин. На бедре у тебя
большая родинка, похожая на землянику.

Гёц. Откуда ты знаешь?

Хильда. Пять дней и пять ночей я провела возле Катерины. Нас было трое в
комнате: она, я, ты. Мы жили втроем, как одна семья. Она видела тебя
повсюду, под конец я тоже стала видеть тебя. Двадцать раз за ночь
открывалась дверь, и ты входил. Ты глядел на нее лениво и небрежно, ты
гладил ее по затылку двумя пальцами. Вот так. (Грубо хватает его за руку.)
Что в них, в этих пальцах? Что в них такого? Мясо, обросшее шерстью. (В
ярости отталкивает его.)

Гёц. Что она говорила?

Хильда. Все, что нужно, чтобы я тебя возненавидела.

Гёц. Говорила, что я зол, груб, отвратителен?

Хильда. Что ты красив, умен, храбр. Что ты дерзок и жесток. Что женщине
стоит взглянуть на тебя, чтобы сразу влюбиться.

Гёц. Она говорила тебе о другом Гёце.

Хильда. Есть только один Гёц.

Гёц. Взгляни на меня своими глазами: где жестокость, где дерзость? Увы! Где
разум? Прежде я видел далеко и ясно, потому что Зло просто. Но взгляд мой
померк, и весь мир стал непонятен. Хильда, прошу тебя, не становись моим
врагом.

Хильда. Что тебе до меня? Ведь я не могу тебе повредить.

Гёц (указывая на крестьян). Ты уже повредила мне в их глазах.

Хильда. Они принадлежат мне, я им. Не вмешивай их в свои дела.

Гёц. Верно, что они тебя любят?

Хильда. Да, верно.

Гёц. Почему?

Сартр Жан-Поль Дьявол и Господь Бог filosoff.org
Хильда. Я никогда не задумывалась об этом.

Гёц. Оттого что ты красива.

Хильда. Нет, полководец. Вы любите красивых женщин, потому что вам делать нечего и потому что вы едите пряную пищу. Но мои братья работают целый день и голодают. Им не до женской красоты.

Гёц. Тогда в чем же дело? Они любят тебя, потому что ты им нужна?

Хильда. Потому, что они нужны мне.

Гёц. Зачем?

Хильда. Тебе не понять.

Гёц (идя к ней). Они тебя сразу полюбили?

Хильда. Да, сразу.

Гёц (про себя). Да, я так и думал: сразу или никогда. Тут сразу выигрываешь или теряешь. От времени и от усилий не зависит ничего. (Резко.) Бог не может этого желать. Это несправедливо. Выходит, есть люди, проклятые от рождения.

Хильда. Да, есть. Например, Катерина.

Гёц (не слушая). Чем ты их обворожила, колдунья? Как добилась удачи там, где меня ждал провал?

Хильда. Что сделал ты, чтоб приворожить Катерину?

Они как зачарованные глядят друг на друга.

Гёц (не переставая ее разглядывать). Ты украла у меня их любовь. Когда я гляжу на тебя, я вижу их любовь.

Хильда. А я гляжу на тебя и вижу любовь Катерины. И ты мне отвратителен.

Гёц. В чем ты упрекаешь меня?

Хильда. Упрекаю именем Катерины в том, что ты довел ее до отчаяния.

Гёц. Это не твое дело.

Хильда. Упрекаю именем этих мужчин и женщин в том, что ты свалил нам на голову твои земли и похоронил нас под ними.

Гёц. К дьяволу! Я не должен оправдываться перед женщиной.

Хильда. А от своего имени я упрекаю тебя в том, что ты овладел мной против моей воли.

Гёц (поражен). Тобой?

Хильда. Пять ночей кряду ты владел мною, прибегая к хитрости и насилию.

Гёц (смеется). Наверно, это было во сне!

Хильда. Да, во сне. В ее снах. Она втянула меня в них. Я хотела страдать ее болью, как страдаю от их боли. Но это была ловушка. Я полюбила тебя ее любовью. Благословен господь, теперь я увидела тебя. Увидела при дневном свете и освобождаюсь от своего сна. Днем ты такой, какой на самом деле.

Гёц. Ну так проснись! Все было лишь в твоем сне. Я не прикоснулся к тебе. До этого утра я ни разу тебя не видел. Ничего не было.

Хильда. Ничего. Ровно ничего. Она кричала у меня на руках, но разве это что-нибудь значит? Со мной ничего не случилось – ведь ты не прикоснулся к моей груди, к моим губам. Ты красив, полководец! Ты одинок, как все богачи. И ты всегда страдал только от ран, нанесенных тебе. В этом твоя беда. А я

Сартр Жан-Поль Дьявол и Господь Бог filosoff.org
едва чувствую собственное тело, не знаю, где начинается и где кончается моя жизнь, и не всегда отвечаю, когда меня зовут. Меня порой удивляет даже, что у меня есть собственное имя. Я страдаю болью всех: мне больно, когда другого бьют по щекам, я умираю с каждым, кто умирает. Ты изнасиловал во мне всех женщин, которых взял силой.

Гёц (торжествуя). Наконец-то!

Хильда смотрит на него с удивлением.

Ты будешь первой.

Хильда. Первой?

Гёц. Первой, которая меня полюбит.

Хильда. Я? (Смеется.)

Гёц. Ты уже любишь меня. Я держал тебя в своих объятиях пять ночей, я оставил след в твоей душе, ты полюбила меня любовью Катерины, а я люблю тебя любовью крестьян. Ты полюбишь меня. А если они твои, то и они должны полюбить меня.

Хильда. Я выцарапаю себе глаза, если настанет день, когда взгляну на тебя с нежностью.

Гёц хватает ее за руки. Она внезапно перестает смеяться и глядит на него со злобой.

Катерина умерла.

Гёц. Умерла! (Он подавлен этой вестью.) Когда?

Хильда. Только что.

Гёц. Она... страдала?

Хильда. Она видела ад.

Гёц (пошатнувшись.) Умерла...

Хильда. Она сбежала от тебя, не так ли? Иди-ка погладь ее затылок.

Молчание. Потом чей-то крик в глубине церкви. Крестьяне встают с пола и поворачиваются лицом ко входу. Минута ожидания. Шум возрастает. Потом появляются Генрих и Насти. Они несут на носилках Катерину.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Те же, Генрих, Насти и Катерина.

Катерина (больше не кричат. Приподнявшись на носилках, бормочет). Нет! Нет! Нет! Нет! Нет! Нет!

Гёц (кричит). Катерина! (Хильде.) Дрянь! Ты мне солгала.

Хильда. Я? Я не лгала тебе, Гёц. Ее сердце перестало биться. (Она склоняется над Катериной.)

Генрих. По пути сюда мы услышали, как она стонет. Она кричала, что ее подстерегает дьявол, она молила нас принести ее к подножию креста.

Крестьяне с угрозой преграждают им путь.

Голоса. Нет! Нет!

– Она проклята!

– Вон отсюда!

– Вон отсюда тотчас же!

Гёц. Черт побери, собаки! Я научу вас христианскому милосердию. Хильда. Молчи! Ты можешь лишь причинять зло. (Крестьянам.) Это труп, но душа ее не может оторваться от тела, потому что она окружена демонами. Вас тоже подстерегает дьявол. Кто же сжалится над вами, если вы не сжалитесь над ней? Кто полюбит бедняков, если бедняки не любят друг друга?

Толпа молча отходит в сторону.

Поднесите ее к подножию креста, раз она просит этого.

Генрих и Насти устанавливают носилки у подножия креста.

Катерина. Он тут?

Хильда. Кто?

Катерина. Священник.

Хильда. Его еще нет.

Катерина. Пойди за ним! Скорее! Я протяну, покуда он не придет.

Гёц (приближается). Катерина!

Катерина. Это он?

Гёц. Это я, любовь моя.

Катерина. Ты? Я думала, это священник. (Она кричит.) Хочу священника! Приведите его поскорее. Не хочу умирать без причастия.

Гёц. Катерина, тебе нечего бояться. Никто не причинит тебе зла. Ты слишком много страдала на земле.

Катерина. Говорю тебе – я их вижу.

Гёц. Где?

Катерина. Повсюду. Окропи их святой водой. (Она снова начинает кричать.) Спаси меня, Гёц, спаси меня! Во всем виноват ты, а не я. Если любишь, спаси меня.

Хильда охватывает ее руками и пытается вновь уложить на носилки. Катерина бьется в припадке и кричит.

Гёц (с мольбой в голосе). Генрих!

Генрих. Я больше не принадлежу церкви.

Гёц. Она не знает этого. Перекрести ей лоб, и ты спасешь ее от ужаса.

Генрих. К чему? Ужас ждет ее по ту сторону...

Гёц. Но это лишь виденья, Генрих.

Генрих. Ты так думаешь? (Смеется.)

Гёц. Насти, ты утверждаешь, что каждый может быть священником.

Насти пожимает плечами, подавленный своим бессилием.

Катерина (не слушая их). Разве вы не видите – я умираю!

Хильда хочет заставить ее вновь улечься.

Оставьте меня! Оставьте меня!

Сартр Жан-Поль Дьявол и Господь Бог filosoff.org
Гёц (про себя). Если бы я только мог... (Внезапно принимает решение и поворачивается к толпе.) Эта женщина погибла по моей вине, я ее и спасу. Уйдите все!

Все медленно уходят. Настя увлекает за собой Генриха, Хильда колеблется.

Ты тоже, Хильда.

Хильда, взглянув на него, уходит.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Гёц, Катерина, затем толпа.

Гёц. Теперь ты у меня в руках. Хоть ты и скуп на чудеса, на этот раз тебе придется сотворить для меня чудо.

Катерина. Куда они уходят? Не оставляй меня одну.

Гёц. Нет, Катерина, нет, любовь моя, я спасу тебя.

Катерина. Как? Ты не священник.

Гёц. Я попрошу Христа, чтобы он разрешил мне взять твои грехи на себя. Ты слышишь меня?

Катерина. Да.

Гёц. Буду нести их тяжесть вместо тебя. Твоя душа будет чиста, как в день твоего рождения. Чище, чем если бы грехи тебе отпустил священник.

Катерина. Как я узнаю, послушался ли он тебя?

Гёц. Я стану молиться. Если я вернусь к тебе изуродованным проказой или гангреной, ты мне поверишь?

Катерина. Да, любовь моя, поверю.

Гёц (отходит в сторону). Это мои грехи, ты это знаешь. Верни то, что принадлежит мне. Ты не вправе осуждать эту женщину. Потому что виноват я один! Вот мои руки! Вот мое лицо! Вот моя грудь! Изгрызи мне щеки! Пусть за ее грехи гноятся мои глаза и уши! Пусть сгорит кожа на спине и бедрах! Ниспошли на меня проказу, холеру, чуму, но спаси ее!

Катерина (слабеющим голосом). Гёц, помоги мне!

Гёц. Слышишь ты меня, глухой бог? Ты не отвергнешь эту сделку – она справедлива.

Катерина. Гёц! Гёц! Гёц!

Гёц. Не могу больше слышать этот голос. (Поднимается на амвон.) Ты умер для людей, отвечай – да или нет? Взгляни: люди страдают. Снова нужна Голгофа. Дай мне, дай мне твои раны! Отдай мне разверстую рану на бедре, отдай раны, пробитые гвоздями на твоих руках! Если бог мог страдать, почему не может страдать человек? Уж не ревнуешь ли ты меня? Дай мне свои стигматы, дай мне их! (Раскинул руки крестом перед распятием.) Отдай мне их! Отдай! Отдай! (Повторяет эти слова, словно заклинание.) Ты оглох? О, черт возьми, какой я глупец! На бога надейся, да сам не плошай!

(Выватывает из-за пояса кинжал, наносит себе удар кинжалом правой рукой по левой, левой рукой по правой, ранит себя в бок. Затем швыряет кинжал на амвон, наклоняется и мажет кровью грудь распятого Христа.) Войдите все!

Крестьяне входят.

Христос кровоточит!

Сартр Жан-Поль Дьявол и Господь Бог filosofff.org
Шум в толпе. Он поднимает руки.

Взгляните! В своем милосердии он позволил мне носить стигматы. Кровь Христа, братья мои, кровь Христа струится по моим рукам. (Спускается по ступеням амвона к Катерине.) Не бойся ничего, любовь моя. Я прикасаюсь к твоему лбу, твоим глазам, твоим рукам, вот кровь нашего Иисуса. (Мажет ей лицо кровью.) Ты еще видишь дьявола?

Катерина. Нет.

Гёц. Кровь Христа, Катерина.

Катерина. Твоя кровь, Гёц, твоя кровь. Ты отдал ее ради меня!

Гёц. Кровь Христа, Катерина.

Катерина. Твоя кровь... (Умирает.)

Гёц. Все на колени.

Крестьяне становятся на колени.

Ваши священники – собаки. Но ничего не бойтесь. Я останусь здесь. Пока кровь Христа будет течь из моих ран, с вами не приключится беды. Возвращайтесь в свои дома, радуйтесь. Праздник настал. Сегодня для всех начинается царство божие. Мы построим Город Солнца. (Пауза.)

Толпа медленно, безмолвно, отхлынула. Женщина подошла к Гёцу, взяла его за руку и смочила лицо его кровью. Хильда остается последней, подходит к Гёцу, тот ее не видит.

Хильда. Не причини им зла.

Гёц не отвечает. Она уходит.

Гёц (пошатнувшись, опирается о колонну). Теперь они мои. Наконец-то.

Занавес

АКТ ТРЕТИЙ

КАРТИНА СЕДЬМАЯ

Площадь в деревне Альтвейлер.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Крестьяне окружили женщину, которая их обучает. Женщина – наставница, она молода и миловидна. В руках у нее палка, которой она выписывает на земле буквы. Позже – Карл и молодая женщина.

Наставница. Какая это буква?

Один из крестьян. Это «л».

Наставница. А это?

Другой крестьянин. Это «ю».

Наставница. А вот эти четыре буквы?

Один из крестьян. Болк.

Сартр Жан-Поль Дьявол и Господь Бог filosoff.org
Наставница. Нет.

Другой крестьянин. Бовь.

Наставница. А все слово?

Один из крестьян. Любовь.

Все крестьяне. Любовь!..

Наставница. Смелей, братья мои! Скоро вы сможете читать. И тогда вы научитесь отличать добро от зла и правду от лжи. А теперь ответь мне ты... Какой была наша прежняя натура?

Одна из крестьянок (словно читая катехизис). Прежняя – значит, до того, как мы узнали Гёца.

Наставница. Какими мы были прежде?

Одна из крестьянок (так же). Дурными.

Наставница. Как бороться против нашей прежней природы?

Одна из крестьянок. Создавая себе вторую природу.

Наставница. Как создать себе вторую природу?

Одна из крестьянок. Научившись выказывать любовь.

Наставница. Любить и выказывать любовь – это одно и то же?

Одна из крестьянок. Нет, не одно и то же...

Входит Хильда. Крестьяне указывают на нее.

Наставница. Что? (Она оборачивается.) Ах! Хильда... (Пауза.) Сестра моя... ты нам мешаешь.

Хильда. Чем я могу вам мешать? Я ведь молчу.

Наставница. Ты молчишь, но ты глядишь на нас, и мы знаем, что ты нас не одобряешь.

Хильда. Но я могу думать, как хочу?

Наставница. Нет, Хильда, здесь думают открыто, при свете дня и вслух. Мысли каждого принадлежат всем. Хочешь ли ты присоединиться к нам?

Хильда. Нет.

Наставница. Значит, ты нас не любишь?

Хильда. Люблю, но на свой лад.

Наставница. Ты не рада нашему счастью?

Хильда. Я... Ах, братья мои, вы столько страдали. Если вы счастливы, то и я должна быть счастлива.

Входит Карл, глаза его завязаны. Его ведет молодая женщина.

Наставница. Кто вы?

Молодая женщина. Мы ищем Город Солнца.

Один из крестьян. Город Солнца здесь.

Молодая женщина (обращаясь к Карлу). Так я и думала. Жаль, что ты не можешь видеть, какой у них счастливый вид. Ты бы обрадовался.

Крестьяне толпятся вокруг них.

Крестьянин. Бедняги, вы хотите пить? Вы голодны! Садитесь же.

Карл (усаживаясь). Ах, вы так добры...

Крестьянин. Здесь все добры. Здесь все счастливы.

Другой крестьянин. Но в нынешнее смутное время люди не путешествуют. Нам пришлось ограничиться любовью друг к другу. Вот отчего твой приход наполнил наши сердца радостью.

Крестьянка. Так приятно, когда можешь сделать добро чужестранцу. Что вам нужно?

Молодая женщина. Мы хотим видеть человека, руки которого кровоточат.

Карл. Правда ли, что он творит чудеса?

Крестьянка. Только тем и занят.

Карл. Правда ли, что его руки кровоточат?

Один из крестьян. Дня не проходит без этого.

Карл. Я хочу, чтоб он коснулся моих век своими окровавленными руками и вернул мне зрение.

Крестьянка. Это ему как раз по плечу, он тебя излечит.

Карл. До чего вам повезло, что у вас есть такой человек. И вы больше никогда не поступаете дурно?

Один из крестьян. Никто не пьет, никто не крадет.

Другой крестьянин. Мужьям запрещено бить своих жен.

Первый крестьянин. Родителям запрещено бить своих детей.

Карл (усаживаясь на скамью). Лишь бы только это подольше продлилось.

2-й крестьянин. Это продлится, сколько будет угодно господу.

Карл. Увы! (Вздыхает.)

Наставница. Отчего ты вздыхаешь?

Карл. Мой поводырь повсюду видел вооруженных людей. Крестьяне и бароны будут драться.

Наставница. На землях Гейденштама?

Карл. Нет, но по всей округе.

Наставница. Это нас не касается. Мы никому не желаем зла. Мы хотим, чтоб везде царила любовь.

Карл. Правильно! Пусть они перебьют друг друга. Ненависть, убийство, кровь других людей – только пища для вашего счастья.

Один из крестьян. Что ты говоришь? Ты с ума сошел!

Карл. Я лишь повторяю то, что говорят повсюду.

Наставница. А что говорят?

Карл. Говорят, что ваше счастье сделало их страдания еще невыносимее и они дошли до предела отчаяния. (Пауза.) Но вы правы, вас это не должно тревожить: пусть ваше счастье окропят несколько капель крови... цена не слишком высока.

Наставница. Наше счастье священно – так сказал Гёц. Мы счастливы не только

Сартр Жан-Поль Дьявол и Господь Бог filosoff.org
ради себя, но и ради всех. Мы свидетельствуем всем и перед всеми, что счастье возможно. Эта деревня стала священной, все должны глядеть на нас, как христиане на святую землю.

Карл. Я вернусь в свою деревню и принесу эту радостную весть. Я знаю целые семьи, умирающие с голоду: им будет так приятно знать, что вы счастливы ради них.

Смущенное молчание крестьян.

А что вы станете делать, добрые люди, если начнется война?

Одна из крестьянок. Мы будем молиться.

Карл. Боюсь я, как бы вам не пришлось в ней участвовать.

Наставница. Нет, не бывать тому.

Все крестьяне. Нет! Нет! Нет!

Карл. Разве не священна война рабов, которые хотят стать людьми?

Наставница. Все войны – святотатство. Мы останемся на страже любви, будем мучениками мира.

Карл. По соседству с вами грабят, насилюют, убивают ваших братьев господа, и вы не питаете к ним ненависти?

Одна из крестьянок. Мы жалеем их, потому что они злы.

Все крестьяне. Да, мы их жалеем.

Карл. Они злы, и, значит, справедливо, что против них восстали жертвы их зла?

Наставница. Насилие несправедливо, откуда бы оно ни исходило.

Карл. Осуждая насилие ваших братьев, вы, стало быть, одобряете насилие баронов?

Наставница. Нет, конечно.

Карл. Но все же это так, раз вы не хотите, чтобы оно прекратилось.

Наставница. Мы хотим, чтобы оно прекратилось по доброй воле самих баронов.

Карл. А кто внушит им эту добрую волю?

Наставница. Мы.

Все крестьяне. Мы! Мы!

Карл. А что же покуда делать крестьянам?

Наставница. Терпеть, ждать и молиться.

Карл. Предатели! Вот вы и разоблачены. Вы любите лишь самих себя. Но остерегайтесь, если война начнется, от вас потребуют ответа, не допустят, чтобы вы оставались в стороне, покуда ваши братья идут на смерть. Если крестьяне победят, то бойтесь, как бы они не сожгли Город Солнца, чтобы покарать вас за предательство. Если победят сеньоры, они не потерпят, чтобы дворянские земли оставались в руках крепостных. К оружию, друзья! Если не станете драться из братских чувств, возьмитесь за оружие хотя бы из корысти. Счастье нужно защищать!

Один из крестьян. Мы не станем драться.

Карл. Тогда вас перебьют.

Наставница. Мы поцелуем руку, которая нанесет нам удар. Мы умрем в молитвах за тех, кто нас убивает. Покуда мы живы, у нас еще будет возможность пойти

Сартр Жан-Поль Дьявол и Господь Бог filosoff.org
на смерть; мертвые, мы поселимся в ваших душах, и наши голоса будут звучать у вас в ушах.

Карл. Черт возьми! Вы хорошо выучили свой урок! Но виноваты не вы. Преступен лжепророк, который вбил вам в головы эту благодетную ложь.

Крестьянин. Он оскорбляет нашего Гёца! (Надвигается на Карла.)

Молодая женщина. Неужели вы ударите слепца? Вы же сказали, что живете ради любви.

Один из крестьян (срывает с глаз Карла повязку). Хорош слепой! Да это же Карл, лакей из замка. Его сердце источено ненавистью, и он уже много недель бродит вокруг, сея раздор и мятеж.

Крестьяне. Повесить его!

Хильда. Ах вы, кроткие овечки, теперь вы разъярились. Карл – негодяй, потому что призывает к войне. Но Карл говорит правду, и я не дам вам убить того, кто говорит правду, откуда бы он ни пришел. А это правда, братья мои, что ваш Город Солнца построен на несчастье других людей. Бароны будут терпеть ваш город, только пока их собственные рабы останутся рабами. Братья мои, я не попрекаю вас вашим счастьем, но мне было легче, когда мы вместе с вами были несчастны, – тогда наше несчастье было несчастьем всех людей. На этой кровотокающей земле любая радость непристойна, а счастливицы всегда одиноки.

Один из крестьян. Ступай! Тебе по душе лишь нищета, а Гёц хочет строить.

Хильда. Ваш Гёц обманщик.

Шум в толпе.

Ну? Хватайте меня, бейте, вешайте! Чего вы ждете?

Входит Гёц.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Те же и Гёц.

Гёц. Почему вы такие хмурые?

Один из крестьян. Гёц, это...

Гёц. Молчи! Я не хочу больше видеть мрачные лица, сначала улыбайтесь, потом говорите. Ну, улыбайтесь!

Крестьяне улыбаются.

Один из крестьян (улыбаясь). Этот человек зовет нас к мятежу.

Гёц. Тем лучше! Это искус. Нужно уметь выслушать слова ненависти.

Одна из крестьянок (улыбаясь). Он оскорбил тебя, Гёц, обозвал тебя лжепророком.

Гёц. Мой добрый Карл, неужели ты так меня ненавидишь?

Карл. По правде говоря, да!

Гёц. Значит, я не сумел заставить себя полюбить. Прости меня! Проводите его до выхода из деревни, дайте ему еды в дорогу, поцелуйте на прощание.

Карл. Все это кончится побоищем, слышишь меня, Гёц? Пусть кровь этих людей падет на твою голову!

Гёц. Да будет так.

Карл с поводырем уходят.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Те же, без Карла и молодой женщины.

Гёц. Помолимся за них.

Наставница. Гёц, нас кое-кто смущает.

Гёц. Говори.

Наставница. Хильда... Мы очень ее любим, но она нам мешает. Она не согласна с тобой.

Гёц. Я это знаю.

Хильда. Что вам до этого? Ведь я ухожу.

Гёц (поражен). Ты уходишь?

Хильда. Да, тотчас же.

Гёц. Почему?

Хильда. Потому что они счастливы.

Гёц. И что же?

Хильда. Счастливым я не нужна.

Гёц. Они тебя любят.

Хильда. Конечно. Но они утешатся.

Гёц. Они еще нуждаются в тебе.

Хильда. Ты думаешь? (Оборачивается к крестьянам.) Разве я еще нужна вам?

Крестьяне растерянно молчат.

Ты видишь? К чему я им, раз у них есть ты? Прощай!

Гёц. Вы ее отпустите, не сказав ни слова? Неблагодарные! Кто спас вас от отчаяния, когда вы были несчастны? Оставайся, Хильда, их именем прошу тебя. А вам, вам я приказываю вернуть ей свою любовь.

Хильда (с внезапной яростью). Оставь все себе! Ты выкрал у меня кошелек, но я не позволю тебе подавать мне милостыню моими же деньгами.

Наставница. Останься, Хильда, раз он так хочет. Мы покоримся ему, клянусь тебе, и мы тебя полюбим, как нам велит этот святой человек!

Хильда. Оставь! Оставь! Вы любили меня по велению сердца. Теперь все кончено. Не будем говорить!.. Забудьте меня. Забудьте меня поскорей. Чем скорее, тем лучше.

Гёц. Оставьте нас!

Крестьяне уходят.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Гёц, Хильда.

Гёц. Куда ты пойдешь?

Хильда. Не важно. Нищеты всюду хватает.

Гёц. Опять нищета! Опять горе! Неужели нет ничего другого на свете?

Хильда. Для меня нет. В этом моя жизнь.

Гёц. Нужно ли постоянно мучиться их муками? Неужели нельзя радоваться их счастью?

Хильда (страстно). Я не могу! Хорошо счастье! Они прямо блеют от счастья. (В отчаянии.) О, Гёц, с тех пор, как ты среди нас, я стала врагом собственной души. Мне стыдно за нее, когда я слышу ее голос. Я знаю, они теперь не голодают, их работа не так тяжка. Счастье для баранов! Если оно им по душе, я вместе с ними должна к нему стремиться. Но я не могу, не хочу такого счастья. Должно быть, я чудовище! Люблю их меньше с той поры, как они стали меньше страдать, хотя ненавижу страдание. (Пауза.) Но разве я злая?

Гёц. Нет. Ты ревнивая.

Хильда. Ревнивая? Да, ревность душит меня. (Пауза.) Видишь, мне давно уже пора было уйти: ты развратил меня. Но уйду я или останусь, все равно, что бы ты ни делал, тебе суждено пробуждать зло в душах людей. Прощай!

Гёц. Прощай!

Она не уходит.

Ну, чего ты ждешь?

Она собирается уйти.

Хильда, прошу тебя, не покидай меня.

Она смеется.

Что с тобой?

Хильда (без злобы). Ты все отнял у меня, и ты же просишь не покидать тебя?

Гёц. Чем сильней они меня любят, тем больше я одинок. Я стал их крышей, но у меня самого нет крыши. Я стал их небом, но у меня самого нет неба. Нет, есть, но видишь, как оно далеко. Я хотел стать опорой, нести на себе небесный свод. Ерунда, небо просто дырка. Я спрашиваю, где же бог? (Пауза.) Должно быть, я люблю их недостаточно, все от этого. Я только выказывал любовь, но сама любовь не пришла. Может быть, я лишен дара любви. Почему ты глядишь на меня так?

Хильда. Ты и не любил их, ты напрасно обокрал меня.

Гёц. Не их любовь я должен был отобрать у тебя, а твою. Любить их, как ты! Смотри, я завидую тебе во всем. Завидую даже твоей ревности. Ты здесь, ты глядишь на них, ты прикасаешься к ним. Ты – тепло, ты – свет, но я – не ты. Невыносимо! Я не понимаю, к чему нас двое на земле. Как я хотел бы стать тобой, оставаясь самим собой.

Входит Насти.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Гёц, Хильда, Насти.

Насти (глухим голосом). Гёц! Гёц! Гёц!

Гёц (оборачиваясь). Кто это?.. Насти!..

Насти. Люди глухи.

Гёц. Глухи?.. Глухи к твоему голосу. Это для меня новость.

Насти. Да, такого не было.

Гёц. Бог испытывает тебя, как и других? Посмотрим, как ты справишься с этим.

Насти. Пусть бог испытывает меня, сколько хочет. Не усомнюсь ни в нем, ни в своем предназначении; если бог усомнится во мне – значит, он обезумел.

Гёц. Говори все!

Насти (указывая на Хильду). Отошли ее.

Гёц. Она – это я. Говори или уходи.

Насти. Хорошо. (Пауза.) Мятеж вспыхнул.

Гёц. Какой мятеж? (Резко.) Я ни при чем! Тут нет моей вины. Пусть перебьют друг друга. Я тут ни при чем!

Насти. Их сдерживал только страх перед церковью, ты доказал им, что они могут обойтись без попов, и теперь повсюду появились проповедники ярости, они призывают к мести.

Гёц. И все это сделано мной?

Насти. Да.

Гёц. Получай! (Ударяет его.)

Насти. Бей! Бей же!

Гёц. Ха! (Поворачивается.) Как сладко было Зло: я мог убивать! (Шагает. Пауза.) Ну! Чего ты просишь от меня?

Насти. Ты можешь спасти нас от самого худшего.

Гёц. я? (Сухо смеется.) У меня дурной слух. Как смеешь ты звать меня?

Насти. Нет выбора... У нас ни оружия, ни денег, ни военачальников. Крестьяне не знают дисциплины, им трудно стать хорошими солдатами. Через несколько дней начнутся поражения, через несколько месяцев нас станут истреблять.

Гёц. И что же?

Насти. Есть лишь одна возможность: сегодня я не могу остановить мятежа, а через три месяца смог бы. Если мы одержим настоящую победу в одном, хотя бы в одном сражении, бароны предложат нам мир.

Гёц. Чем могу помочь я?

Насти. Ты лучший полководец Германии.

Гёц (глядит на него, затем отворачивается). Увы. (Пауза.) Исправлять! Всегда что-то исправлять! Вы заставляете меня терять время. Все вы только тем и заняты! Но у меня свои дела, черт подери!

Насти. И ты позволишь им перерезать друг другу горло, лишь бы тебе построить свой шутовской, свой образцовый город?

Гёц. Эта деревня – ковчег, здесь укрыта любовь. Что мне потоп, когда я спасаю любовь?

Насти. Ты обезумел? Тебе не избежать войны. Она тебя отыщет здесь.

Молчание Гёца.

Ну как, согласен?

Гёц. Не спеши! (Снова оборачивается к Насти.) Дисциплины нет, а я должен буду ее создать. Знаешь ли ты, что это значит?

Виселицы!

Насти. Знаю.

Гёц. Насти, придется вешать бедняков, вешать кого попало для острастки – и правого и виноватого. Да что я, какие там виноватые, все они невиновны. Сегодня я их брат и понимаю, что они невиновны, а завтра – я их полководец, и я перестану понимать, и я начну вешать.

Насти. И пусть! Так нужно.

Гёц. Придется мне стать мясником. У вас нет ни оружия, ни умения. Спасение в том, что вас много! Придется платить тысячами жизней. Подлая война!

Насти. Ты пожертвуешь двадцатью тысячами жизней, чтобы спасти сто тысяч.

Гёц. Будь я только в этом убежден! Насти, поверь мне! Я знаю, что такое сражение. Если мы начнем – сто шансов против одного, что мы проиграем.

Насти. Воспользуйся этим единственным шансом! Смелей! Но ведаю намерений господя, но мы избраны им: я его пророк, ты его мясник. Не время отступать! (Пауза.)

Гёц. Хильда!

Хильда. Чего ты хочешь?

Гёц. Помоги мне! Что бы ты решила на моем месте?

Хильда. Я никогда не буду на твоём месте, не хочу этого. Вы – вожаки, а я – простая женщина. Мне нечего вам дать.

Гёц. Я только на тебя надеюсь.

Хильда. На меня?

Гёц. Больше, чем на самого себя.

Хильда. Зачем ты хочешь сделать меня соучастницей своих преступлений? Почему заставляешь решать за себя? Чего ради даешь мне власть над жизнью и смертью моих братьев?

Гёц. Я люблю тебя.

Хильда. Замолчи! (Пауза.) Ты победил – заставил меня перейти по другую сторону баррикады. Я была с теми, кто страдает, теперь я с теми, кто решает, как им страдать. О Гёц! Мне больше никогда не уснуть. (Пауза.) Я запрещаю тебе проливать кровь. Откажись!

Гёц. Мы принимаем это решение вместе?

Хильда. Да, вместе.

Гёц. И вместе будем за него в ответе?

Хильда. Да, вместе, что бы ни случилось.

Насти (Хильде). Зачем ты вмешиваешься?

Хильда. Я говорю от имени бедняков.

Насти. Никто, кроме меня, не вправе говорить от их имени.

Хильда. Почему?

Сартр Жан-Поль Дьявол и Господь Бог filosoff.org
Насти. Потому что я один из них.

Хильда. Ты бедняк? Нет, этому давно пришел конец. Теперь ты – вождь.

Сцена погружается во мрак.

Гёц. Почему не сказать им правду?

Насти. Какую?

Гёц. Сказать, что они не умеют сражаться и погибнут, если начнут войну.

Насти. Они убьют того, кто скажет им это.

Гёц. А если я попытаюсь?

Насти. Ты?

Гёц. Они ко мне относятся с доверием, я пророк и роздал свое имущество. А что делать с доверием, как не рисковать им?

Наст и. Но если существует только одна возможность из тысячи.

Гёц. Одна из тысячи? Хорошо! Вправе ли ты отвергнуть ее?

Насти. Нет, не вправе. Пойдем!

Хильда. Останься!

Гёц (берет ее за плечи). Не бойся ничего. На этот раз бог на нашей стороне. (Зовет.) Идите все сюда.

Крестьяне возвращаются.

Повсюду – бой. Завтра вспыхнет пламя во всей Германии. Я уйду к людям, чтобы спасти мир.

Все крестьяне. Гёц, не покидай нас. Что с нами будет без тебя?

Гёц. Я вернусь, братья мои: здесь мой бог, здесь мое счастье, здесь моя любовь. Я вернусь. Вот Хильда – я доверяю вас ей. Если в мое отсутствие вас захотят вовлечь в войну на той или иной стороне, отказывайтесь драться. Если вам станут угрожать, отвечайте на угрозы любовью. Помните, братья моя, помните: любовь заставит отступить войну.

Гёц и Насти уходят.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Те же, кроме Гёца и Насти.

Крестьянин. Что, если он не вернется?

Молчание.

Хильда. Станем молиться. (Пауза.) Молиться, чтобы любовь заставила отступить войну.

Крестьяне (опускаются на колени). Боже, пусть любовь заставит отступить войну.

Хильда. Пусть моя любовь заставит отступить войну. Да будет так!

Сцена погружается во мрак, первые реплики 8-й картины звучат тотчас же за последней репликой Хильды.

Лагерь крестьян. Шум. Крики в темноте ночи.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Гёц, Насти, Карл, крестьяне.

Голоса. У-у-у-у!

Голос Гёца (подымается над шумом). Вы все погибнете.

Голоса. Смерть ему! Смерть ему!

Свет. Лужайка в лесу. Ночь. Крестьяне, вооруженные дубинами и вилами. Кое у кого сабли. Некоторые держат в руках зажженные факелы. Гёц и Насти стоят на скале перед толпой.

У-у-у-у!

Гёц. Бедные люди! Вам не хватает мужества, даже чтоб взглянуть правде в лицо.

Голос. Правда в том, что ты предатель.

Гёц. Правда, братья моя, самая очевидная правда, что драться вы не умеете.

Крестьянин огромного роста выступает вперед.

Крестьянин. Я не умею драться?

Оживление в толпе.

Эх, братцы, выходит, я не умею драться! Да я могу схватить быка за рога и свернуть ему шею.

Гёц (спрыгнул на землю и подошел к нему). На вид, брат мой, ты в три раза сильнее меня.

Крестьянин исполинского роста. Я, братишка? (Он толкает Гёца и отбрасывает его на пять шагов.)

Гёц. Отлично! (Одному из крестьян.) Дай мне эту палку. (Рослому крестьянину.) А ты возьми вот эту. Будем драться на шпагах. Ты видишь? Видишь? Видишь? К чему тебе твоя сила? Только воздух сотрясать да ветер пугать.

Они дерутся.

Теперь, брат мой, прости меня, но я тебя легонько хвачу по башке. Это для общего блага. Вот! (Наносит удар.) Прости меня, господи!

Крестьянин падает.

Вы убедились: он был самым сильным среди вас, а я не самый ловкий.

Пауза. Крестьяне в удивлении молчат. Гёц, пользуясь своей победой, снова начинает.

Хотите, я скажу вам, почему вы не боитесь смерти? Каждый из вас думает, что она станет уделом соседа. (Пауза.) Но я обращаюсь к господу, отцу нашему, и говорю ему: «Господи, если ты хочешь помочь этим людям, подай мне знак, укажи, кто из них погибнет на войне». (Внезапно изображает страх.) О! О! О! О! Что я вижу! О братья мои, что будет с вами? Какое ужасное видение! Вот что вы натворили!

Один из крестьян (встревоженно). Что такое? Что ты видишь?

Гёц. Господь растопил ваши тела, как воск. Я вижу только ваши кости. Святая дева! Сплошь одни скелеты!

Крестьянин. Что это значит? Как ты думаешь?

Гёц. Бог не хочет мятежа и указывает мне на тех, кто должен погибнуть.

Крестьянин. Кто же, например?

Гёц. Кто? (Протягивает в его сторону указательный палец и страшным голосом говорит.) Ты! (Пауза.) И ты! И ты! И ты! Что за страшная пляска смерти!

Один из крестьян (потрясенный, но все же с сомнением). Кто нам докажет, что ты пророк?

Гёц. Эй вы, не верящие мне! Если вам нужны доказательства, взгляните на эту кровь. (Он поднимает руки. Пауза. Насти.) Я победил.

Насти (сквозь зубы). Нет еще.

Выступает вперед Карл.

Будь осторожен с ним, он ожесточенней всех.

Карл. О мои легковверные братья! Когда же вы научитесь недоверию? Вы стали такими неженками, что совсем разучились ненавидеть! Стоит человеку заговорить с вами как господину и владыке, и вы склоняете головы. А что вы увидели? У него следы крови на руках – только и всего. Если нужно истекать кровью, чтобы убедить вас, взгляните на меня.

(Поднимает вверх руки, с которых стекают капли крови).

Гёц. Кто ты?

Карл. Пророк, как и ты.

Гёц. Пророк ненависти.

Карл. Таков единственный путь к любви.

Гёц. Но я узнал тебя. Ты Карл, мой лакей.

Карл. К вашим услугам.

Гёц. Лакей-пророк. Шутовство!

Карл. Не больше чем генерал-пророк.

Гёц (спускаясь по ступенькам). Покажи свои руки. (Выворачивает его руки.) Черт возьми, он прячет в рукавах пузыри, полные крови.

Карл. Покажи свои руки! (Глядит на его руки) Этот человек расцарапал ногтями старые раны, чтобы выдавить из них несколько капель крови. Давайте, братья, попытайте нас, решите сами, кто из нас пророк.

Голоса из толпы. Да... Да...

Карл. А так умеешь? (На палочке, которую он держит, появляется цветок.) А это тебе знакомо? (Вынимает кролика из шляпы.) А это? (Окружает себя дымом.) Покажи нам, что ты умеешь делать.

Гёц. Такие фокусы я сотни раз видал на площадях. Я не фигляр.

Крестьянин. Пророк должен уметь делать то, что умеет фокусник.

Гёц. Не буду состязаться в фокусах со своим лакеем. Братья, прежде чем стать пророком, я был генералом. Сейчас речь идет о войне: если не верите пророку, доверьтесь генералу.

Карл. Доверьтесь генералу, пусть только генерал докажет, что он не

Сартр Жан-Поль Дьявол и Господь Бог filosoff.org
предатель.

Гёц. Неблагодарный! Из любви к тебе и к твоим братьям я расстался со всеми своими владениями.

Карл. Из любви ко мне?

Гёц. Да. Из любви к тебе, хотя ты меня ненавидишь.

Карл. Значит, ты любишь меня?

Гёц. Да, брат мой, я люблю тебя.

Карл (торжествуя). Он выдал себя, братья мои. Он лжет нам. Взгляните на мою рожу и скажите сами, можно ли меня любить? А вас, братцы, разве вас можно любить?

Гёц. Болван! Не люби я их, зачем бы стал я отдавать им свои земли?

Карл. В самом деле, зачем? (Резко.) Господь всеведущий, на помощь! Вот мое тело, вот мои уста. Скажи нам, почему ублюдок Гёц отдал свои земли? (Издаёт страшные крики.)

Крестьяне. Бог здесь!

– Бог будет говорить!

Они становятся на колени.

Гёц. Господи, только этого не хватало.

Карл (закрыв глаза. Кричит странным, словно чужим голосом.)

Эй! Слушай! Земля!

Крестьяне. Слушаем!

Карл (так же). Господи, вижу тебя! Люди, вижу вас!

Крестьяне. Сжался над нами!

Карл (продолжает). Гёц здесь?

Крестьяне. Да, отче наш. Он справа, чуть позади.

Карл (продолжает). Гёц! Гёц! Зачем ты отдал им свои земли, отвечай!

Гёц. Кто вопрошает меня?

Карл (продолжая). Вездесущий.

Гёц. Если ты вездесущ, то знаешь все и должен знать, почему я так поступил.

Крестьяне (с угрозой). Отвечай! Отвечай!

Гёц. Вам отвечаю я, братья мои, не ему, а вам. Я отдал свои земли, чтобы все люди были равны.

Карл хохочет.

Крестьяне. Бог смеется! Бог смеется!

Насти спустился по ступенькам и встал за спиной Гёца.

Карл (продолжает). Ты лжешь мне, ты лжешь своему господу. А вы, сыновья мои, слушайте. Что бы ни делал сеньор, он никогда не будет равен вам. Я требую, чтобы вы перебили всех господ! Гёц дал вам свои земли, а можете ли вы дать ему ваши? Он вправе выбирать: оставить их себе или дать вам. А вы разве могли отказаться? Тому, кто вас поцеловал, верните поцелуй, тому, кто вас ударил, верните удар. Тому, кто даст вам то, чего вы вернуть не можете, оплатите всей ненавистью сердца. Вы были рабами, и он поработил вас, вы

Сартр Жан-Поль Дьявол и Господь Бог filosoff.org
были унижены, а он еще пуще унижил вас.

Утром вам в дар – горе!

В полдень вам дар – забота!

К вечеру дар – отчаяние!

Гёц. Хороша проповедь! Кто дал вам жизнь и свет? Бог. Есть закон – даровать. Что бы господь ни делал, он всегда дарует. Можете вы вернуть ему его дары? Вы прах у его ног. Значит, вы должны ненавидеть бога.

Крестьянин. Ну, бог – это совсем другое дело.

Гёц. Зачем он создал нас по своему образу и подобию? Раз бог само великодушие и любовь, то человек, подобие его, должен любить и быть великодушным. Братья, прошу вас: примите дары мои и дружбу! Я не требую у вас признательности, хочу лишь, чтоб вы не осуждали мою любовь как порок и не попрекали меня моими дарами, словно они преступны.

Крестьянин. Что ни говори, а я не люблю подачек.

Карл (снова обретая свой естественный голос, показывая на нищего). Вот он все понял. Земли – ваши. Тот, кто отдает их вам, обманщик: дарит то, что ему не принадлежит. Берите их! Берите и убивайте, если хотите стать людьми! Людьми вас сделает насилие.

Гёц. Братья, разве на свете нет ничего, кроме ненависти? Моя любовь...

Карл. Твоя любовь от дьявола – гниет все, к чему она прикоснется. Братцы, поглядели бы вы на крестьян из Альтвейлера. За три месяца он их в кастратов превратил. От такой любви, пожалуй, и про девок забудем... Были вы скотом, ненависть сделала вас людьми. Если он лишит вас ненависти, снова станете ползать на четвереньках и молча страдать, как скотина.

Гёц. Насти, на помощь!

Насти (показывая на Карла). Все решено, бог на его стороне.

Гёц (поражен). Насти!

Крестьяне. Убирайся! Убирайся к черту!

Гёц (в гневе). Уйду, не бойтесь. Идите же навстречу смерти, подохнете – от радости плясать стану. Что за уроды! Вы призраки, вас нет среди живых. Благодарю тебя, господи, за то, что ты открыл мне их души. Теперь я понял, что ошибся: землей должны владеть аристократы, потому что у них гордые сердца, а вы должны ползать на брюхе – вы свиньи!

Крестьяне (хотят наброситься на Гёца). Смерть ему! Смерть!

Гёц (вырывая шпагу у одного из крестьян). Попробуйте, возьмите!

Насти (подымая руку). Довольно!

Полная тишина.

Этот человек доверился вашему слову. Научитесь держать свое слово даже перед врагом.

Сцена постепенно пустеет и снова погружается во мрак. Последний факел горит на скале. Насти берет его и хочет уйти.

Насти. Уходи, Гёц! Скорей уходи!

Гёц. Насти, Насти! Зачем ты меня бросил?

Насти. Ты потерпел поражение.

Гёц. Насти, они волки. Как можешь ты оставаться с ними?

Сартр Жан-Поль Дьявол и Господь Бог filosoff.org
Насти. Вся любовь земли в них.

Гёц. В них? Если ты разглядишь крупицу любви в этой навозной куче – значит, у тебя хорошие глаза. Я ничего не вижу.

Насти. Это верно, Гёц, ты ничего не видишь.

Он уходит. Ночь. Удаляющийся шум голосов. Вдали кричит женщина. Затем слабый свет падает на Гёца.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Гёц, один.

Гёц. Вы подохнете, собаки! Буду вредить вам так, что попомните. Вернись ко мне, моя злоба, дай мне легкость и силу. (Пауза.) Как смешно! Любовь смыла в моей душе всю желчь. Ну что ж. Вперед, навстречу Добру, вперед, в Альтвейлер; мне теперь одно из двух – повеситься или творить Добро! Мои дети ждут меня. Ждут меня мои разжиревшие каплуны, мои кастрированные бараны, мои ангелочки со скотного двора. Они встретят меня с почестями. Боже, как они мне надоели! Мне по душе другое – люблю волчью стаю. (Уходя.) Что ж, господи, тебе вести меня во мраке ночи. Надо продолжать. Поражение – лишь знак, поданный мне богом; беда – новая возможность, горе – милость, пусть в помощь мне придут мои неудачи. Господи, верю, хочу верить – ты ведешь меня по свету окольными путями, чтоб я безраздельно стал твоим. Господи, снова стоим мы лицом к лицу, как в доброе старое время, когда я чинил Зло. Не стоило растрачивать себя ради людей: они только мешают... Густые заросли, их нужно раздвинуть, чтобы добраться до тебя. Я иду к тебе, господи, иду. Шагаю во мраке твоей ночи. Дай руку! Скажи: ночь – это ты? Ночь... Беспредельная, раздирающая душу пустота! Ты здесь, в этой вселенской пустоте, все молчит, но ты глаголешь, не видно ни зги, но ты здесь. Древняя ночь, великая ночь, такой была ночь до появления живого на земле, ночь незнания, ночь бед и горестей, укрой меня, ночь, проскользни в мою душу, поглоти мое бречное тело. Хочу развязки, хочу позора, одиночества, презрения. Человек создан, чтоб уничтожить в самом себе человека и отдаться черному телу ночи. Покуда я не вкушу всего, у меня ни к чему не будет вкуса, покуда не овладею всем, я ничем не буду владеть, покуда не стану всем, не буду ничем, опущусь ниже всех, и тогда ты, господи, поймешь меня в сети твоей ночи и подынешь меня над ними. (Сильным и полным тревогой голосом.) Господи! Господи! В этом ли вола твоя? Разве я, когда творил Зло, не искал этой ненависти к человеку, презрения к себе самому? Как же мне отличить: одиночество Добра не схоже с одиночеством Зла?

Медленно рассветает.

Занимается день. Я прошел сквозь твою ночь. Спасибо, что ты ниспослал мне свет. Я увижу все в ясном свете дня.

Он оборачивается и видит, что деревня Альтвейлер лежит в развалинах. Хильда сидит у развалин, обхватив голову руками.

(Кричит.) Эй!

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Гёц, Хильда.

Хильда (поднимает голову и глядит на него). Наконец-то!

Гёц. Где остальные? Их нет в живых? Почему? Потому что они отказались драться?

Хильда. Да.

Гёц. Верни мне мою ночь! Скрой от меня людей! (Пауза.) Как это случилось?

Хильда. Крестьяне из Вальсхейма пришли с оружием в руках, потребовали, чтобы мы присоединились к ним, а мы не захотели...

Гёц. Тогда они подожгли деревню. Великолепно! (Хохочет.) По чему ты не умерла вместе со всеми?

Хильда. Ты жалеешь об этом?

Гёц. Черт возьми, когда никого не остается в живых, все куда проще.

Хильда. И я жалею, что осталась жить. (Пауза.) Они заперли всех в одном из домов и подожгли его. Хорошо сделали.

Гёц. Да, хорошо. Очень хорошо.

Хильда. Под конец окно распахнулось. Я выскочила. Смерть меня не страшила. Но мне хотелось снова увидеть тебя.

Гёц. Зачем? Мы бы свиделись на небесах.

Хильда. Мне не бывать там, Гёц. И будь мы оба там, наши глаза не нашли бы друг друга, наши руки не коснулись бы друг друга. Там наверху все заняты лишь богом. (Она прикасается к нему.) Ты здесь, несчастная, изможденная плоть. Жалкая, брэнная жизнь! Но я люблю и эту плоть и эту жизнь. Любить можно лишь на земле и только вопреки богу.

Гёц. А я люблю лишь бога, и я уже не здесь.

Хильда. Значит, ты меня не любишь?

Гёц. Нет, и ты меня не любишь, Хильда. И ты уже не любишь меня. Ты ненависть приняла за любовь.

Хильда. Отчего бы я стала тебя ненавидеть?

Гёц. Я погубил их.

Хильда. Нет, это я повинна в их смерти.

Гёц. Ты?

Хильда. Это я сказала им: нет! По мне, лучше смерть, чем если б они стали убийцами. О Гёц, кто дал мне право решать за них?

Гёц. Следуй моему примеру! Смой кровь со своих рук. Мы – ничто, мы ничего не можем, совсем ничего. Человеку лишь кажется, будто он действует, на самом деле бог направляет его шаги.

Хильда. Нет, Гёц, нет! Не будь меня, они были бы живы.

Гёц. Что ж, пусть так. Не будь тебя, возможно. Но я тут ни при чем.

Хильда. Помнишь свои слова: решаем вместе и вместе будем в ответе за последствия?

Гёц. Мы не вместе. Ты хотела меня видеть? Ну вот, гляди на меня. Прикоснись ко мне. Хорошо, а теперь уходи. В жизни больше не взгляну ни на чье лицо. Буду глядеть лишь на землю и на камни.

Пауза.

Я вопрошал тебя, господи, и ты ответил мне. Будь же благословен за то, что ты открыл мне злобу людей. За их грехи я покараю собственную плоть. Плоть свою подвергну голоду, холоду, ударам бича... Понемногу, шаг за шагом... Уничтожу человека в себе, ведь человека ты создал ради уничтожения. У меня был народ, мой маленький народ. Всего одна деревня, почти одна семья. Но они мертвы, и я, живой, умру для мира и проведу остаток жизни в раздумьях о смерти. (Хильде.) Ты еще здесь? Ступай! Ищи и горести и жизнь подалее от меня.

Сартр Жан-Поль Дьявол и Господь Бог filosofff.org
Хильда. Нет горемыки несчастнее тебя. Мое место здесь. Я остаюсь.

КАРТИНА ДЕСЯТАЯ

Разрушенная деревня, полгода спустя.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Хильда, затем Генрих.

Хильда сидит на том же месте, что и в предыдущей картине, и глядит на дорогу. Видно, что она заметила кого-то, ждет. Входит Генрих. К его шляпе приколоты цветы. В руках у него букет.

Генрих. Вот мы и пришли. (Оборачивается к невидимому спутнику.) Сними шляпу! (Хильде.) Меня зовут Генрих, в прежние времена я служил мессу, теперь живу подаяниями. (Дьяволу.) Куда ты побежал? Поди сюда! (Хильде.) Чуть повеет мертвечиной, и он сразу чувствует поживу. А так и мухи не обидит.

Хильда. Прошел год и один день, не так ли? Год и один день после Вормса.

Генрих. Кто сказал тебе это?

Хильда. Я считала дни.

Генрих. Тебе рассказывали обо мне?

Хильда. Да, когда-то!

Генрих. Правда, какой чудесный день! По пути я собирал цветы. Букет в честь годовщины! (Протягивает ей цветы.)

Хильда. Не хочу. (Кладет цветы рядом с собой.)

Генрих. Не бойся тех, кто счастлив.

Хильда. Ты несчастен.

Генрих. Говорю тебе, сегодня праздник: всю ночь я крепко спал. Ну, сестричка, улыбнись. Я всех люблю, кроме одного человека. Хочу, чтоб все на свете были довольны. (Резко.) Приведи его!

Она не двигается с места.

Скорей! Не заставляй его ждать.

Хильда. Он не ждет тебя.

Генрих. Он? Ты удивляешь меня. Мы с ним друзья, готов поспорить, он уже принарядился ради встречи.

Хильда. Пощади его. Возьми цветы и уходи.

Генрих (дьяволу). Слышишь, что она говорит?

Хильда. Оставь в покое дьявола, я в него не верю.

Генрих. Я тоже.

Хильда. В чем же дело?

Генрих. Ха! Ха! Какой ты ребенок!

Хильда. Того, кто оскорбил тебя, на свете нет: он умер для мира. Он и не узнал бы тебя. Уверена, и ты бы его не узнал. Ты ищешь одного, найдешь

другого.

Генрих. Уж кого найду.

Хильда. Молю тебя, пощади его. Зачем ты хочешь мне зла, ведь я перед тобой не виновата?

Генрих. Я не хочу тебе зла, ты мне пришлось по душе.

Хильда. Если ты ранишь его, прольется моя кровь.

Генрих. Ты его любишь?

Хильда. Да.

Генрих. Значит, его можно любить? Забавно! (Смеется.) Меня многие пытались любить, но ничего не вышло. А он тебя любит?

Хильда. Он любил меня, покуда любил самого себя.

Генрих. Ну, раз он любит тебя, мне легче причинить ему горе.

Хильда. Прости ему обиду, и бог тебя простит.

Генрих. Я вовсе не хочу, чтобы он меня прощал. Я проклят – но в этом тоже есть свои хорошие стороны. Все дело в привычке. А я привык. Еще и не в аду, а стал привыкать.

Хильда. Бедняга!

Генрих (в ярости). Нет, нет! Нет! Какой я бедняга?! Я счастлив, говорю тебе, счастлив. (Пауза.) Ну, зови его!

Она молчит.

Лучше позови его ты. Приготовим ему сюрприз. Не хочешь? Тогда я сам. (Кричит.) Гёц! Гёц! Гёц!

Хильда. Его здесь нет.

Генрих. Где он?

Хильда. В лесу. Порой неделями оттуда не выходит.

Генрих. Он далеко?

Хильда. Отсюда лье двадцать пять.

Генрих (дьяволу). Ты ей поверил? (Закрывает глаза и слушает, что нашептывает дьявол.) Да, да, да. (Хитро улыбается.) Что ж, как мне его найти?

Хильда. Иди, добрый пастырь, иди. Твой спутник покажет тебе дорогу.

Генрих. Храни тебя бог, сестра моя. (Дьяволу.) Эй ты, пошли! (Исчезает.)

Хильда остается одна, провожая Генриха взглядом.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Хильда, Гёц.

Гёц входит. В правой руке у него бич, в левой – кувшин. У него изможденный вид.

Гёц. Кто звал меня?

Хильда не отвечает.

Здесь меня кто-то звал, я слышал чей-то голос.

Хильда. Ты всегда слышишь голоса, когда постишься.

Гёц. Откуда цветы?

Хильда. Я собрала.

Гёц. Ты не часто собираешь цветы. (Пауза.) Какой сегодня день? Какой день года?

Хильда. Зачем ты спрашиваешь?

Гёц. Кое-кто должен был прийти осенью.

Хильда. Кто?

Гёц. Забыл. (Пауза.) Скажи, какое сегодня число, какого месяца?

Хильда. Думаешь, я считаю дни? Есть лишь один день, и он каждый раз начинается заново: он дается нам с рассветом, и отнимают его, когда приходит ночь. Ты теперь как часы, которые остановились, – они всегда показывают одно и то же время.

Гёц. Часы остановились? Нет, они идут вперед. (Размахивает кувшином.) Ты слышишь? Вода шумит. Ангельская музыка воды. Ад во рту, в ушах звуки рая.

Хильда. Как давно ты не пил?

Гёц. Три дня. Нужно продержаться до завтра.

Хильда. Зачем?

Гёц (смеется дурацким смехом). Ха! Ха! Нужно! Нужно! (Пауза. Взбалтывает воду в кувшине.) Буль! Буль! Слышишь? нет шума тягостней для человека, умирающего от жажды.

Хильда. Развлекайся! Дразни свои желания. Ведь пить, когда приходит жажда, слишком просто. Без этих непрерывных искушений ты позабыл бы о самом себе.

Гёц. Как мог бы я одержать над собой победу, не искушая себя, Хильда?

Хильда. О Гёц, разве это впервые? Все помню наизусть – кувшин, и плеск воды, и твои побелевшие губы. Неужели ты не знаешь, что будет?

Гёц. Продержусь до утра, вот и все.

Хильда. Ты никогда до конца не выдержишь. Ставишь себе слишком долгий срок для испытания. Будешь носиться с кувшином, пока не свалишься, и тогда я дам тебе напиток.

Гёц. Ты хочешь новизны? Вот! (Наклоняет кувшин.) Цветы тоже хотят пить. Пейте, цветы! Пейте мою воду! Пусть небеса коснутся ваших золотых горлышек. Видишь, цветы оживают. Земля и травы принимают мои дары, только люди отвергли их. (Переворачивает кувшин.) Вот, больше ни капли. (Он смеется и горько повторяет.) Ни капли... Ни капли.

Хильда. Неужели господу угодны твои причуды?

Гёц. Конечно. Нужно уничтожить человека, не так ли? (Он бросает кувшин.) Что ж, теперь ты дашь мне напиток? (Падает.)

Хильда (холодно глядя на него, смеется). А сам небось думаешь: у нее всегда вода в запасе. Я знаю тебя. (Отправляется за другим кувшином. Возвращается, приподнимает голову Гёца.) Пей!

Гёц. Не раньше завтрашнего дня.

Хильда. Богу угодны твое безумие, твои причуды. Но бог не хочет, чтобы ты умер. Пей!

Гёц. Прежде я заставлял Германию дрожать от страха, а теперь сам словно грудной ребенок на руках у кормилицы. Доволен ли ты, господи? Может ли человек быть униженной меня? Хильда, ты все предвидишь. Ты знаешь, что будет, когда я утолю жажду.

Хильда. Да, знаю: новая игра – искушение плоти. Ты захочешь со мной переспать.

Гёц. И ты все равно требуешь, чтоб я пил?

Хильда. Да.

Гёц. А если я брошусь на тебя?

Хильда. Ты? Все наперед известно, как в церковной мессе. Сначала пойдут оскорбления, непристойности, потом ты станешь бичевать себя.

Гёц (берет кувшин). Снова поражение! (Пьет.) Собачья плоть!

Хильда. Не плоть – душа собачья.

Гёц (ставит кувшин). Жажда утолена. Я весь опустошен. (Пауза.) Клонит ко сну.

Хильда. Спи.

Гёц. Нет, раз я этого хочу, не буду. (Глядит на нее.) Покажи мне твои груди.

Она не шевельнулась.

Покажи мне, соблазни меня. Дай мне подохнуть от желания. Нет? Ах, девка! Не хочешь? Почему?

Хильда. Я люблю тебя.

Гёц. Раскали свою любовь добела. Вонзи мне ее в сердце. Пусть оно зашипит, задымится. Если ты любишь, то должна меня мучить.

Хильда. Я твоя. Зачем превращать свое тело в орудие пытки?

Гёц. Ты бы разбила мне голову, если б только могла заглянуть в мою душу. Сплошной шабаш, и ты, как свора ведьм...

Хильда (смеется). Бахвалишься.

Гёц. Будь ты зверем... я взял бы тебя, как зверь...

Хильда. Как трудно тебе быть человеком.

Гёц. Я не человек, я ничто. Есть только бог. Человек – всего лишь обман зрения. Ты с отвращением глядишь на меня?

Хильда (спокойно). Нет, раз я люблю тебя.

Гёц. Ты видишь, как я хочу тебя унижить.

Хильда. Да, оттого что у тебя нет ничего дороже меня.

Гёц (в ярости). Ты не играешь в мою игру!

Хильда. Нет, не играю.

Гёц. Покуда ты подле меня, я не смогу ощутить всю свою гнусность.

Хильда. Для того я здесь.

Гёц (с трудом подымается). А если я тебя обниму, ты оттолкнешь меня?

Хильда. Нет.

Гёц. Даже когда мое сердце полно нечистот?

Хильда. Если ты осмелишься коснуться меня, значит, сердце твое чисто.

Гёц. Хильда, как можно любить друг друга без стыда? Нет греха хуже любовного вожделения.

Хильда. Взгляни на меня. Вот глаза мои, губы, шея, руки. Разве я греховна?

Гёц. Ты красива. Красота есть зло.

Хильда. Ты уверен?

Гёц. Я более ни в чем не уверен. (Пауза.) Пусть следовать желанию – грех, зато я от него избавлюсь. Отказаться – значит, заразой отравить всю душу... Приходит ночь, и в этом сумеречном свете так нелегко отличить бога от дьявола. (Приближается к ней, обнимает и затем отталкивает от себя резким движением.) Спать с тобой на глазах у бога! Нет, я не люблю свального греха. (Пауза.) Будь только ночь потемней, чтоб укрыться от его взгляда...

Хильда. Любовь есть ночь: бог не видит любящих.

Гёц (колеблется, затем отступает). Дай мне глаза пронзительней, чем у рыси, дай мне проникнуть сквозь эту кожу, увидеть, что скрыто в ноздрях и ушах этой женщины. Я пальцем не коснусь нечистот. Как же могу я желать ее? Она – мешок нечистот.

Хильда (страстно). В моем теле меньше нечистот, чем в твоей душе. Вот где плотское уродство и грязь. К чему мне пронзительный взгляд рыси? Я ходила за тобой, мыла тебя, знаю все запахи твоих болезней. Разве я перестала тебя любить? Ты с каждым днем все больше походишь на труп, а я по-прежнему люблю тебя. Умрешь, и я лягу рядом с тобой, останусь с тобой до конца, не буду ни есть, ни пить. Ты будешь гнить у меня в объятиях, и я буду любить твою смердящую плоть. Когда любишь – любишь все. Иначе это не любовь.

Гёц (протягивая ей бич). Хлещи меня!..

Хильда пожимает плечами.

Бичуй меня, бичуй! Отомсти за умершую Катерину, за свою погибшую молодость, за всех, кого сожгли по моей вине.

Хильда (внезапно хохочет). Да, я отхлещу тебя, грязный монах. Отхлещу за то, что ты убил нашу любовь. (Хватает бич.)

Гёц. По глазам, Хильда, по глазам!

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Те же и Генрих.

Генрих. Бичуй его, бичуй! Так, словно меня и нет. (Приближается к Хильде.) Мой спутник шепнул мне на ухо: обойди вокруг и вернись потихоньку. Имей в виду, его не обмануть. (Пауза.) Она хотела помешать нашему свиданию. Правда, что ты меня больше не ждал?

Гёц. Я? Дни считал...

Хильда. Считал дни? О Гёц, ты лгал мне. (Глядит на него.) Что с тобой? Твои глаза сверкают. Ты уже не тот.

Гёц. Рад встрече с ним.

Хильда. Странная радость. Он причинит тебе все зло, какое сумеет.

Гёц. Значит, любит. И тем докажет свою любовь ко мне. Ты ревнуешь, правда?

Сартр Жан-Поль Дьявол и Господь Бог filosoff.org
Она не отвечает. Он оборачивается к Генриху.

Это ты собрал цветы?

Генрих. Да, для тебя.

Гёц. Спасибо! (Поднимает букет.)

Генрих. Поздравляю с годовщиной, Гёц!

Гёц. Поздравляю с годовщиной, Генрих.

Генрих. Должно быть, ты умрешь этой ночью...

Гёц. В самом деле? А почему?

Генрих. Крестьяне ищут тебя, они хотят тебя убить. Мне пришлось бежать, чтобы поспеть сюда раньше их.

Гёц. Убить меня! Черт побери, какая честь! Я-то думал, что меня совсем забыли. А почему они хотят меня убить?

Генрих. В прошлый четверг в долине Гунсбаха бароны разбили вконец армию Насти. Двадцать пять тысяч убитых – это разгром. Через два-три месяца мятеж будет подавлен.

Гёц (в ярости). Двадцать пять тысяч убитых! Не надо было решаться на сражение. Дурачье! Они должны были... (Успокаивается.) К дьяволу! Мы рождены, чтобы умирать. (Пауза.) Конечно, во всем винят меня?

Генрих. Они говорят, что ты сумел бы предотвратить побоище, став во главе войска. Можешь быть доволен: во всей Германии нет человека, которого ненавидели бы так, как ненавидят тебя.

Гёц. А Насти? Он бежал? В плену? Убит?

Генрих. Отгадай.

Гёц. Убирайся! (Погружается в свои мысли.)

Хильда. Знают ли они, что он здесь?

Генрих. Да.

Хильда. Кто им сказал? Ты?

Генрих (показывая на дьявола). Не я – он им сказал.

Хильда (мягко). Гёц! Гёц! (Касается его руки.) Гёц!

Гёц (вскакивает). А! Что?

Хильда. Тебе нельзя здесь оставаться.

Гёц. Почему? Идет расплата, а?

Хильда. Никакой расплаты, ты не виноват.

Гёц. Не вмешивайся не в свое дело.

Хильда. Это мое дело, Гёц. Нам нужно уходить.

Гёц. куда?

Хильда. Не важно, лишь бы ты был в безопасности. Ты не вправе дать себя убить.

Гёц. Почему?

Хильда. Это было бы жульничество!

Гёц. Верно, жульничество. Ну и что? Разве я не жульничал всю жизнь? (Генриху.) Ты можешь начинать обвинительную речь, теперь самое время – я готов.

Генрих (указывая на Хильду). Скажи ей, чтобы она ушла.

Хильда. Тебе придется говорить при мне, я его не покину.

Гёц. Он прав, Хильда. Это суд при закрытых дверях.

Хильда. Что за суд?

Гёц. Суд надо мной.

Хильда. Зачем ты позволяешь ему судить себя? Прогони этого попа, и мы уйдем отсюда.

Гёц. Хильда, мне нужно, чтобы меня судили. Я сам что ни день, что ни час выношу себе приговор. По я уже себе не верю: слишком хорошо себя знаю, чтобы поверить. Своя душа так близко, ее не разглядеть. Пусть кто-нибудь одолжит мне зрение.

Хильда. Возьми мое.

Гёц. И ты уже не видишь меня: ты любишь. Генрих ненавидит – значит, он может меня убедить. Я поверю своим мыслям, когда услышу их из его уст.

Хильда. Я уйду, но обещаешь ли тотчас же бежать со мной?

Гёц. Да, если выиграю свой процесс.

Хильда. Ты знаешь, что заранее решил проиграть. Прощай, Гёц!

(Подходит к нему, целует и уходит.)

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Гёц, Генрих.

Гёц (кидая букет). Живей берись за дело! Причини мне все зло, какое можешь!

Генрих (глядя на него). Я представлял себе это иначе.

Гёц. Смелей, Генрих, дело не из трудных. Я сам наполовину твой сообщник. Поройся хорошенько в моей душе, дойди до самой сути.

Генрих. Значит, ты и впрямь желаешь проиграть?

Гёц. Да нет, не бойся! Только отчаяние лучше сомнений.

Генрих. Ладно... (Пауза.) Поймай, что за провал в памяти!.. Со мной это бывает, но я тотчас припомню. (В волнении шагает по сцене.) А я ведь принял меры: утром все хорошенько повторил... Твоя вина: ты не такой, как должно. Ты должен быть украшен венком из роз, глаза твои должны светиться торжеством. Тогда я содрал бы с тебя венок, втоптал бы в грязь твое торжество, под конец ты встал бы на колени передо мной... Где твоя гордая повадка? Где твоя наглость? Ты наполовину мертв. Что мне за радость в том, чтобы тебя прикончить? (В бешенстве кричит.) Ах, я еще недостаточно зол!

Гёц (смеясь). Ты, Генрих, весь сжался в комок. Успокойся, не торопись.

Генрих. Нельзя терять ни минуты. Говорю тебе, они идут за мной по пятам. (Дьяволу.) Ну, подскажи, ну, шепни, помоги возненавидеть его как следует. (Жалобно.) Когда он нужен, его никогда нет на месте.

Гёц. Давай я подскажу. (Пауза.) Мои земли...

Генрих. Земли?

Гёц. Имел я право их раздать?

Генрих. А, земли... Но ты не роздал их – отдать ведь можно только то, чем обладаешь.

Гёц. Хорошо сказано. Владенье есть дружба между человеком и вещами, в моих руках вопили даже вещи. Я ничего не отдал, лишь дарственную огласил – только и всего. И все же, поп, пусть я не роздал свои земли, но ведь крестьяне их получили. Что ты на это скажешь?

Генрих. Они не получили их, раз не могут уберечь. Бароны захватят эту область, посадят в замок Гейденштама, дальнего родственника Конрада, и вся фантазмагория развеется как дым.

Гёц. Что ж, в добрый час! Я ничего не дал, никто ничего не взял – так проще. Когда расплываешься золотом дьявола, оно в руках у тебя становится трухой. Так и мои благодеяния: прикоснись к ним – и они оборачиваются мертвечиной. Но все же намерение было? Не так ли? Я в самом деле хотел добра. Ни бог, ни дьявол не могли меня заставить отступить. Займись-ка моими помыслами, их осуди.

Генрих. Не так уж трудно: ты не мог пользоваться своими благами и тут-то вознамерился от них отречься.

Гёц. О, беспощадный голос! Разоблачай, разоблачай же мои мысли. Не знаю, кто говорит, ты или я. Значит, все только ложь и притворство. И я не действовал. Я только играл роль. Ах, поп, ты метишь прямо в точку. Ну, а дальше, дальше? Что этот шут затеял потом? Ты быстро выдохся, однако!

Генрих (ему передалось исступление Гёца). Ты отдавал, чтоб разрушать.

Гёц. В точку! Мне мало было умертвить владельца...

Генрих (так же). Ты решил развеять по ветру владенья.

Гёц. Я держал в своих руках старинные владенья Гейденштама...

Генрих (все так же). И ты швырнул их оземь, вдребезги разбив.

Гёц. Я хотел, чтобы моя доброта стала разрушительнее моих пороков.

Генрих. И это тебе удалось, смотри – двадцать пять тысяч трупов. За день добродетели ты перебил больше народу, чем за тридцать пять лет злодейства.

Гёц. Добавь еще, что убитые – те бедняки, кому я притворства ради роздал владенья Конрада.

Генрих. Черт возьми, ты их всегда терпеть не мог.

Гёц (поднял кулак). Пес! (Останавливается и начинает смеяться.) Чуть тебя не стукнул – значит, ты близок к правде. Ха! Ха! Вот мое больное место. Ну, дальше! Расскажи, как я их ненавидел, как использовал их благодарность для их же порабощения. Прежде я насилывал их души пыткой, потом насилывал добром. Селение превратилось в букет одуряченных, увядших душ. Они, бедняги, как обезьяны, подражали мне во всем, а я, как обезьяна, перенимал ужимки добродетели. Они погибли как мученики, сами не зная за что. Послушай, поп, я предал всех на свете, даже своего брата, но жажды предавать не утолил. И вот ночью у крепостных стен Вормса я надумал предать Зло – только и всего. Но Зло не так-то легко предать. В кости тогда выпало не Добро, а только Зло, еще хуже прежнего. Впрочем, мне было наплевать, чудовище я или святой! Главное – я не хотел быть человеческим. Скажи же, Генрих, что я обезумел от стыда: решил удивить небеса, чтобы спастись от людского презрения. Ну, чего же ждешь? Говори! Ах, верно, ты не можешь говорить, твоим голосом говорю я. (Подражая Генриху.) «Гёц, ты сменил не кожу, а язык. Свою ненависть к людям обозвал любовью, свое безумное стремление разрушать – великодушием. Но ты остался верен себе, остался тем же незаконнорожденным ублюдком... (Снова говорит своим обычным голосом.) Боже, я подтверждаю, что он прав, я, обвиняемый, признаю себя виновным. Я проиграл процесс, Генрих. Ты доволен?»

Сартр Жан-Поль Дьявол и Господь Бог filosoff.org
(Пошатнулся и прислонился к стене.)

Генрих. Нет.

Гёц. На тебя нелегко угодить.

Генрих. О господи! Это ли моя победа? Как она печальна.

Гёц. Что ты будешь делать, когда меня не станет? Ты будешь скучать без меня.

Генрих (указывая на дьявола). Он задаст мне немало работы. Времени не будет думать о тебе.

Гёц. А ты уверен, что они хотят меня убить?

Генрих. Уверен!

Гёц. Добрые люди! Я подставлю им шею, и все будет кончено! Какой хороший выход для всех.

Генрих. Ничто никогда не кончается.

Гёц. Ничто. Ах да, еще есть ад! Что ж, там я изменюсь!

Генрих. Нет! Не изменишься: мы уже в аду. Мой кум (показывая на дьявола) – он научил меня: земля лишь видимость. Есть небо и есть ад, только и всего. Смерть лишь родных водит за нос, для покойника все продолжается!

Гёц. И для меня все будет продолжаться?

Генрих. Все. Ты сможешь вечно наслаждаться самим собой.

Гёц. Когда я чинил Зло, Добро казалось близким. (Пауза.) Только руку протяни. И протянул, и оно в одно мгновение перестало быть Добром. Значит, Добро – мираж. Генрих, Генрих, возможно ли Добро?

Генрих. Веселенькая годовщина! Год и день тому назад ты у меня спросил о том же и я ответил: нет. Стояла ночь. Ты, глядя на меня, сказал, что я похож на крысу, а потом ты выкрутился, смошенничал. Что ж, смотри: вот снова ночь, точно такая же, как тогда, но кто из нас сегодня в мышеловке?

Гёц (шутовским тоном). Я.

Генрих. А выйдешь из нее?

Гёц (без шутовства). Нет, не выйду. (Ходит по сцене.) Господи, раз ты не даешь нам творить Добро, зачем вселяешь ты в нас столь сильное к нему стремление? Если ты не дозволил быть добрым, зачем ты лишил меня желания быть злым? (Шагает.) Забавно все-таки, что исхода нет!

Генрих. Зачем ты притворяешься, будто говоришь с ним? Знаешь ведь, что он не ответит.

Гёц. А почему он молчит? Почему он не хочет показаться мне? Ведь он предстал даже перед ослицей пророка.

Генрих. Ты ничего не значишь. Пытай слабых, мучь самого себя, целуй распутниц или прокаженных, погибай от лишений или излишеств – богу плевать на тебя.

Гёц. Что же тогда имеет значение?

Генрих. Ничто. Человек – ничто. Не удивляйся, ты это знал всегда. Ты знал это, бросая кости, не то зачем тебе было мошенничать?

Гёц хочет говорить.

Ты жульничал. Катерина видела. Ты поднял свой голос, желая заглушить молчание бога... Ты притворялся, что следуешь велению бога, а следовал только своей воле.

Гёц (раздумчиво). Да, это так.

Генрих (удивленно). Да, своей воле...

Гёц (так же). Всё я сам...

Генрих. Да, говорю тебе, да!

Гёц (подымая голову). Всё я сам, поп, ты прав, все сам! Я молил, я выпрашивал знака небес. Слал небесам мольбы – ответа нет. Небеса не знают даже моего имени. Я вопрошал себя ежечасно, что я в глазах господя? Теперь я знаю: ничто. Бог меня не видит, бог меня не слышит, бог меня не знает. Ты видишь эту пустоту над головой: то бог. Ты видишь щель в двери: то бог. Ты видишь дыру в земле: то бог. Бог есть молчание, бог есть отсутствие. Бог есть одиночество людское. Нет никого, кроме меня, я сам решал, какое зло чинить. Я сам избрал добро. Я жульничал: я творил чудеса. Сегодня я сам обвиняю себя. Один лишь я мог отпустить свои грехи. Я – человек. Если есть бог, то человек ничто; если существует человек... Куда ты бежишь?

Генрих. Я уйду. С тобой мне делать нечего.

Гёц. погоди, поп, я рассмешу тебя.

Генрих. Молчи!

Гёц. Но ты не знаешь, что я хочу тебе сказать. (Глядит на него и внезапно говорит.) Нет, знаешь.

Генрих (кричит). неправда! Я ничего не знаю. Не хочу знать!

Гёц. Генрих, ты сейчас узнаешь о величайшем жульничестве – бога нет.

Генрих кидается на него, бьет его. Под его ударами Гёц смеется и кричит.

Бога не существует! Радуйся! Плачь от радости! Аллилуйя! Безумец! Не бей меня: ведь я нас обоих освобождаю. Нет небес, нет ада! Есть лишь одна земля.

Генрих. Пусть он проклянет меня сто, нет – тысячу раз! Лишь бы только он был! Гёц, люди назвали меня предателем, тебя ублюдком. Они нас осудили. Если бога нет, от людей не спасись. Господи, этот человек богохульствует. Верю в тебя, верю! Отче наш, иже еси на небеси, хочу быть судимым тобой, а не равным мне, ибо ты есть бессмертен и бесконечен.

Гёц. К кому ты обращаешься? Ты сам сказал, что он глух. (Генрих молча глядит на него.) Нет средства избежать людей. Прощайте, изверги! Прощайте, святые! Прощай, гордость! Нет ничего, кроме людей.

Генрих. Но люди не хотят знать тебя, ублюдок.

Гёц. Ну, это я улажу. (Пауза.) Генрих, я не проиграл процесса: он попросту не состоялся из-за отсутствия судьи. (Пауза.) Я все начну сначала.

Генрих (вскакивая). Что ты начнешь?

Гёц. Жизнь.

Генрих. Это чересчур удобный выход. (Кидается на него.) Ничего ты не начнешь. Все кончено. Сегодня нужно подвести окончательный итог.

Гёц. Оставь меня, Генрих! Оставь меня! Все изменилось, я жить хочу. (Высвобождается.)

Генрих (хочет его задушить). Где твоя сила, Гёц, где твоя сила? Как хорошо, что тебе хочется жить: ты подохнешь в отчаянии.

Ослабевший Гёц тщетно пытается оттолкнуть его.

Пусть в эти последние минуты пребудут с тобой все муки ада.

Сартр Жан-Поль Дьявол и Господь Бог filosoff.org
Гёц. Оставь меня! (Хочет высвободиться.) Черт возьми, если из нас двоих одному суждено умереть, умри ты. (Наносит ему удар ножом.)

Генрих. Ха! (Пауза.) Я не хочу отказаться от ненависти, от страданий... (Падает.) Для меня не будет ничего! Пустота! Пустота! А ты завтра увидишь свет дня. (Умирает.)

Гёц. Ты мертв, а мир по-прежнему полон: никто о тебе не пожалеет. (Подымает цветы и кидает их на труп.) Комедия добра закончилась убийством. Тем лучше, пути назад у меня нет. (Зовет.) Хильда! Хильда!

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Гёц, Хильда.

Настала ночь.

Гёц. Бог мертв.

Хильда. Что мне за дело, жив он или мертв. Я давно уже о нем не тревожусь. Где Генрих?

Гёц. Ушел.

Хильда. Ты выиграл процесс?

Гёц. Процесса не было: говорю тебе, бог умер. (Обнимает ее.) Никто за нами не следит. Я один вижу твои волосы, твой лоб. Гляди без усталости: мир ослеп. Если ты отведешь свой взгляд в сторону, мне покажется, будто меня нет на свете. Наконец-то мы одни.

Свет. Приближаются факелы.

Хильда. Вот они. Уйдем!

Гёц. Нет, подождем их!

Хильда. Они тебя убьют.

Гёц. Кто знает. (Пауза.) Останемся: я должен видеть людей.

Факелы приближаются.

КАРТИНА ОДИННАДЦАТАЯ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Лагерь крестьян. Карл, колдунья, два крестьянина, затем Насти. У Колдуньи деревянная лопатка в форме руки, которой она прикасается к крестьянам.

Насти (входя). Что ты здесь делаешь?

Колдунья. Те, до кого дотронусь деревянной рукой, станут неуязвимы. Смогут наносить удары, но им ничьи удары не будут страшны.

Насти. Брось ее! (Наступает на нее.) Ну, брось!

Колдунья ищет защиты у Карла, прячется за его спиной.

Карл, ты с ней заодно?

Карл. Да. Не мешай ей.

Насти. Покуда я здесь главный, начальники не будут обманывать солдат.

Карл. Тогда они погибнут вместе со своими начальниками.

Насти (крестьянам). Убейтесь.

Они уходят. Пауза. Карл подходит к Насти.

Карл. Ты, Насти, колеблешься, мечтаешь, а дезертиров все больше и больше! Армия теряет солдат, как раненый кровь. Кровотечение нужно остановить, мы не можем быть так разборчивы в средствах.

Насти. Что ты намерен предпринять?

Карл. Пусть эта милая красotka коснется каждого своей лопаткой. Они поверят в свою неуязвимость и не удерут с поля боя.

Насти. Я сделал их людьми, ты хочешь снова превратить их в скотов.

Карл. Лучше скоты, идущие на смерть, чем люди, которые спасаются бегством.

Насти. Пророк заблуждений и мерзости.

Карл. Да, верно, я лжепророк. Ну а ты? Кто ты?

Насти. Я не хотел этой войны.

Карл. Возможно. Но ты не мог ей воспрепятствовать – значит, бог не на твоей стороне.

Насти. Нет, я не лжепророк, я – человек! Бог обманул меня. Поступай как хочешь.

Карл уходит вместе с колдуньей.

Да, господи, ты обманул меня. Заставил меня поверить, будто я твой избранник. Но может ли упрекнуть тебя во лжи, может ли усомниться в любви твоей тот, кто, как я, любит своих братьев и лжет им, как лгу я?

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Насти, Гёц, Хильда, трое вооруженных крестьян.

Насти (без удивления). Вы здесь!

Один из крестьян (показывая на Гёца). Мы искали его, хотели прикончить. Но он совсем переменялся: раскаялся в своих заблуждениях и говорит, что хочет сражаться в наших рядах! Вот мы и привели его к тебе.

Насти. Оставьте нас.

Они выходят.

Ты хочешь сражаться в наших рядах?

Гёц. Да.

Насти. Зачем?

Гёц. Вы мне нужны. (Пауза.) Хочу быть человеком среди людей.

Насти. Только и всего?

Гёц. Знаю, нет ничего трудней. Хочу начать все с самого начала.

Насти. Где начало?

Гёц. Начало – преступление. Люди нынче рождаются преступниками. Я должен

Сартр Жан-Поль Дьявол и Господь Бог filosoff.org
взять на себя часть их преступлений, если хочу завоевать хоть часть их любви и добродетели. Я возжелал чистой любви. Глупец! Любить – значит вместе с другими ненавидеть общего врага. Я разделяю вашу ненависть. Я возжелал Добра. Глупец! На земле теперь Добро и Зло неразделимы. Согласен быть злым, чтобы стать добрым.

Насти (глядит на него). Ты изменился.

Гёц. Еще бы! Я потерял того, кто был мне дорог.

Насти. Кого?

Гёц. Ты не знаешь. (Пауза.) Хочу служить под твоим началом как простой солдат.

Насти. Отказываюсь.

Гёц. Насти!

Насти. К чему мне теперь один солдат, когда я каждый день теряю больше пятидесяти?

Гёц. Я принес вам свою гордыню богача, а вы отвергли меня, справедливо отвергли, ибо я возомнил, будто вы нуждались во мне. Но я говорю вам сегодня, что вы нужны мне, и если вы отвергнете меня – поступите несправедливо, ибо несправедливо прогонять просящего подавание.

Насти. Я тебя не отвергаю. (Пауза.) Вот уже год и день, как ждет тебя твое место. Займи его. Ты встанешь во главе войска.

Гёц. Нет! (Пауза.) Я не рожден командовать. Хочу подчиняться.

Насти. Отлично. Я тебе повелеваю стать во главе армии. Повинуйся!

Гёц. Насти, я готов убивать, сам готов на смерть, раз нужно, но я никого не пошлю умирать. Теперь я знаю, что значит умирать. Там нет ничего, Насти, ничего, у нас есть только наша жизнь.

Хильда (прерывая его). Гёц! Молчи!

Гёц (Хильде). Хорошо. (Насти.) Полководец одинок а я хочу людей повсюду – вокруг себя и над собой. Пусть люди скроют от меня небо! Насти, разреши мне стать простым солдатом.

Насти. Ты им и будешь. Неужто ты думаешь, будто военачальник стоит больше солдата? Но если не возьмешься командовать, то уходи.

Хильда (Гёцу). Соглашайся!

Гёц. С меня хватит тридцати шести лет одиночества.

Хильда. Я буду с тобой.

Гёц. Ты – это я, мы и вместе будем так же одиноки.

Хильда (вполголоса). Если ты будешь солдатом среди солдат, разве ты им скажешь, что бога нет?

Гёц. Нет, не скажу.

Хильда. Вот видишь!

Гёц. Что?

Хильда. Ты никогда не будешь им ровней, не лучше их, не хуже – ты будешь попросту другим. И лишь случай поможет вам понять друг друга.

Гёц. Я убил бога за то, что он отделял меня от людей. Но вот он мертв, а я еще больше одинок. Не потерплю, чтобы этот гигантский труп отравлял людскую дружбу. Я все скажу им, если нужно...

Сартр Жан-Поль Дьявол и Господь Бог filosoff.org
Хильда. Вправе ли ты лишать их мужества?

Гёц. Я не сразу... Потерплю год...

Хильда (смеясь). Слушай, через год мы все умрем.

Гёц. Если бога нет, то почему я одинок – я так хотел жить со всеми вместе.

Входят крестьяне, подталкивая колдунью.

Колдунья. Клянусь вам, никакого вреда. Дотронусь до вас – станете неуязвимы.

Крестьянин. Мы поверим тебе, если Насти даст до себя дотронуться.

Колдунья подходит к Насти.

Насти. Убирайся к черту!

Колдунья (вполголоса). Меня прислал Карл. Не мешай мне, не то все пропало.

Насти (громко). Хорошо. Только скорее!

Она трет его. Крестьяне хлопают в ладоши.

Один из крестьян. Монаха не забудь.

Гёц. К черту!

Хильда (мягко). Гёц!

Гёц. Ну, три, красотка, натирай!

Колдунья трет его.

Насти (в ярости). Убирайтесь!

Крестьяне и колдунья уходят.

Гёц. Насти, до чего ты дошел.

Насти. Как видишь...

Гёц. Значит, ты их презираешь?

Насти. Я презираю лишь себя. (Пауза.) Дурацкая комедия: я ненавижу ложь и лгу своим же братьям, чтобы придать им мужества перед лицом смерти на войне, которую я ненавижу.

Гёц. Черт возьми, Хильда, этот человек одинок, как я.

Насти. Больше, чем ты. Ты был одинок всегда, а я всегда жил жизнью сотен тысяч, теперь я остался наедине с самим собой. Гёц, прежде я не знал ни одиночества, ни поражения, ни смятения, теперь я бессилён перед ними.

Входит солдат.

Солдат. Начальники хотят говорить с тобой.

Насти. Пусть войдут. (Гёцу.) Сейчас они мне скажут, что им не доверяют и не подчиняются.

Гёц (с силой). Нет.

Насти глядит на него.

Муки, смятение, укоры совести – все это хорошо для меня. Если от них страдаешь ты, гаснет последняя свеча, приходит ночь. Я стану полководцем.

Входят начальники, Карл.

Сартр Жан-Поль Дьявол и Господь Бог filosoff.org
Один из начальников. Насти, нужно кончать войну. Мои люди...

Насти. Будешь говорить, когда я дам тебе слово. (Пауза.) У меня для вас новость, которая стоит победы. У нас есть генерал – самый знаменитый полководец Германии.

Один из начальников. Этот монах?

Гёц. Только не монах! (Сбрасывает с себя рясу – он в военном мундире.)

Начальники. Гёц!

Карл. Гёц! Черт подери...

Один из начальников. Гёц! Тогда дело другое!

Другой начальник. Что? Что изменится? Ведь он предатель! Вот увидите, затянет нас в западню.

Гёц. Подойди! Насти назначил меня начальником и полководцем. Будешь подчиняться мне!

Один из начальников. Скорей подохну!

Гёц. Тогда подымай, брат мой. (Закалывает его кинжалом.) Слушайте: я беру на себя командование против собственной воли, но я не брошу армии. Поверьте, если есть хоть один шанс выиграть эту войну, я выиграю ее. Тотчас же объявите: всех дезертиров – на виселицу! Сегодня к вечеру доложить мне точно о состоянии войск, оружия, провианта. За все ответите головой. Вера в победу придет, когда ваши люди будут бояться меня больше, чем врага.

Они что-то хотят сказать.

Ни слова! Ступайте! Завтра узнаете о моих планах

Они выходят. Гёц отталкивает ногой труп.

Вот и началось царствие человека на земле. Хорошее начало. Пошли, Насти! Я буду палачом и мясником.

Короткая пауза.

Насти (кладет ему руку на плечо). Гёц...

Гёц. Не бойся! Я не отступлю. Заставлю их трепетать от страха передо мной, раз нет иного способа их любить. Буду повелевать, раз нет иного способа их любить. Буду одинок под этими пустыми небесами – раз нет иного способа быть вместе со всеми. Идет война – я буду воевать.

Занавес

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://filosoff.org/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://dostoevskiyfyodor.ru/> Приятного чтения!